

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВГУЭС. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.09.2022 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Литшенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка (г. Находка, Россия).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (г. Находка, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сирай, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University of Economics and Service". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published:

- 07.00.02 – Domestic history (historical sciences)
- 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences)
- 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 23.00.01 – Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political sciences)
- 23.00.02 – Political institutions, processes and technologies (political sciences)
- 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development (political sciences)

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VSUES. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.09.2022. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeniy V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Head of Library, Museum of the History of the Far East named after V.K. Arseniev (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij A. Naumov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Corresponding member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Associate Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch) (*Nakhodka, Russia*).

Tatyana G. Rimskaya – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2022

№ 3 (62)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

**ТЕМА НОМЕРА: Владимир Клавдиевич Арсеньев –
писатель, ученый, преподаватель**

От редактора рубрики 9

Хисамутдинов А. А., Хисамутдинова Н. В.
В.К. Арсеньев и его интересы в геологии 11

Барбенко Я. А., Кондратенко Г. В. "Китайцы в
Уссурийском крае" В. К. Арсеньева и "Китайское отходничество
на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва: изучение китайцев на
русском Дальнем Востоке между экспертизой и наукой 18

Головнев И. А. Дальневосточная одиссея Владимира
Арсеньева: опыт визуально-антропологического
исследования 30

Воробьев Н. С. Судьба отчёта Камчатской экспедиции
В. К. Арсеньева 43

Историческое регионоведение

Ткачев С. В., Ткачева Н. Н. Сельское население
Приморского переселенческого района
по переписям 1913–1915 гг. 50

Экономика и природопользование

Цай Ин. Условия развития речных туристических
сообщений на Амуре между Дальним Востоком России и
провинцией Хэйлунцзян 69

Наумов Ю. А. Рекреационные ресурсы Дальнего Востока
России и проблемы их рационального использования 82

Социальные и демографические структуры

Рыбачук Д. А. Иммиграционное законодательство США
и Канады в отношении латиноамериканской иммиграции
в XXI веке – фактор COVID-19 92

Клиценко М.В., Целуйко Д.С. "Заброшки" города
Хабаровска в структуре городского пространства 100

Культурные и идеологические факторы регионализации

Подмаскин В. В. Народные знания об осоковых
растениях у коренных малочисленных народов Севера:
аксиологический аспект 114

**Филипова А. Г., Калинин А. Л., Калинина И. В.,
Соловченков С. А.** Подростки об экологических
привычках (на примере города Биробиджан) 124

Владивосток
2022

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Золотухин И. Н., Зайцев В. О. К вопросу о противостоянии Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море: история и современность **135**

Золотухин И. Н. Региональная повестка Эфиопии в современных геополитических реалиях Африки **143**

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Ячин С. Е., Деменчук П. Ю., Чернявина Ю. А., Дженжера Д. В., Гуршалов Н. А., Надеяев А. О., Чосов Д. В., Свидин Р. Д., Маньковский К. Л., Иванченко М. А. Михаил Бахтин и формирование современной парадигмы гуманитарного знания в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Аналитический обзор публикаций **151**

Севастьянов С. В. Обзор монографии "Азиатский поворот" в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой) **166**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Винокурова А. В. "Мир Центральной Азии – V": заметки участника конференции **170**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

**THE THEME: VLADIMIR KLAVDIEVICH ARSENIIEV –
LITERATOR, SCIENTIST, TEACHER**

From the editor of the heading 9

Khisamutdinov A. A., Khisamutdinova N. V.
V.K. Arseniev and His Interests in Geology 11

Barbenko Y. A., Kondratenko G. V. "The Chinese
in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev and "Chinese
otkhodnichestvo in the Far East..." by F. V. Solov'ev:
the study of the Chinese in the Russian Far East
between expertise and science 18

Golovnev I. A. Far Eastern Odyssey of Vladimir Arseniev:
the experience of visual and anthropological research 30

Vorob'ev N. S. The fate of the report of the Kamchatka
expedition of V. K. Arseniev 43

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Tkachev S. V., Tkacheva N. N. Rural population of the
Primorsky Resettlement District according to the censuses
of 1913–1915 50

ECONOMY AND NATURE

Cai Ying. Conditions for the development of river tourist
traffic on the Amur River between the Russian Far East and
Heilongjiang Province 69

Naumov Yu. A. Recreational resources of the Russian
Far East and the problems of their rational use 82

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Rybachuk D. A. Immigration law of the USA and Canada
towards Latin American immigration
in the XXI century – COVID-19 factor 92

Klitsenko M.V., Tceluiko D.S. Khabarovsk abandoned
buildings in urban space structure 100

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Podmaskin V. V. Folk knowledge about sedge plants
among the indigenous peoples of the North:
an axiological aspect 114

**Filipova A. G., Kalinin A. L., Kalinina I. V.,
Solovchenkov S. A.** Ecological habits of young people
in an average city (on the example of the city
of Birobidzhan) 124

Vladivostok
2022

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Zolotukhin I. N., Zaytcev V. O. On the issue of confrontation between China and Vietnam in the South China Sea: past and present **135**

Zolotukhin I. N. The Ethiopia's regional agenda in the contemporary Africa's geopolitical realities **143**

REVIEWS

Yachin S. E., Demenchuk P. Yu., Chernyavina Yu. A., Dzhenzhera D. V., Gurshalov N. A., Nadelyaev A. O., Chosov D. V., Svidin R. D., Man'kovskij K. L., Ivanchenko M. A. Mikhail Bakhtin and the formation of a modern paradigm of humanitarian knowledge in the countries of East and Southeast Asia. Analytical review of publications **151**

Sevastyanov S. V. Monograph review: "Asian turn" in Russian foreign policy: Achievements, problems and prospects" (ed. by A.V. Torkunov, D.V. Streltsov, E.V. Koldunova) **166**

SCIENTIFIC LIFE

Vinokurova A. V. "The World of Central Asia – V": the notes of the conference participant **170**

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Этот номер выходит в год 150-летия *Владимира Клавдиевича Арсеньева*. Значение Владимира Клавдиевича для Дальнего Востока огромно. За свою 58-летнюю жизнь он проявил себя не только как путешественник, разведчик и общественный деятель, но и как писатель, учёный и преподаватель.

История показывает, что в жизни многих регионов планеты иногда появляется человек, который оставляя свой след, навсегда меняет лицо региона. Для Дальнего Востока таким человеком был *Владимир Клавдиевич Арсеньев*.

Говоря об В.К. Арсеньеве как о писателе, учёном и преподавателе приведем в качестве иллюстрации многогранности талантов Арсеньева его переписку с Максимом Горьким. Практически во всех изданиях книгу "Дерсу Узала" предваряет письмо М. Горького – В.К. Арсеньеву от 24 января 1928 года, в котором он даёт не только книге, но, пожалуй, и всему литературному творчеству Арсеньева очень краткую, но удивительно ёмкую характеристику. К этой характеристике, как говорится "не убавить, не прибавить". Это было не просто вежливое письмо-похвала, а выражение глубокой заинтересованности Горького в пробуждении всех талантливых людей в только что возникшем на месте Российской Империи СССР. Здесь мы не будем останавливаться, на том, как и почему планы Горького не были осуществлены в полной мере, а просто отметим как факт. Горький в этом плане задумывал выпуск серии сборников "Библиотека "Наших достижений" по всем регионам¹, поэтому не удивительно, что при обращении к Дальнему Востоку он вспомнил именно об Арсеньеве. Горький писал: "... Не возьмёте ли Вы на себя труд создать сборники по достижениям Уссурийского края и организовать ещё два-три сборника по областям Дальнего Востока? Я усердно просил бы Вас принять участие в этой работе..."². На это Арсеньев ответил согласием: "Ваше поручение принять на себя организацию по сбору статей для сборника, иллюстрирующего Дальневосточный Край, я принимаю. Благодарю за внимание. Найти таких специалистов, которые располагали бы большим краеведческим материалом и умели бы красиво излагать свои мысли, – дело трудное..."³. Смерть В.К. Арсеньева наступившая 4 сентября 1930 года помешала полностью осуществить эти планы.

Тематическая рубрика, представленная в этом номере, как раз и посвящена деятельности Арсеньева именно как писателя, учёного и преподавателя.

Открывает рубрику статья Амира Александровича и Натальи Владимировны Хисамутдиновых. В ней авторы раскрывают и анализируют геологические интересы Владимира Клавдиевича Арсеньева, как учёного. Будучи сторонником комплексного осуществления экспедиций, Арсеньев наряду с основными задачами всегда обращал внимание на полный сбор разнообразных научных сведений, в том числе геологических. А.А. и Н.В. Хисамутдиновы анализируют, то как Арсеньев проводил свои геологические исследования, а также его связи с учёными-геологами Э.Э. Анертом, И.П. Толмачёвым, П.В. Виттенбургом, А. Либусом и др. Свою работу авторы базируют на материалах личного архива и библиотеки В.К. Арсеньева, хранящихся в Обществе изучения Амурского края (Владивосток).

Совместная статья Ярослава Александровича Барбенко и Галины Викторовны Кондратенко посвящена "... выявлению соотношения экспертной и научной форм в этнографо-исторических сочинениях исследователей Дальнего Востока XX века". Авторы сосредоточили внимание на классических трудах В.К. Арсеньева, – "Китайцы в Уссурийском крае" и "Китайское отходничество на Дальнем Востоке...", – рассматривая первую из этих книг как квалифи-

¹ См. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 20. Август 1930 – ноябрь 1931. М.: Наука, 2018. С. 418.

² Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 19. Апрель 1929 – июль 1930. М.: Наука, 2017. С. 104–105.

³ См. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 19. Апрель 1929 – июль 1930. М.: Наука, 2017. С. 508.

цированную экспертизу, а вторую как научный текст с элементами экспертности. Здесь отметим, что мнение Владимира Клавдиевича как эксперта по проблемам Дальнего Востока было востребовано в равной мере и царским, и советским правительствами. Однако должным образом оценить, а тем более полноценно использовать его знания мешали идеологические клише обоих режимов.

Иван Андреевич Головнев рассматривает такой малоизученный пласт источников, как визуальное наследие В.К. Арсеньева. Эта категория источников, по мнению автора, отражает траектории эволюции Дальневосточного края в первой трети XX века. Автор представляет в своей работе опыт междисциплинарного исследования. Им выделяются ключевые образы арсеньевского фотоархива. Для исследования автором применяется историко-антропологический подход, результаты применения которого были обобщены в документальном фильме. В работе подчеркивается перспективность обращения к визуальным архивам исследователей и эффективность их использования в рамках предложенной автором методики, которая может быть полезна для широкого круга гуманитарных дисциплин.

Никита Сергеевич Воробьев обращается в своей работе к малоизученной камчатской экспедиции В.К. Арсеньева 1918 года. Результаты этой экспедиции не были опубликованы при жизни Арсеньева, а рукопись, подготовленная к публикации была утрачена. Н.С. Воробьев рассматривает некоторые обстоятельства этой примечательной колонизационной экспедиции, а также подготовки к печати отчёта о ней под названием "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах". Автором предпринята попытка исторической реконструкции процесса подготовки к изданию этой работы. Одновременно рассматривается связь колонизационной экспедиции В.К. Арсеньева 1918 года и экспедиции В.И. Рубинского 1908–1909 годов.

Таким образом, представленные в рубрике исследования дают нам возможность познакомиться с рядом новых аспектов в многогранной деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Это уже вторая рубрика, посвящённая жизни и деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева. В 2017 году участники выпуска "Ойкумены", приуроченного к 145-летию В.К. Арсеньева, выразили надежду, что на страницах нашего журнала появятся новые публикации об этом замечательном человеке. Как видим, их надежды оправдались. И на этот раз нам хотелось бы надеяться на то, что будущие исследователи не утратят интереса к жизни и деятельности, как В.К. Арсеньева, так и всех тех, кто оставил значимый след в изучении и освоении Дальнего Востока.

В. Н. Караман

В.К. Арсеньев и его интересы в геологии

Амир Александрович Хисамутдинов
Центральная научная библиотека ДВО РАН, Владивосток, Россия, ivanov@yandex.ru
Наталья Владимировна Хисамудинова
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. В статье, посвящённой 150-летию со дня рождения известного путешественника и исследователя Владимира Клавдиевича Арсеньева, раскрываются его геологические интересы. Странник комплексных экспедиций, он наряду с основными задачами всегда уделял внимание сбору разнообразных научных сведений, в том числе геологических. Сообщается об изучении Арсеньевым геологии и его связях с учёными-геологами Э.Э. Анертом, И.П. Толмачёвым, П.В. Виттенбургом, А. Либусом и др. Основными источниками для публикации послужили личный архив и библиотека В.К. Арсеньева, хранящиеся в Обществе изучения Амурского края (Владивосток).

Ключевые слова: В.К. Арсеньев (1872–1930), российский Дальний Восток, история науки, дальневосточная геология, краеведение

Для цитирования: Хисамутдинов А. А., Хисамудинова Н. В. В.К. Арсеньев и его интересы в геологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 11–17. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/11-17>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/11-17>

V.K. Arseniev and His Interests in Geology

Amir A. Khisamutdinov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com
Natalia V. Khisamutdinova
Vladivostok State University of Economics and Services
Vladivostok, Russia, Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. The article commemorates the 150th anniversary of the famous traveler and explorer Vladimir Klavdievich Arseniev and reveals his geological interests. A supporter of complex expeditions, along with the main tasks, Arseniev collected various scientific information, including geological. Some facts are also given about Arseniev's study of geology and his scientific contacts with geologists E.E. Anert, I.P. Tolmachev, P.V. Wittenburg, A. Libus. The article is based on V.K. Arseniev's personal archives and his book collection having been kept in the Society of the Amur Region Study (Vladivostok).

Key words: V.K. Arseniev (1872–1930), Russian Far East, history of science, Far-Eastern Geology, local studies

For citation: Khisamutdinov A. A., Khisamutdinova N. V. V.K. Arseniev and His Interests in Geology // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 11–17. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/11-17>

Имя известного путешественника В.К. Арсеньева чаще всего связывают с литературой и этнографией, меньше – с археологией, но на интересы исследователя к геологии и его сотрудничество с геологами внимание почти не обращают. Между тем в личной библиотеке Арсеньева имелось немало геологических трудов, а сам он был тесно связан с известными геологами – А.А. Анертом, А.Н. Криштафовичем, Д.И. Мушкетовым, П.И. Полевым, Я.С. Эдельштейном и другими. Свидетельство тому – адреса этих лиц в записной книге Арсеньева (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 12. Л. 23)¹ и наличие их работ с дарственными надписями в книжном собрании путешественника, хранящемся ныне в фондах библиотеки Общества изучения Амурского края (ОИАК). Имеется и составленная Арсеньевым картотека со списком книг, которые он отправлял заинтересованным лицам и организациям: он обращал большое внимание на книжный обмен с коллегами и краеведами, а также на пополнение научных библиотек России и зарубежных стран. Среди получателей арсеньевских книг были и геологи (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 11).

Научные интересы Арсеньева, связанные с геологией, частично отражены в монографии А.И. Тарасовой [12]. Имеются и публикации о его вкладе в изучении смежных с геологией наук [4, 6, 13]. Геологическая литература особо выделена в каталоге личной библиотеки Арсеньева: среди 900 библиографических описаний около ста относятся к геологическим наукам [7]. Ана-

¹ АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

лиз геологических интересов Арсеньева и его вклада в изучение геологии юга Дальнего Востока основан на публикациях путешественника и материалах его личного архива, включая путевые дневники, хранящегося в ОИАК.

В.К. Арсеньев не имел высшего образования и постигал азы разных наук путем самообразования. Он выработал особую комплексную программу, которую назвал "курсом университета естественного факультета" (АОИ-АК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28. Л. 47). Большое место в ней отводилось геологии. В сохранившемся "расписании по изучению литературы" отдельно выделен раздел "Минералогия. Геология" (АОИ-АК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 97об.-98). Изучению этих наук Арсеньев посвятил в 1907 г. по семь дней в феврале и мае, пять дней – в апреле, по восемь дней – в июне и июле (АОИ-АК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28. Л. 37).

С книгами исследователь не расставался и во время путешествий, выбирая старые издания, которые не жалко было выбросить после прочтения, и оторвав предвзвешенно обложки для облегчения груза. Многие подневные записи арсеньевских путевых дневников заканчиваются словами о том, какую книгу путешественник и читал перед сном: "20 августа 1906 г. Ночь была лунная, прохладная и до того тихая, что я зажег свечу и, лежа на бурке, читал "Геологию"...". "2 сентября 1906 г. Вечером я еще долго работал в фанзе китайцев, а потом пошел в сарайчик, зажег свечу и читал "Метеорологию", пока не задремал". "13 сентября 1906 г. Часов в 10 вечера я почитал "Геологию" и пошел спать".

В одном из путевых дневников, подводя итоги экспедиции, Арсеньев сделал приписку под названием "Пройденные мною предметы и прочитанные книги", указав в нем 47 монографий. Некоторые книги, которые исследователю были постоянно нужны в работе, возвращались из путешествий вместе с ним. Так, следы частого использования носит монография Б. Котта "Геология настоящего времени" (БОИАК. № 17360)². Заметно, что края книги были когда-то подмочены: видимо, Арсеньев сверялся с ней, производя в походе определения и описания.

Свидетельством тщательного изучения Арсеньевым работы геолога и геоморфолога Я.С. Эдельштейна "Северный и Средний Сихотэ-Алинь" являются многочисленные подчеркивания и другие пометы. Маршруты автора книги по Сихотэ-Алиню в 1896–1901 гг. были крайне интересны Арсеньеву, и он обращал внимание на геологические признаки отдельных районов, отмеченные Эдельштейном (БОИАК. № 16986. Издание 1905 г.).

Испещрён пометами Арсеньева и двухтомник М. Неймара "История земли" (БОИАК. № 17099). Особенно много подчеркиваний и надписей в разделе "Историческая геология". Можно предположить, что по этой популярной книге известного геолога-палеонтолога с богатым иллюстративным материалом Арсеньев учился делать выводы о геологических находках и описывать их.

Следы внимательного прочтения носит и отпечаток статьи С.Ф. Малявкина "Геологические исследования в районе узкоколейной части Сучанской железной дороги" (БОИАК. № 17243. Издание 1910 г.). К моменту выхода этой работы Арсеньев уже неоднократно бывал в описываемых местах и по ходу чтения делал на полях пометы, соглашаясь с автором или оспаривая его выводы. Так, к описанию Сихотэ-Алиня он добавил собственные соображения об этом горном массиве: "...эта восточная складка, служащая водоразделом и серьезной климатической границей, выше других. Обыкновенно путаются два понятия: Сихотэ-Алинь как хребет и Сихотэ-Алинь как южный водораздел".

Арсеньев неплохо знал немецкий язык, гораздо хуже английский, но геологическую терминологию знал превосходно. Свидетельством этому являются его многочисленные пометы на учебнике геологии А. Geikie "Text-book of Geology" (БОИАК. № 17287, издание 1903 г.).

Сведения по геологии имеются во всех путевых дневниках Арсеньева. Страницей комплексных экспедиций, он каждый раз наряду с основными задачами уделял внимание сбору разнообразной научной информации, в том числе геологической. Описывая местность, по которой пролегал путь отряда, Арсеньев обязательно сообщал сведения о геологическом строении местности:

² БОИАК – Библиотека Общества изучения Амурского края

указывал места природных обнажений, называл обнаруженные им породы. Так, описывая летом 1907 г. долину реки Синанцы (ныне Черёмуховая), он сообщал: "По среднему течению реки (с левой стороны), в местности Идагоуза [И-да-фоу-цзы – долина первой дороги] встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся аплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном". (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 76).

В один из последующих дней он записал: "Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфириода и порфириового туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками". Отмечал путешественник и замеченные месторождения угля: "Каменный уголь высокого качества встречается в верховьях р. Тхежибе, впадающей в зал. Пластун (бухта Рында)" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 120).

В дневниках 1907 г. помимо кратких сведений в описании маршрута Арсеньев особо выделяет разделы "Минеральные богатства страны" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. С. 95об.–96) и "Геология, орография и минералогия (Исследование хребта Сихотэ-Алиня. Обнаруживание горных пород. Горные богатства. Перевалы. Абсолютные и относительные высоты вершин и седловин)" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–20). Чтобы не повторять сведения, уже занесённые в дневник, Арсеньев часто делает отсылки на более ранние записи. Например, в дневнике экспедиции 1908–1909 гг. он пишет: "№№ геологического материала смотреть 1908 г. стр. 65, 409 и 615-ую. Важные указания для Я.С. Эдельштейна" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 12об).

Даже в "секретных" экспедициях 1911 и 1912–13 гг., основные задачи которых (выдворение из края нелегально проживавших китайцев) были далеки от исследовательских, Арсеньев заносил в дневник все сведения, имевшие отношения к геологии. Глава "Геология" имеется и в первой научной работе Арсеньева "Военно-географическом и военно-статистическом очерке Уссурийского края. 1901–1911 гг." [2]. К этому времени за плечами исследователя уже было несколько экспедиций, и он включил в книгу полезные геологам сведения о южной части российского Дальнего Востока, собранные за годы пребывания его на Дальнем Востоке.

"В петрографическом отношении, – писал он, – все горы состоят главным образом из массивно-кристаллических пород: серые граниты, порфиры, порфириты и глубинные зеленокаменные породы – диабазы и диориты. Наблюдателя поражает также обилие вулканических, изверженных пород: трахиты, андеанты и в особенности базальты с их туфами. И на побережье моря, и внутри страны, по склонам гор и в алювиальных отложениях рек, всюду в массе встречаются эти чрезвычайно твердые и пористые туфы" [2, с. 98].

По словам Арсеньева, "Очерк" представлял собой набросок будущей объёмной книги об Уссурийском крае, но уже этот ранний труд демонстрирует комплексный характер арсеньевских исследований. Хотя собственно геологических сведений в нём содержится немного, геоморфологическая информация (направление горных хребтов, наличие седловин и перевалов, характеристика бассейнов рек и пр.) позволяла специалистам оценить местность относительно возможных маршрутов разведок и наличия природных ресурсов.

Уйдя в отставку с военной службы без всякого материального обеспечения, Арсеньев задумался о заработке. В качестве одного из вариантов он видел добычу полезных ископаемых. Видимо, с этим связано появление в его адресной книжке имён благовещенского купца первой гильдии Иннокентия Евпловича Шустова, владевшего золотым прииском, и другого золотоискателя, эстонца Ю.Я. Розенфельда (или Георгия Ивановича Нордштерна), имевшего деловые связи с купцом. Побывав по заданию Шустова на Охотском побережье, в Ольском районе, Розенфельд начал там поиски золота и предсказал его большие запасы. В записке "Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края" (1916 г.) Розенфельд предлагал отечественным и иностранным предпринимателям организовать разведку золотых запасов и последующую их эксплуатацию. Этот проект поддерживал и Арсеньев, интересовавшийся севером, но Октябрьская революция застопорила осуществление идеи.

Имеются сведения, что путешественник подавал заявку на разработку месторождения золота. При этом его интересы столкнулись с планами владивостокского предпринимателя немца Евгения Ивановича Пёппеля. Тот был совладельцем Сибирского Горнопромышленного Акционерного общества "Пёппель и Озмидов" (Петроград–Владивосток) и подал заявку на то же самое месторождение. Спор уладили мирно, а Пёппель позднее стал посредником при издании произведений Арсеньева в Германии [9, с. 75–84].

В.К. Арсеньев был прекрасным лектором. Помимо лекций перед студентами Государственного Дальневосточного университета и Дальневосточного государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского путешественник выступал в трудовых коллективах, различных общественных организациях, клубах и библиотеках, демонстрируя незаурядную эрудицию. Так, в одной из лекций, описывая очертания восточного берега Азии и рассказывая о Курильской гряде и Японских островах, он пояснял: "Линия этих остров – не что иное, как древний берег Азии, часть суши, опустившейся к западу от пунктирной островной линии, где образовались мелководные "внутренние" моря. Так полагает современная геология. Все эти моря геологически – очень недавнего происхождения. Например, Берингово море образовалось вследствие провала широкого перешейка, соединявшего некогда Азию с Америкой. Такая неустойчивость очертаний восточного берега Азии происходит вследствие того, что он расположен в зоне Тихоокеанского кольца" [1, с. 9–10].

Доктор сельскохозяйственных наук профессор К.П. Соловьев вспоминал: "Если меня попросят коротко охарактеризовать Арсеньева, я скажу, что он был энциклопедистом в самом широком смысле этого слова. Владимир Клавдиевич с полным знанием дела выступал на учёном совете факультетов сельского хозяйства и лесного дела. Меня потрясло, что профессор Борис Иванович Ивашкевич, человек очень требовательный, пригласил Арсеньева прочесть курс геологии на горном факультете Дальневосточного политехнического института. <...> Владимир Клавдиевич давал точную информацию о нахождении минералов в разных местах Дальнего Востока. Читал он спокойно, размеренно, без эффектных жестов и модулирующей голоса. Читал, как всегда, по памяти. Память, скажу, Арсеньев имел удивительную" [10, с. 26].

Из каждой экспедиции Арсеньев привозил геологические коллекции. В 1906 г., например, в первом походе на Сихотэ-Алинь было собрано около 50 образцов горных пород [12, с. 116]. Ведя тщательный учёт найденных минералов, Арсеньев передавал их для определения знакомым геологам, в частности Эдуарду Эдуардовичу Анерту. С известным дальневосточным геологом и горным инженером Анертом Арсеньев познакомился в Обществе изучения Амурского края, в которое вступил в 1903 г., вскоре после приезда во Владивосток, сохранив дружеские и деловые отношения с ним до конца жизни. Они регулярно обменивались книгами, а обращения Анерта к Арсеньеву по поводу тех или иных сведений о Сихотэ-Алине свидетельствуют о признании геологом авторитета путешественника. Так, в 1911 г. по просьбе Анерта Арсеньев охарактеризовал одну из карт Уссурийского края, необходимую геологу. На этой рукописи Анерт сделал приписку: "Настоящий критический очерк составлен Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым по моей просьбе, т.к. его сведения об орографии этой части страны точнее моих" [3, 16].

В 1920 г. Арсеньев поддержал идею Анерта и другого геолога П.И. Полевого создать во Владивостоке организацию, которая смогла бы продолжить работу Дальневосточной секции Геолкома, от которой в разгар Гражданской войны геологи Дальнего Востока оказались отрезаны. В мае 1920 г. во Владивостоке появился Геологический комитет Дальнего Востока (Дальгеолком) с Анертом в качестве его первого директора. Уехав в 1924 г. в Харбин, Анерт продолжал посылать свои публикации Арсеньеву. После участия в Третьем Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио (1926 г.) он старался заинтересовать Арсеньева в участии в зарубежных публикациях, но время для сотрудничества с иностранцами было не самое подходящее.

После Анерта директором Дальгеолкома стал Полевой. Он же принял на работу жену Арсеньева Маргариту Николаевну. Обе семьи связывали дружеские отношения. Сын Полевого Борис вспоминал, что ему, тогда десятилетнему мальчику, любовь к исследованиям привил Арсеньев. Уезжая в 1928 г. из Владивостока, Полевой уступил семье Арсеньева свою квартиру в доме №

7 по ул. Федоровской, где размещался Дальгеолком. Ныне в нем, уже по ул. Арсеньева, размещается Мемориальный дом-музей путешественника.

Некоторые образцы, привезенные из экспедиций, Арсеньев послал в Петербург, в Геологический комитет (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3об). Там находками занимались Яков Самойлович Эдельштейн и давний знакомый Арсеньева уроженец Владивостока Павел Владимирович Виттенбург. Летом 1908 г. Виттенбург студентом совершил поездку во Владивосток с научной целью – для изучения полуострова Муравьева-Амурского и в последующие годы продолжил эту работу, выпустив книгу "Геологическое описание полуострова Муравьев-Амурский и архипелага императрицы Евгении", которая имела в библиотеке Арсеньева наряду с другими трудами геолога (БОИАК. № 17273, издание 1910 г., №17122, издание 1916 г.). Зная об интересе Арсеньева к исследованию Севера, позднее Виттенбург прислал ему свои новые труды – "Якутская экспедиция Академии наук" (БОИАК. № 17466, издание 1924 г.) и "Полярные страны 1914–1924" (БОИАК. № 17752, издание 1925 г.) – с тёплыми дарственными надписями

В течение долгого времени поддерживал Арсеньев отношения и с другим геологом – Иннокентием Павловичем Толмачёвым, чью книгу "По Чукотскому побережью Ледовитого океана" (БОИАК. № 17133, издание 1911 г.) он штудировал, намечая экспедицию на Север. В феврале 1922 г. Арсеньев обсуждал с Толмачёвым, в то время вице-директором Дальгеолкома, своё участие в будущей экспедиции на северо-восток России. Уехав в конце Гражданской войны в США, работая в Музее Карнеги (Питтсбург, штат Пенсильвания) и читая лекции по палеонтологии в Питтсбургском университете, Толмачёв сохранял связи с Владивостоком, посылая книги в библиотеку ОИАК.

Многие годы Арсеньев поддерживал хорошие отношения с геологом и палеонтологом Африканом Николаевичем Криштафовичем и его женой Верой Михайловной. Будущий известный учёный с 1914 г. работал в Геологическом комитете в должности адъюнкт-геолога и занимался ископаемой флорой в Амурской области (1914), на Сахалине и в Приморье (с перерывами, 1917–29). Находясь в 1917–1924 гг. во Владивостоке, он наряду с Арсеньевым участвовал в делах ОИАК, работая с палеонтологической коллекцией Музея Общества [5].

До последних дней Владимир Клавдиевич сохранял дружбу и переписку с геологом и палеонтологом из Праги Адальбертом Либусом (Adalbert Liebus). Они познакомились в годы Первой мировой войны. Служа в Хабаровске и занимая общественную должность директора Хабаровского музея, Арсеньев узнал, что среди военнопленных, доставленных в город, есть полезные для его дела люди. По его просьбе Либуса откомандировали для работы в музей, где он занимался определением палеонтологических коллекций [8, с 81]. Перед возвращением на родину учёный провел геологические исследования на Русском острове вблизи Владивостока и, вернувшись после окончания войны на родину, прислал Арсеньеву статью, в которой изложил результаты этой работы (БОИАК. № 17339, издание. 1921).

Об авторитете Арсеньева как учёного говорит и такой факт: в октябре 1926 г. известный исследователь Леонид Алексеевич Кулик обратился через председателя ОИАК к Арсеньеву с предложением принять участие в поездке в верховьях реки Иман, к месту предполагаемого падения метеорита зимой 1925–1926 гг. Владимир Клавдиевич был занят, но попросил друзей помочь исследователю. Позднее Кулик прислал Арсеньеву свои книги "Памятка наблюдателям болидов" и "За тунгусским дивом: вместо фельетона" с тёплыми автографами (БОИАК. № 17442, издание 1924 г.; № 17281, издание 1927 г.).

Таким образом, В.К. Арсеньев, имея до приезда во Владивосток лишь скудные сведения об Уссурийском крае, стал неутомимым его исследователем по многим научным направлениям, и геологические науки занимали среди них немаловажное место. Подробное описание и занесение на карту ранее неизведанных местностей, особенно окрестностей Сихотэ-Алиня, не только облегчало колонизацию края, но и помогало геологам составить маршруты разведок полезных ископаемых. В целом же наблюдения и заметки Арсеньева легки в основу будущих проектов по развитию производительных сил Дальнего Востока, полностью подтвердив слова путешественника: "Пройдут долгие годы, но наша работа и труд, затраченные на изучение Уссурийского края, не

пройдут даром, а принесут нашему отечеству и потомству величайшую пользу" [12, с. 120].

Литература

1. А.Н. Тихоокеанское вулканическое кольцо: (беседа с проф. В. К. Арсеньевым) // Приморский огонёк. Владивосток, 1923. № 2. С. 9–10: ил.
2. Арсеньев В.К. Военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск: Изд. штаба Приамур. воен. округа, 1911. VI, 324 с.; 2 л., табл.; прил. 38 карт.
3. Арсеньев В.К. Краткий критический очерк 40-вёрстной карты Уссурийского края, вычерченный г. Любатовичем // Полное собрание сочинений. Владивосток: Рубеж, 2020. Т. 3, кн. 1. С. 15–16.
4. Бровко П.Ф. Геоморфолог В.К. Арсеньев // Вестник ДВО РАН. 2017. № 4. С. 159–168.
5. В области расширения музея // Владивостокский отдел Государственного Географического общества (ОИАК): Годовой отчет за 1924 / 25 гг. Владивосток: Тип. ГДУ, 1925. С. 5.
6. Кириллов Е.А. В.К. Арсеньев как геоморфолог и геолог (к 115-летию со дня рождения) // Тихоокеанская геология. 1988. № 2. С. 120–128.
7. "Книги, без которых не могу работать": Личная библиотека В.К. Арсеньева / Составитель М.М. Щербакова и др. Владивосток: Изд. ОИАК, 2004. 375 с.: ил.
8. Новомодный Е.В. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны в роли исследователей природы Дальнего Востока // Девятые Гродековские чтения. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. Т. 1. С. 79–83.
9. Новомодный Е.В. О роли Е.И. Пёппеля в популяризации произведений В.К. Арсеньева за рубежом // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2018. Вып. 16. С. 75–84.
10. По материалам архива Г.Г. Пермякова // Словесница искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2019. №1 (043). С. 20–36.
11. Сведениях об экспедициях капитана Арсеньева В.К. (Путешествия по Уссурийскому краю) 1900 – 1910 гг. // Арсеньев В.К. Полное собрание сочинений. Владивосток: Рубеж, 2020. Т. 3, кн. 1. С. 261.
12. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Москва: Наука, 1985. 344 с.: ил.
13. Титов Г. Арсеньев-топограф // Дальний Восток. 1984. № 9. С. 147–148.

References

1. A.N. Pacific volcanic ring (an interview with the professor V.K. Arseniev // Primorskii ogonik (Primorie flame). Vladivostok, 1923. № 2. P. 9–10: il. (In Russ.)
2. Arseniev V.K. Military geographic and military statistic essay of the Ussuri region. 1901–1911. Khabarovsk, Priamur Military Headquarters Publ., 1911. VI, 324 p.; 38 maps. (In Russ.)
3. Arseniev V.K. Short review of the 40-verst chart of the Ussuri region made by Liubatovich // Arseniev's Omnibus. Vladivostok Rubezh, 2020. Vol. 3, book. 1. P. 15–16. (In Russ.)
4. Brovko P.F. Geomorphologist V.K. Arseniev // Vestnik DVO RAN. 2017. № 4. P. 159–168 (In Russ.)
5. About Museum development // Vladivostok branch of Federal Geographical Society (OIAK): 1924 / 25 Annual report. Vladivostok, 1925. P. 5. (In Russ.)
6. Kirillov E.A. V.K. Arseniev as a geomorphologist and geologist (to the 115th anniversary) // Pacific Geology. 1988. № 2. P. 120–128. (In Russ.)
7. "The books I cannot work without": V.K. Arseniev's book collection / Ed. M.M. Tcsherbakova, etc. Vladivostok, OIAK Publ, 2004. 375 p.: il. (In Russ.)
8. Novomodny E.V. World War I Foreign prisoners as nature researchers in the Far East // The 9th Grodekov Conference Proceedings. Khabarovsk: Grodekov Museum, 2018. Vol. 1. P. 79–83. (In Russ.)
9. Novomodny E.V. E.I. Peppel's role in promoting V.K. Arseniev's works abroad // Grodekov Museum Bulletin. Khabarovsk, 2018. Book 16. P. 75–84. (In Russ.)
10. Review of G.G. Permiakov's archives // Slovnitsa iskustv (Art review): regional cultural and educational journal. 2019. №1 (043). P. 20–36. (In Russ.)
11. Information of captain V.K. Arseniev's expeditions (Travelling around Ussuri region) 1900–1910 // Arseniev's Omnibus. Vladivostok Rubezh, 2020. Vol. 3, book. 1. P. 261. (In Russ.)
12. Tarasova A.N. Vladimir Klavdievich Arseniev. Moscow: Nauka, 1985. 344 p.: il. (In Russ.)
13. Titov G. Arseniev as a topographer // Dai'niy Vostok (Far East). 1984. № 9. P. 147–148. (In Russ.)

Информация об авторах

Амир Александрович Хисамутдинов, д-р ист. наук, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Наталья Владимировна Хисамутдинова, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Information about the authors

Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Research Department, Central Academic Library, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: khisamut@yahoo.com

Natalia V. Khisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Pedagogy and Linguistics, Vladivostok State University of Economics and Services, Vladivostok, Russia, e-mail: Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 930:325(571.6)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

"Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева и "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва: изучение китайцев на русском Дальнем Востоке между экспертизой и наукой

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru
Галина Викторовна Кондратенко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, gala103@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению соотношения экспертной и научной форм в этнографо-исторических сочинениях исследователей Дальнего Востока XX в. Авторы формулируют представление об особенностях экспертной и научной форм знания и изложения исследовательского материала, чтобы иметь возможность дать оценку исследуемым текстам. Авторы пришли к выводу, что "Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева могут быть квалифицированы как экспертный текст, а "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва как научный с элементами экспертности.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Уссурийский край, китайцы, китайское отходничество, В. К. Арсеньев, Ф. В. Соловьёв*

Для цитирования: Барбенко Я. А., Кондратенко Г. В. "Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева и "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва: изучение китайцев на русском Дальнем Востоке между экспертизой и наукой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 18–29. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

"The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East..." by F. V. Solov'ev: the study of the Chinese in the Russian Far East between expertise and science

Yaroslav A. Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru
Galina V. Kondratenko
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, gala103@ya.ru

Abstract. The subject of the study is the correlation of expert and scientific forms in the ethnographic and historical works of the Far Eastern authors of the XX century: Vladimir Arseniev and Fyodor Solov'ev. The existing tradition of evaluating Vladimir Arseniev's research does not give a clear qualification of his non-fiction works. The authors formulate an idea about the features of expert and scientific forms of knowledge and presentation of research material in order to be able to evaluate the texts under study. The main research technique used by the authors is a matching search, we compare real texts with a set of characteristics of the ideal image of texts of expert and scientific styles. The authors came to the conclusion that "The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev can be qualified as an expert text, and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East ..." by F. V. Solov'ev as a scientific text with elements of expertise. Arseniev gave his text the features of expertise consciously, and Solov'ev, apparently, accidentally when he deviated from the standards of scientific style.

Key words: *Far East, Ussuri Region, Chinese, Chinese seasonal work (otkhodnichestvo), V. K. Arseniev, F. V. Solov'ev*
For citation: Barbenko Y. A., Kondratenko G. V. "The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East..." by F. V. Solov'ev: the study of the Chinese in the Russian Far East between expertise and science // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 18–29. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

Введение

При чтении "Китайцев в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева привлекает внимание то, что буквально на первой странице автор открыто отказывается от анализа научной литературы по исследуемому вопросу. Зная о высокой оценке роли Арсеньева в изучении Дальнего Востока, мы удивились тому, что Владимир Клавдиевич, отказываясь от анализа исследовательской традиции изучаемого вопроса, уходит от прямого и сознательного "вклада" в общую традицию и обсуждение её, как это принято в науке [40, с. 612]. Эта особенность композиции "Китайцев в Уссурийском крае" оттеняется ещё и тем фактом, что Арсеньев, будучи знакомым с авторитетным исследованием В. Л. Серошевского "Якуты" [32] ещё до отъезда на Дальний Восток [29, с. 75], не стал брать его структуру в качестве образца, в отличие от С. Н. Браиловского [5,

с. 115], получившего за своих "Тазов, или удиһэ" малую золотую медаль РГО [5, с. 108].

В 1911 и 1912–1913 гг. В. К. Арсеньев участвовал в полицейских экспедициях по Уссурийскому краю, организованных с целью пресечения незаконной деятельности китайцев и контроля легальности их нахождения в России [7, с. 31]. Это событие происходило между двумя публикациями: докладом "Китайцы в Уссурийском крае", сделанном в отделе этнографии ИРГО в Петербурге в феврале 1911 г. [2], и выходом книги "Китайцы в Уссурийском крае"¹ в Хабаровске в 1914 г. [3]. Данные публикации напрямую связаны с деятельностью Арсеньева как специалиста-практика в связи с политикой приамурского генерал-губернатора Гондатти, с 1911 г. привлекавшего экспертов главным образом из военной среды для решения различных вопросов края [13, с. 128]. В предисловии "Китайцев..." Арсеньев обращается к "благоклонному вниманию читателей", что может подразумевать широкую аудиторию. Однако в заключении этой работы он предлагает совершенно определённые административные меры "разрешения жёлтого вопроса", которые могут быть реализованы только силой государственной власти. Это заставляет думать, что автор обращается уже не к общественности, а ко власти. Таким образом автор переходит в плоскость отношений компетентного специалиста с некомпетентным заказчиком проекта решения проблемы, что является признаком экспертизы [40, с. 1139]. Важно, что сам Арсеньев называл свою деятельность в походе 1911 г. научной работой, см. [38, с. 141], а исследовательский результат данного похода и экспедиции 1912–1913 гг. высоко оценивается в литературе [38, с. 141, 146].

Столь противоречивые сигналы о характере текста "Китайцев..." требуют уточнения и разрешения: является ли данная работа результатом экспертизы либо это отчёт о научном исследовании? Напомним, что вторая половина XIX и первая половина XX веков были временем становления современных социальных и гуманитарных наук. Рассмотрение особенностей одного из исследовательских текстов В. К. Арсеньева позволит уточнить положение Владимира Клавдиевича в глобальном процессе эволюции знания, так же как и лучше понять его индивидуальное движение в науке. Заострённая формулировка проблемы положения "Китайцев..." между экспертизой и наукой толкает нас к сравнению данного сочинения с текстом, имеющим характерные признаки экспертности либо научности. Какие требования, кроме определённости стиля изложения, необходимо учитывать при выборе текста для анализа? В первую очередь объект рассмотрения: это должны быть китайцы, предметом анализа в искомом тексте должна быть деятельность выходцев из Цинской империи на территории Уссурийского края или шире – российского Дальнего Востока в дореволюционное время. Идентичность или близость предмета исследования поможет нам провести анализ как можно более корректно.

Работ, в разной степени затрагивающих место и роль китайцев в освоении Дальнего Востока, немного. Большинство из них касается взаимных отношений, и объектом исследования в них является двусторонняя торговля. В. С. Мясников писал, что в период становления советской исторической науки (1925–1930 гг.) не было "глубоких исследований по истории двусторонних отношений" и они стали появляться только в 50-е гг. [25, с. 4]. К началу 70-х гг. можно отметить развитие представлений о присутствии китайцев на территории юга российского Дальнего Востока в период её присоединения: так, М. С. Сладковский полностью отрицал наличие китайцев [34, с. 257], в то время как Ф. В. Соловьёв указывал, что они могли появиться в Приморье не раньше русских [36, с. 114], а М. В. Кабузан отмечал, что китайцев в данное время на новых российских территориях было мало, и они не были постоянными жителями [17, с. 44]. Важно, однако, отметить, что только одна из этих работ была посвящена собственно китайцам, и то в контексте приморской топонимики [36]. И именно автор этого исследования в конце 80-х опубликовал работу "Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)"² с целью комплексного анализа деятельности

¹ Далее в тексте: "Китайцы...".

² Далее в тексте: "Китайское отходничество...".

китайцев на российском Дальнем Востоке в дореволюционное время [37, с. 9], впервые с 1914 г. Таким образом, в качестве сравнительного материала для сочинения В. К. Арсеньева мы будем использовать данную монографию Ф. В. Соловьёва.

Предметом данного исследования является соотношение экспертной и научной форм в этнографо-исторических сочинениях дальневосточных авторов XX в., цель – выявить форму изложения исследовательского материала в "Китайцах в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева. На следующем шаге исследования мы операционализируем представление об особенностях экспертной и научной форм знания и изложения материала, чтобы иметь возможность дать оценку исследуемым текстам.

Специфика экспертного и научного знания

Эксперт в первую очередь является носителем уникальной (специфической для сферы его компетенции) информации, кроме того, он реализует функцию оценки эмпирических данных и является источником идей и решений [24, с. 6, 19]; само экспертное суждение – это полезная информация для принятия решений [28, с. 3]. В целом это экспертное знание можно охарактеризовать через понятия непосредственного, в том числе и чувственного, контакта и описания действительности, в то время как научное знание имеет выраженный теоретический, то есть опосредованный характер [20, с. 12]³. Напомним, что истоки различия научного как категоризированного и ненаучного как практико-чувственного возводятся ещё к античности [15, с. 27]. Практическая и теоретическая формы знания различаются главным образом как а) вплетённое в деятельность, ситуативное, относительно слабо отрефлектированное, не вырабатывающее новые смыслы, а переносящее их между фрагментами опыта и б) дистанцированное от объекта, схематизированное, воплощённое в понятиях, законах и теориях, ориентированное на выработку новых смыслов [40, с. 247]. Именно в таком ключе рассуждал Марк Блок: "Сравнительная история, как я ее понимаю, – это сугубо научная дисциплина, направленная на познание, а не на практические цели" [6, с. 88].

Опосредованность научного знания имеет принципиальный характер: "Ядром научной деятельности является построение идеальных объектов и теорий. Идеальные объекты – это интеллектуальные конструкции... выступающие в функции моделей по отношению к "реальным" объектам, которые теория берется описать" [30, с. 23]. В этом свете характерной чертой экспертного знания является "метис" как практическое знание, связанное с локальной спецификой [33, с. 496–524], в отношении которого обобщение и абстрагирование имеют разрушительное действие [33, с. 524–533]. При этом "локальность" следует понимать в самом общем смысле как ограниченность, специализированность, если угодно, ситуативность.

Мы используем приём противопоставления экспертной и научно-исследовательской деятельности именно в интересах анализа и сравнения, мы не стремимся противопоставить эти формы знания в принципе. Более того, существует явление научной экспертизы. Научная профессия эксперта, однако, не снимает с такого вида экспертизы её основных характеристик: предметность, ситуативность, авторитет специального знания. Действительно, учёный-эксперт привлекается учёным-исследователем для решения конкретного вопроса, и в рамках этого вопроса учёный-эксперт остаётся на специфически узкой позиции, имеющей ограниченное отношение к общей концепции исследования. А именно в силу указанной узости и специфичности своей позиции учёный-эксперт и обладает авторитетом.

В случае, когда осуществляется научная экспертиза управленческих решений, задачей эксперта является определение соответствия принимаемых решений как состоянию научного знания, так и реальной ситуации на месте внедрения решений [21, с. 3, 6]. Специфической задачей экспертизы является оценка "сложных систем с преобладанием качественных неформализуемых характеристик" [4, с. 162]. Очевидно, что научная экспертная деятельность

³ Нумерация страниц данной публикации приводится не по печатному изданию, а по электронному варианту текста, также указанному в ссылке.

Таблица 1. Определение содержательных признаков характера текста
Table 1. Definition of meaningful features of the nature of the text

Критерий отнесения к форме	Форма текста	
	Экспертная	Научная
Отношение к эмпирии	Использование имеющихся знаний; эмпирический поиск новых знаний	Использование имеющихся знаний; теоретический поиск новых знаний
Отношение к понятиям	Использование понятий	Использование/производство понятий
Отношение к понятийным схемам	Использование понятийных схем	Использование/производство понятийных схем
Отношение к теориям	Нет	Использование/производство теорий
Масштаб знания	Локальный	Универсальный
Коммуникативная позиция автора	Властного авторитета, предписывающая	Критикуемого коллеги, доказывающая

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

не столько реализует научную форму познания, сколько использует результаты науки в интересах экспертизы.

Исходя из отмеченных в данном и предыдущем разделах черт экспертизы и науки, сформулируем набор признаков экспертного и научно-исследовательского подходов, с помощью которого и будем оценивать характер изучаемых текстов (табл. 1).

Важно отметить, что экспертизу и научное исследование так, как это было сформулировано выше, полезно видеть в качестве веберовских "идеальных типов", то есть моделей, не имеющих прямого соответствия в реальности, но ценных для обобщения частных явлений [8, с. 45]. Характеризуя анализируемые тексты как экспертный или научный, мы относим их к "чистому идеальному типу", однако в цели анализа не входит определение степени соответствия тому или иному типу или тем более рассмотрение текстов в контексте "генетических идеальных типов" [8, с. 48–49].

Ниже будет представлен анализ двух текстов с опорой на критерии, указанные в табл. 1. Следующий раздел будет посвящён обсуждению результатов этого анализа в контексте историографической ситуации вокруг квалификации формы "Китайцев в Уссурийском крае" или характера исследовательской деятельности В. К. Арсеньева в период создания данного текста.

Анализ и квалификация текстов

Первое, что бросается в глаза при осмыслении текста как целостности, – глобальная опора автора на собственный опыт, о чём он пишет в предисловии: "Добытые мною сведения показались мне интересными. Я убедился, что в Уссурийском Крае, в силу исторических событий, пришлые китайцы живут другой особенной жизнью, совершенно непохожей на жизнь их в Китае, и потому я решил сведения эти опубликовать..." [3, с. 324]. Этнографический очерк дополняется достаточно подробным и цельным физико-географическим описанием, сделанным по опыту путешествий автора. При изучении истории коренного и пришлого населения Уссурийского края Арсеньев ссылается на академическую работу Шренка, приводя при этом опыт заселения севера Японии (Позднеев), востока Маньчжурии (Иакинф) и Сибири ("Сибирская история" Фишера). Кроме того, В. К. Арсеньев приводит и описания путешествий русских исследователей Приамурья – Маака, Венюкова, Пржевальского и др., опираясь на единственный источник статистических данных – "Материалы по изучению Уссурийского края" И. П. Надарова (1887), упоминая работу В. В. Граве (1912) и сведения А. А. Шильникова. Работа с полевым материа-

лом и отбор фактов о хунхузах (он первым разделил их на две группы – местных и пришлых) [3, с. 465] однозначно определяет Арсеньева как эксперта в этой области. Соответственно, по критерию эмпирического поиска новых знаний "Китайцев..." можно однозначно отнести к группе экспертных текстов. Ссылки на работы исследователей-предшественников (то есть использование имеющихся знаний) только усиливают данную квалификацию. В самом деле, мы уже указывали на то, что в период подготовки текста "Китайцев..." В. К. Арсеньев вёл активную поисковую работу в Сихотэ-Алине, сопрягая служебные дела и исследовательские увлечения.

Понятийная система, используемая в "Китайцах...", завязана на изучаемую реальность. В. К. Арсеньев, описывая явления китайской жизни, даёт названия, которые он слышал от самих китайцев (либо этим занимался один из его консультантов, указанных в предисловии), в первом случае возможно это не совсем китайский язык, а пиджин, которым пользовались пришлые китайцы. Использование китайских обозначений, так же как и географических названий, усиливает этнографичность и даже некоторую кинематографичность работы, погружая читателя в "китайскую реальность" Уссурийского края. В то же время Арсеньев подчёркивает, что они присутствуют только в южной части края и делает вывод, что на севере края не было ни маньчжуров, ни китайцев. Кроме того, китайцы "китаизировали" аборигенные названия, добавляя к ним суффиксы "хэ", "линь", "ху" и др. Автор приводит большую таблицу, в которой соотнесены русские, сохранившиеся аборигенные и китайские названия с объяснением (переводом) последних для русского читателя [3, с. 377–382]. Арсеньев замечает, что китайские названия описательны и очень точно отражают характер местности, возможно, потому что давались охотниками и звероловами с практической целью и передавались другим "пришельцам".

Свидетельств сознательного использования Арсеньевым в "Китайцах..." понятийных схем и каких-то теоретических конструкций мы не обнаружили. Это согласуется с вырисовывающейся практико-управленческой спецификой текста, дифференцирующей, определяющей, разъясняющей деятельность китайцев в Уссурийском крае.

На степень локальности масштаба знания указывает сам автор, определяя, как было указано выше, специфику уссурийских китайцев как избирательную, связанную с их трудовыми, но не обрядовыми практиками. Например, рассматривая опыт заселения окружающих Уссурийский край территорий, автор преследует цель фиксации особенностей истории края. Анализ топонимики края, описание занятий китайцев, их отношений между собой, с аборигенами и русскими, русской и маньчжурской администрацией – всё это в условиях использования локальной терминологии делает текст также очень локальным, уссурийским по содержанию. С учётом того, что Арсеньев признаётся и при жизни, и в наше время одним из лучших знатоков края, он вполне может быть обозначен как носитель уникального местного знания, метиса.

Коммуникативная позиция автора очень ярко раскрывается в заключении книги, где автор, опираясь на свой опыт путешествий, знание местной специфики, активные контакты с местными жителями, предлагает меры разрешения многих проблем региона. Словосочетания типа "это совершенно неверно", "было бы ошибочно думать", "я считаю, что "желтый вопрос" до тех пор не будет разрешен, пока" [3, с. 500–502] позволяют однозначно квалифицировать позицию автора данного текста как авторитетную, позицию информированного знатока, предписывающую активную помощь русским переселенцам, разделение уссурийских китайцев на категории для более эффективного управления ими и т. д. [3, с. 502–505].

Итак, "Китайцы..." имеют яркий набор признаков исследовательского текста, выполненного в форме экспертного отчёта: по каждому критерию (см. табл. 1) можно отметить полное соответствие экспертному типу текста. Важно отметить и тот факт, что, обозначив жанр "Китайцев..." как "очерк историко-этнографический", В. К. Арсеньев сам определил специфику сочинения: в литературоведении очерк характеризуется как "отличающийся строгой документальностью, адресной направленностью и высокой степенью участия автора в развитии сюжета" [27], что вполне соответствует особенностям "Китайцев..." и не противоречит их экспертной форме.

* * *

"Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)" было издано в 1989 году и полностью принадлежит марксистско-ленинской историографии, что подразумевает определённый понятийно-теоретический аппарат. В списке источников и литературы можно видеть традиционный для своего времени раздел "Произведения основоположников марксизма-ленинизма" [37, с. 116], в данной работе играющей роль блока теоретических сочинений; в нём представлены, правда, только работы Ленина. Они цитируются во введении, в начале и в конце главы 1, задавая теоретическую рамку, связанную с пониманием сущности китайского отходничества. Оно интерпретируется как социальное явление, сопровождающее кризис китайского феодального общества и стремление капитала, главным образом иностранного, получить как можно более дешёвую рабочую силу [37, с. 3, 10, 32]. Таким образом, в данном тексте можно зафиксировать такой признак научного типа, как использование теорий.

Использование понятий и понятийных схем также очевидно присутствует в "Китайском отходничестве...", взяты хотя бы ключевые понятия, лежащие в основе рассуждений автора о присутствии на российской территории выходцев из Цинской империи, – "китайские отходники". Автор не впервые использует данное понятие, позаимствовав его, возможно, у О. Ё. Непомнина [36, с. 13, сноска 24], но творчески применив его в новой исторической ситуации. Используя понятие отходничества, Ф. В. Соловьёв не только указывал на природу китайского присутствия на Дальнем Востоке, но и подчёркивал его временный характер. Мы считаем, что использование понятия отходничества в отношении присутствия китайцев на русском Дальнем Востоке можно считать уликой производства понятия, а значит и зафиксировать в "Китайском отходничестве..." соответствующий признак текста научной формы. Что касается использования понятийных схем, то автор часто востребует марксистско-ленинскую терминологию, особенно в главах 1 и 2. Пожалуй, странным понятийным артефактом являются последние слова заключения, в которых автор не по-марксистски рассуждает о вреде, наносимом китайскими отходниками "национальным интересам России" [37, с. 101].

Отношения с эмпирическим материалом оказываются у Соловьёва неоднозначными. Фёдор Владимирович, хотя в рабочей юности и общавшийся с китайцами-работниками в Лесозаводске, в период исследовательской деятельности находился на административных и научных должностях в структурах АН СССР и имел только опосредованный историческими источниками и исследовательской литературой доступ к изучаемой реальности. В силу этого его "производство эмпирических фактов" может иметь единственную форму выявления/конструирования фактов из/на базе исторических источников. В этом отношении ограничимся указанием на то, что в списке источников и литературы на источнике приходится примерно четвертая часть. Поиск новых знаний Ф. В. Соловьёвым следует признать главным образом эмпирическим с опорой на источники исторической информации. Теоретический поиск автора главным образом завязан на адаптацию исторического материала к марксистско-ленинской теории.

Важно видеть тенденцию к универсализации масштаба получаемого автором исторического знания. Это вытекает из использования марксистской и иной терминологии, сближающей опыт разных обществ (как минимум русского и китайского на базе понятия отходничества), разных регионов (отходничество связало русеющее Приамурье и окитаивающуюся Маньчжурию) и т. д.

Наконец, коммуникативная позиция автора связана с активным обращением к источникам и литературе по исследуемому вопросу, страницы книги полны ссылок, в стороне стоит только последний параграф главы 4, не имеющий никакого ссылочного аппарата [37, с. 93–99]. Таким образом, в целом автор находится на доказывающей позиции, связанной с необходимостью постоянной опоры на свидетельства очевидцев и исторических документов, апелляции к признанным авторитетам теории.

Обобщая, необходимо отметить, что форма, в которую Ф. В. Соловьёв облёк "Китайское отходничество..." не является тотально научной, по критериям (см. табл. 1) отношения к эмпирии и коммуникативной позиции (т. е. двум) данный текст имеет черты экспертной формы знания. Однако по боль-

шинству признаков (четырёх) данная работа имеет чётко обозначенные черты научного текста.

Дискуссия об Арсеньеве

Проверим результат данных наблюдений на опыте уже имеющихся исследований творчества В. К. Арсеньева. Среди первых оценок "Китайцев..." следует указать на мнение путешественника и сподвижника Пржевальского П. К. Козлова, который по поводу издания "Китайцев..." писал Арсеньеву, что автор этой книги "глубокий знаток края, его природы и населения", цит. по [39, с. 73].

В публикации 1947 г. Н. Е. Кабанов называет "Китайцев..." "одной из крупных... работ по истории и этнографии края" [16, с. 20], написанной в период интенсивной научно-исследовательской деятельности [16, с. 18]. Есть и более определённые формулировки: в главе "Вклад В. К. Арсеньева в науку и литературу" Кабанов упоминает данную работу Арсеньева и характеризует её как "один... из интересных трудов" [16, с. 45]. С другой стороны, сам Владимир Клавдиевич характеризуется автором как "краевед-исследователь и практик" [16, с. 59], но в конечном итоге автор указывает, что "Китайцы..." есть "крупный вклад в науку" [16, с. 81]. Н. Е. Кабанов предложил следующую классификацию текстов Арсеньева: 1) оригинальные научные статьи, 2) научно-популярные работы, 3) ведомственные отчёты и докладные записки, 4) научные материалы, 5) литературно-художественные произведения [16, с. 39], И. С. Кузьмичёв относит "Китайцев..." к первой группе, то есть к оригинальным научным статьям [22, с. 119], к чему, по нашему мнению, нельзя относиться вполне серьёзно хотя бы потому, что данное сочинение не является статьёй; к тому же надо помнить, что Кузьмичёв сам ставит перед собой задачу создания "*литературного портрета*" Арсеньева [22, с. 9] (текст выделен автором).

М. К. Азадовский называл Арсеньева путешественником-энциклопедистом [1, с. 9], однако "Утилитарный в лучшем смысле этого слова характер имели и все его исследования в целом... Это отнюдь не лишает их общенаучного значения... Над собранными им коллекциями трудился целый ряд выдающихся ученых страны..." [1, с. 16]. В данном случае Азадовский противопоставляет утилитарные по характеру исследования, связанные со сбором коллекций и труд учёных над этими коллекциями. "В. К. Арсеньев не боялся обобщений и теоретических рассуждений по поводу наблюдаемых им фактов. В описаниях его путешествий немало разного рода обобщений – географических, ботанических, климатологических, мало лишь обобщений этнографических"⁴ [1, с. 18–19]. "Китайцы...", как и "Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края" (1912), также является "отчётным", так как почти целиком основан на собственных наблюдениях [1, с. 36].

А. И. Тарасова характеризует работу Арсеньева в области этнографии как "чисто эмпирическое исследование" [38, с. 223], хотя тут же цитирует самого Владимира Клавдиевича о важности генетического и сравнительного методов в работе этнографа [38, с. 223–224]. В связи с этим нельзя не отметить, что указанные методы в чисто эмпирическом ключе мало отличаются от описания и на деле предполагают использование абстрактных понятий: Арсеньев не был "чистым" эмпириком. Кроме того, А. И. Тарасова обозначает "Китайцев..." как монографию [38, с. 260], в данном случае однозначно определяя эту работу как научную⁵.

Интересно отношение Ф. В. Соловьёва к обсуждаемому труду Арсеньева, который историк причисляет к "ряду работ, посвященных китайцам

⁴ Далее автор объясняет, что этнографические обобщения планировались для так и не вышедшей "Страны Удэхе", из чего можно сделать вывод, что эти обобщения были бы связаны с этнографией аборигенов. При этом утверждение об экономии этнографических обобщений у Арсеньева вообще продолжает работать и в отношении этнографии китайцев в Уссурийском крае, которая, видимо, не была приоритетом для Владимира Клавдиевича.

⁵ Исходя из представления о монографии как форме письменных научных коммуникаций [26, с. 87].

Приморья", эти работы являют собой шаг в развитии изучения китайцев: "он сделал серьезную попытку обобщить накопленные знания о китайских отходниках и выдвинул ряд новых вопросов..." [37, с. 7, 8]. В целом высокая оценка результатов исследований В. К. Арсеньева соседствует с неопределённостью в интересующем нас вопросе.

В. И. Дятлов вполне категоричен: ссылаясь на "Китайцев...", автор характеризует В. К. Арсеньева как "выдающегося писателя, путешественника и военного разведчика", ставит его в ряд с военными администраторами [11, с. 72]. Также и Е. И. Нестерова, рассуждая об изучении китайского присутствия на дореволюционном Дальнем Востоке, относит Арсеньева к группе "не историков, а военных и гражданских чиновников, служивших на Дальнем Востоке" [23, с. 26]. А. А. Хисамутдинов называет "Китайцев..." "очень серьезным исследованием" [39, с. 60], не давая более определённого ориентира, но регулярно противопоставляя служебную необходимость и исследовательские интересы В. К. Арсеньева.

И. Н. Егорчев характеризует "Китайцев..." как "научную работу" и "труд поистине энциклопедического характера" [12, с. 99], но при этом указывает на то, что Арсеньев "не был ни этнографом, ни археологом, ни географом в профессиональном плане", не был специалистом в перечисленных областях знаний [12, с. 99–100]. Таким образом подразумевается именно отсутствие профессионального образования, а не профессиональных навыков и профессиональной подготовки в широком смысле. Но отсюда можно сделать вывод, что и научность "Китайцев..." подразумевается автором в широком смысле, через концепт исследования. Именно в таком ключе описывает И. Н. Егорчев "научные итоги экспедиции 1911 года": образцы флоры, фольклора, минералогические, этнографические, археологические образцы, описания объектов, карты [13, с. 90, 91]. Тот же самый широкий смысл можно видеть в оценке "Китайцев..." А. Н. Буяковым как "исследования" [7, с. 37]; С. А. Тесленко, анализируя содержание "Китайцев...", характеризует В. К. Арсеньева как "известного исследователя" [19].

Опираясь на дореволюционные этнографические работы Арсеньева, С. В. Гончарова определяет его как учёного [9, с. 39]; так же как на сайте Российского этнографического музея, "Китайцы..." определены в список научных изданий [31]. В это же время А. А. Забияко характеризует труд Арсеньева как "книгу научно-популярной направленности" [14, с. 259].

В. Н. Соколов определяет дореволюционные тексты Арсеньева как научные [35, с. 709, 716], однако соглашается с П. Бурдые в том, что практическая деятельность не является теорией, воплощённой в практику [35, с. 711], что в свете обозначенной нами специфики экспертизы и науки оставляет позицию Соколова неопределённой. С похожим результатом характеризует деятельность В. К. Арсеньева в дореволюционное время С. Глебов: "начинающий учёный, военный офицер, которому поручено проводить демографическую политику", перед которым ставились сугубо практические задачи [41, р. 18, 19]. Вместе с тем автором отмечается у Арсеньева и складывание специфического взгляда на китайцев, не свободного от предубеждений своего времени и положения [41, р. 29]. Я. С. Гузей на словах характеризует В. К. Арсеньева как "чиновника переселенческого управления, географа и писателя" [10, л. 192], однако причисляет "Китайцев...." к научно-исследовательским работам [10, л. 225].

Итак, обзор оценок исследователей творчества и роли В. К. Арсеньева в развитии регионального знания даёт неопределённый результат: из почти двух десятков приведённых мнений более половины (10 человек) характеризует "Китайцев..." Арсеньева или подходы и методы автора исследования и как экспертные (называя его знатоком), и как научные. Неопределённость во взглядах исследователей на характер деятельности Арсеньева в целом, и на характер текста "Китайцев..." связан, по-видимому, с переходным состоянием самого Владимира Клавдиевича, активно и сознательно двигавшегося от практики знатока-путешественника к практике учёного-исследователя. В этом ключе небезынтересно обратить внимание на круг профессионального общения Арсеньева, участников которого В. В. Кавецкая разделила на две части: 1) "краеведов-универсалов" и 2) "этнографов-полевиков, которые уже...

приступили к теоретическому оформлению складывающейся в России этнологической науки" [18, с. 52].

Заключение

Как видно из результатов предыдущего раздела, большинство исследователей жизни В. К. Арсеньева и его творчества в вопросе определения характера его исследовательских работ дореволюционного времени не имеют однозначного мнения. Это отчасти вызвано переходным состоянием самого Владимира Клавдиевича, много работавшего над самообразованием и повышением уровня своих исследований. Но также эта историографическая ситуация вызвана тем, что многие историки в характеристике Арсеньева останавливаются на этапе квалификации его деятельности как "исследовательской", что не вносит определённости.

Пример "Китайцев...", эмпирически насыщенного, эмоционально ориентированного, конструктивистски заряженного текста демонстрирует нам образец экспертной работы очень высокого уровня, в рамках которой рекомендуемые специалистом меры в прямом смысле вырастают из земли прямо на глазах читателя. Одновременно с этим "Китайские отходники..." представляют пример академического текста, рассчитанного не на "применение", а на дискуссию. В основном научный по форме текст Ф. В. Соловьёва позволяет рельефно увидеть особенности экспертного подхода В. К. Арсеньева. В некотором смысле между этими работами можно увидеть своеобразную преемственность, раскрывающуюся не только в тематической близости, но и в выстраивающейся последовательности нарастания черт универсальности и абстрактности (как признаков науки) в процессе развития регионального китаеведения.

Литература

1. Азадовский М. К. В. К. Арсеньев – путешественник и писатель // Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М.: Госуд. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 288 с. С. 7–72.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. 1900–1908 г.г. Доклад (Читано в заседании Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 25 февр. 1911 г.) // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 г. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 631–666.
3. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 г. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 323–506.
4. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 408 с.
5. Барбенко Я. А. Сучанско-Судухинская экспедиция ОИАК 1896 г. / Я. А. Барбенко, О. Н. Дмитриевская, В. И. Шука // Известия Восточного ин-та. 2018. № 3. С. 103–119. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119.
6. Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. 414 с. С. 65–93.
7. Буюков А. М. В. К. Арсеньев и хунхузы // Записки Об-ва изучения Амурского края. 1998. № 32. С. 31–38.
8. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006. 368 с.
9. Гончарова С. В. Работы В. К. Арсеньева как опыт исследования зарубежных китайцев // Ученые записки КнАГТУ. 2017. Т. 2. № 2. С. 36–39.
10. Гузей Я. С. "Жёлтая опасность": представления об угрозе с Востока в Российской империи в кон. XIX – нач. XX вв. Диссертация... канд. ист. наук. СПб., 2014. 248 л.
11. Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о "желтой опасности" в дореволюционной России // Евразия. 2000. № 1. С. 63–89.
12. Егорчев И. Н. В. К. Арсеньев, известное и неизвестное // История и культура Приамурья. 2011. № 1. С. 98–101.
13. Егорчев И. Н. "Согласно личного приказанья Вашего высокопревосходительства..." Секретные экспедиции В. К. Арсеньева 1911–1913 гг. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. 292 с.
14. Забияко А. А. От научных изысканий к художественной этнографии: В. К. Арсеньев, П. В. Шкуркин, Н. А. Байков // Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. А. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2005. 462 с. С. 242–283.
15. Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высш. шк., 1989. 128 с.

16. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872–1930. М.: Изд-во Моск. об-ва испытателей природы, 1947. 95 с.
17. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1973. 276 с.
18. Кавецкая В. В. Этнографическое сообщество В. К. Арсеньева // Арсеньевские чтения: мат-лы регион. научно-практ. конф. (г. Владивосток, 26–27 сент. 2017 г.) / сост. В. В. Кавецкая. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. 220 с. С. 51–58.
19. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и её влияние на социально-экономическое развитие региона: 1860–1917 гг. / С. А. Тесленко // disserCat – электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskaya-i-koreiskaya-migratsiya-na-dal'nii-vostok-rossii-i-ee-vliyanie-na-sotsialno-ekonom> (Дата обращения: 12.12.2021).
20. Коваль С. П. Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом // Материалы Всерос. конф. по когнитивной науке (КИСЭ-2017) Казань, 30 окт. – 03 нояб. 2017 г. Казань: Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 2017. 566 с. С. 455–468. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F2140185729/Koval.PDF> (дата обращения: 02.12.2021).
21. Космачев К. П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 112 с.
22. Кузьмичев И. С. Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л.: Изд-во "Сов. писатель", Ленингр. отд., 1977. 240 с.
23. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
24. Масленников Е. В. Экспертное знание: Интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании. М.: Наука, 2001. 228 с.
25. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1987. 512 с.
26. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: Словарь системы основных понятий. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2015. 208 с.
27. Очерк // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / academic.ru – Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://literaturologiya.academic.ru/438/%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA> (дата обращения: 12.01.2022).
28. Панкова Л. А. Организация экспертизы и анализ экспертной информации / Л. А. Панкова, А. М. Петровский, М. В. Шнейдерман. М.: Наука, 1984. 120 с.
29. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф // Советская этнография. 1972. № 4. С. 74–87.
30. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 208 с.
31. Сем Т. Ю. Арсеньев Владимир Клавдиевич / Рос. этногр. музей. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobiratelii/arsenev-vladimir-klavdievich/> (дата обращения: 20.11.2021).
32. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: б. и., 1896. [4], XII, 720 с.
33. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университет. книга, 2005. 576 с.
34. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 437 с.
35. Соколов В. Н. Тропою Арсеньева: к исторической антропологии военного востоковедения ДВ России начала XX века // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 гг. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 707–778.
36. Соловьев Ф. В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вт. пол. XIX – нач. XX в.) / Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Владивосток: б. и., 1973. 284 с.
37. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 127 с.
38. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва "Наука", 1985. 344 с.
39. Хисамутдинов А. А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005. 224 с.
40. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И. Т. Касавин. М.: "Канон+"; РООИ "Реабилитация", 2009. 1248 с.
41. Glebov S. The Political Ecology of Vladimir Arseniev // Sibirica. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 15–36. doi: [dx.doi.org/10.3167/sib.2020.190203](https://doi.org/10.3167/sib.2020.190203).

References

1. Azadovsky M. K. V. K. Arseniev – traveler and writer // Arseniev V. K. Life and adventures in the taiga. Moscow: State. publishing house of geographical literature, 1957. 288 p. P. 7–72. (In Russ.)
2. Arseniev V. K. The Chinese in the Ussuri region. 1900–1908 Report (Read at the meeting of the Department of Ethnography I. R. G. O. on February 25, 1911) // Arseniev V. K. *Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916* Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 631–666. (In Russ.)
3. Arseniev V. K. The Chinese in the Ussuri region. Essay historical and ethnographic // Arseniev V. K. *Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916* Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 323–506. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. G. Social information and management of society. Moscow: Publishing house "LI-BROCOM", 2013. 408 p. (In Russ.)
5. Barbenko YA. A. Suchansko–Sudukhinskaya expedition of the OIAK 1896 / YA. A. Barbenko, O. N. Dmitrievskaya, V. I. Shtuka // *Oriental Institute Journal*. 2018. No. 3. P. 103–119. doi: dx.doi.org/10.24866/2542–1611/2018–3/103–119. (In Russ.)
6. Bloch M. On the Comparative History of European societies // *Odyssey. A man in history*. 2001. M.: Nauka, 2001. 414 p. P. 65–93. (In Russ.)
7. Buyakov A. M. V. K. Arseniev and hunkhuz // *Notes on the study of the Amur Region*. 1998. No. 32. P. 31–38. (In Russ.)
8. Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. History and rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance. Moscow: KomKniga, 2006. 368 p. (In Russ.)
9. Goncharova S. V. V. Arseniev's works as an experience of studying foreign Chinese // *Scientific Notes of KnAGTU*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 36–39. (In Russ.)
10. Guzei YA. S. "Yellow perill": ideas about the threat from the East in the Russian Empire in the late XIX – beginning. XX centuries. Dissertation... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2014. 248 p. (In Russ.)
11. Dyatlov V. I. Migration of the Chinese and the discussion about the "yellow perill" in pre-revolutionary Russia // *Eurasia*. 2000. No. 1. P. 63–89. (In Russ.)
12. Egorchev I. N. V. K. Arseniev, known and unknown // *History and culture of the Amur region*. 2011. No. 1. P. 98–101. (In Russ.)
13. Egorchev I. N. "According to the personal order of Your Excellency..." Secret expeditions of V. K. Arseniev 1911–1913. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2014. 292 p. (In Russ.)
14. Zabiylko A. A. From scientific research to artistic ethnography: V. K. Arseniev, P. V. Shkurkin, N. A. Baykov // *Russian Harbin: The experience of life-building in the conditions of the Far Eastern Frontier* / Edited by A. A. Zabiylko. Blagoveshchensk: Amur State University, 2005. 462 p. P. 242–283. (In Russ.)
15. Il'in V. V. Criteria of scientific knowledge. Moscow: Higher School, 1989. 128 p. (In Russ.)
16. Kabanov N. E. Vladimir Klavdievich Arseniev, traveler and naturalist. 1872–1930. Moscow: Publishing House of Moscow. the Society of Nature Testers, 1947. 95 p. (In Russ.)
17. Kabuzan V. M. How the Far East was settled. Khabarovsk: Khabarov. publishing house, 1973. 276 p. (In Russ.)
18. Kavetskaya V. V. The ethnographic community of V. K. Arseniev // *Arseniev readings: mat-ly region. scientific and practical conference (Vladivostok, September 26–27, 2017) / comp. V. V. Kavetskaya*. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2019. 220 p. P. 51–58. (In Russ.)
19. Chinese and Korean migration to the Russian Far East and its impact on the socio-economic development of the region: 1860–1917 / S. A. Teslenko // *disserCat – electronic library of dissertations*. URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskaya-i-koreiskaya-migratsiya-na-dalnii-vostok-rossii-ee-vliyanie-na-sotsialno-ekonom> (Accessed 12.12.2021). (In Russ.)
20. Koval' S. L. Expert vs scientist. Cognitive features of obtaining knowledge by an expert // *Materials of the All-Russian Conference on Cognitive Science (KISE–2017) Kazan, October 30 – November 03, 2017 Kazan: Kazan (Volga Region) Fed. un-t, 2017. 566 p. P. 455–468. Available from URL <https://kpfu.ru/portal/docs/F2140185729/Koval.PDF> (Accessed 02.12.2021).* (In Russ.)
21. Kosmachev K. P. Geographical expertise (methodological aspects). Novosibirsk: Nauka, 1981. 112 p. (In Russ.)
22. Kuz'michev I. S. Writer Arseniev: Personality and books. L.: Publishing house "Soviet writer", Leningr. ed., 1977. 240 p. (In Russ.)
23. Nesterova E. I. Russian administration and Chinese migrants in the South of the Russian Far East (sec. half of XIX – beginning XX centuries). Vladivostok: Publishing House of the Far East. un-ta, 2004. 372 p. (In Russ.)
24. Maslennikov E. V. Expert knowledge: Integration approach and its application in sociological research. Moscow: Nauka, 2001. 228 p. (In Russ.)
25. Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk: Khabarov. publishing house, 1987. 512 p. (In Russ.)

26. Novikov A. M., Novikov D. A. *Methodology: Dictionary of the system of basic concepts*. M.: Book house "LIBROCOM", 2015. 208 p. (In Russ.)
27. *Essay // Terminological dictionary–thesaurus on literary studies / academic.ru – Dictionaries and encyclopedias on the Academic*. URL <https://literaturologiya.academic.ru/438/%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA> (Accessed 12.01.2022). (In Russ.)
28. Pankova L. A. *Organization of expertise and analysis of expert information / L. A. Pankova, A. M. Petrovsky, M. V. Schneiderman*. M.: Nauka, 1984. 120 p. (In Russ.)
29. Polevoi B. P., Reshetov A. M. V. K. Arseniev as an ethnographer // *Soviet ethnography*. 1972. No. 4. P. 74–87. (In Russ.)
30. Rozin V. M. *Features of discourse and samples of research in the humanities*. Moscow: Book house "LIBROCOM", 2009. 208 p. (In Russ.)
31. Sem T. YU. *Arseniev Vladimir Klavdievich / Russian ethnogr. the museum*. URL <https://ethno-museum.ru/kollekcii/sobiratelii/arseniev-vladimir-klavdievich/> (Accessed 20.11.2021). (In Russ.)
32. Seroshevsky V. L. *Yakuts: the experience of ethnographic research / edited by N. I. Veselevsky*. St. Petersburg: s. n., 1896. [4], XII, 720 p. (In Russ.)
33. Scott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Conditions Have Failed*. M.: University. book, 2005. 576 p. (In Russ.)
34. Sladkovsky M. I. *The History of trade and economic relations of the Peoples of Russia with China (before 1917)*. Moscow: Nauka, 1974. 437 p. (In Russ.)
35. Sokolov V. N. *Arseniev's Path: to the Historical Anthropology of Military Oriental Studies of the Far East of Russia at the beginning of the twentieth century // Arseniev V. K. Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916 Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 707–778*. (In Russ.)
36. Solov'ev F. V. *Chinese otkhodniks and their geographical names in Primorye (sec. half XIX – early XX) / Institute of History, archeol. and ethnogr. peoples of the Far East DVNTs of the USSR Academy of Sciences*. Vladivostok: s. n., 1973. 284 p. (In Russ.)
37. Solov'ev F. V. *Chinese otkhodnichestvo in the Russian Far East in the era of capitalism (1861–1917)*. Moscow: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.)
38. Tarasova A. I. *Vladimir Klavdievich Arseniev*. M.: Nauka, 1985. 344 p. (In Russ.)
39. Khisamutdinov A. A. *Vladimir Klavdievich Arseniev. 1872–1930*. Moscow: Nauka, 2005. 224 p. (In Russ.)
40. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / Editor-in-chief I. T. Kasavin*. M.: "Canon+"; ROOI "Rehabilitation", 2009. 1248 p. (In Russ.)
41. Glebov S. *The Political Ecology of Vladimir Arseniev // Sibirica*. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 15–36. doi: [dx.doi.org/10.3167/sib.2020.190203](https://doi.org/10.3167/sib.2020.190203).

Информация об авторах

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru
 Галина Викторовна Кондратенко, младший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: gala103@yandex.ru

Information about the authors

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru
 Galina V. Kondratenko, Junior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: gala103@ya.ru

Поступила в редакцию

(Received) 03.05.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева: опыт визуально-антропологического исследования

Иван Андреевич Головнев
Центр Арктических исследований Музея антропологии и этнологии "Кунсткамера" РАН,
Санкт-Петербург, Россия, ethnokino@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается малоизученный спектр источников – визуальное наследие В.К. Арсеньева, в котором отразились силуэты эволюции Дальневосточного края в первой трети XX века. Автор представляет опыт междисциплинарного исследования: выделяет ключевые образы арсеньевского фотоархива, анализирует их с использованием историко-антропологических подходов, а также обобщает в современном документальном фильме. Демонстрируется перспективность обращения к визуальным архивам исследователей и эффективность использования предложенной методики для применения в широком поле гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: *визуальная антропология, архивные фотодокументы, Дальний Восток, В.К. Арсеньев*

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Для цитирования: Головнев И. А. Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева: опыт визуально-антропологического исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 30–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Far Eastern Odyssey of Vladimir Arseniev: the experience of visual and anthropological research

Ivan A. Golovnev
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia, ethnokino@yandex.ru

Abstract. The study considers an insufficiently explored layer of sources – the photographic heritage of V.K. Arseniev, which reflected the silhouettes of the evolution of the Far Eastern Territory in the first third of the 20th century. The author presents the experience of interdisciplinary research: highlights the key images of the Arseniev's archive, analyzes them using historical and anthropological approaches, and summarizes them in a documentary film. The prospects of using the visual archives of researchers and the effectiveness of using the proposed methodology for application in a wide range of humanitarian disciplines are demonstrated.

Key words: *Keywords: visual anthropology, archival photo documents, Far East, V.K. Arseniev*

The reported study was funded by RFBR, project number 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

For citation: Golovnev I. A. Far Eastern Odyssey of Vladimir Arseniev: the experience of visual and anthropological research // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 30–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Со времен изобретения фотографической техники о перспективности ее использования в научных целях теоретически высказывались многие исследователи. В частности, еще В.Н. Харузина подчеркивала, что для изучения "типов населения, костюмов, живых народных сцен, группировки лиц при играх, совершении обрядов и т.п., фотография незаменима" [23, с. 14]. Затем, на судьбоносном для отечественного народоведения Совещании этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г., определившем векторы развития в то время "новой", советской, этнографии, фотографирование также выделялось в качестве одной из актуальных методологических установок. Например, в резолюции по докладам В.Г. Богораза и Б.А. Куфтина о методах полевой работы было записано: "Этнограф всячески должен стремиться к всестороннему применению различных технических приемов в своей работе. Киносъемка, фотографирование и фонографирование должны занять надлежащее место при полевом исследовании" [18, с. 131]. Н.Ф. Яковлев видел причинную связь фотографии и этнографии в самом подходе ученого к исследовательскому материалу, в его стремлении максимально точно зафиксировать свой объект: "этнограф стремится выхватить из жизни отдельные, интересные для него явления или процессы с тем, чтобы всеми имеющимися в его распоряжении техническими средствами отразить и закрепить эти объекты на бумаге, фото-снимке, зарисовке и т.д." [24, с. 7]. Подобную установку наследовали и ученые более позд-

него советского периода, – так, по убеждению В.Н. Басилова, "фотоснимок был и остается в этнографии одним из важнейших источников информации. Он способен точно и полно осветить особенности жизни разных народов, исследование которых и составляет предмет этнографической науки" [5, с. 161]. За десятилетия творчества российскими/советскими исследователями был создан целый корпус фотографических материалов, являющихся уникальными свидетельствами развития отдельных регионов и страны в целом. И в этой связи заслуживает акцентного внимания тезис В.М. Магидова о назревшей потребности изучения истории страны по визуальным документам [13].

Традиция практического применения фотоаппаратуры в исследовательских работах к настоящему моменту насчитывает более чем вековую историю – принято считать, что направление этнографической фотографии зародилось в 1870–1880-х гг. [21, с. 38]. В частности, в этот период возможности фототехники апробировали в своих экспедициях известные ученые-путешественники: Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов и др. И освоение дальневосточного региона в конце XIX века оказалось неразрывно связано с первыми опытами его визуальной фиксации средствами фотографии. Субъектами создания "нового" визуального знания становились исследователи, военные, миссионеры, сотрудники различных фирм, деятели администраций – на них лежала амбициозная и ответственная задача – открыть миру неизведанную окраину, всесторонне описать ее территории и население. Синхронно с подъемом государственного интереса в освоении Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. активизировалась и деятельность исследовательского сообщества в параллельном направлении. Соответственно, импульс к развитию получили экспедиционные работы по изучению географических, геологических, этнографических, климатических и др. особенностей края, в том числе и с точки зрения их использования в качестве колонизационных ресурсов. Существенную роль в реализации подобных госпрограмм стали играть научные организации, в частности, Общество изучения Амурского края, деятели которого в той или иной степени затрагивали в своих исследованиях проблемы этнокультурной, административно-хозяйственной и переселенческой политики в регионе. Отправляясь в экспедиции, многие сотрудники Общества: Ф.Ф. Буссе, Б.И. Дыбовский, И.А. Лопатин, В.П. Маргаритов, П.Т. Новограбленов, Н.А. Пальчевский, Б.О. Пилсудский и др. – брали с собой фотоаппаратуру или нанимали профессионального фотографа [9]. В трудоемких, комплексных по исследовательским задачам экспедициях они создавали фотодокументы, которые сообщали сведения экономического характера, имели разностороннее научное значение, а также знакомили общественность с многонародным обликом края – бытом айнов, алеутов, гольдов, гиляков, ительменов, камчадалов, коряков, орочей, ольчей, тазов, удэе и др. Опытные ученые-полевики более других "парламентеров" были вхожи в туземную среду, владели языковыми знаниями и пониманием культурных особенностей дальневосточных народностей, что в открывало им возможности для более подробной фиксации и трансляции визуальных сцен из жизни местного населения. Потому архивное фотонаследие ученых, запечатлевшее результаты пионерных визуально-антропологических опытов на Дальнем Востоке, представляет особую значимость для научного рассмотрения.

Неслучайно сегодня подобные материалы вызывают все больший интерес в широком спектре гуманитарных изысканий – архивные фотографии "оживляют" перед современными исследователями колоритные картины культур, навсегда канувшие в прошлое. В контексте "иконического поворота", активно продолжающегося в современной отечественной науке, обращение к визуальным архивам видится актуальной исследовательской целью [14, 16, 19, 26]. Однако, несмотря на признанную в науке информативную ценность данных источников, подходы и методы работы с такого рода материалами все еще остаются недостаточно разработанными.

Предлагаемая статья, направленная на сильное преодоление обозначенного пробела, посвящена рассмотрению опций фотографической фиксации и репрезентации образов дальневосточного региона в исторической и современной перспективах и является развитием авторского анализа аспектов визуальности в творчестве Владимира Клавдиевича Арсеньева, в данном случае фокусируясь на его фотографических материалах. Актуальность заяв-

ленной темы дополняется отсутствием теоретических и прикладных осмыслений этого уникального пласта арсеньевского наследия, до сих пор должным образом не представленного в общественном обороте.

Обращение к таким специфическим источникам определила опору и на соответствующую авторскую методологию, сочетавшую подходы исторической и визуальной антропологии. Первым этапом работ стал поиск фотодокументов, связанных с деятельностью В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке, рассредоточенных по фондам музейных и архивных институций России. Так, в 2012 г. в ходе исследований в архиве Общества изучения Амурского во Владивостоке, автором статьи был обнаружен своеобразный научно-творческий клад – десятки ящиков с сотнями изобразительных документов (стеклянные пластины, негативы и позитивы), созданных самим В.К. Арсеньевым и его спутниками в экспедициях по Усурийскому краю. Развитие тематических изысканий в фондах Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (Владивосток), Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (Хабаровск) и Архива Русского географического общества (Санкт-Петербург) привело к обнаружению дополнительного массива фотодокументов. Последующий анализ корпуса найденных источников позволил систематизировать изображения по тематическому и хронологическому принципам. Наконец, вариантом обобщения объема данных фотоматериалов в своеобразный изобразительный нарратив стал их последовательный монтаж – заключительным этапом представляемого исследования стало создание документального фильма "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" (2018)¹. Сгруппированные в рамках тематических новелл, созвучных формулировкам самого В.К. Арсеньева ("Море лесов", "Царство гор", "Дыхание океана", "Дерсу Узала" и "Революция для всех..."), составленные в хронологической последовательности (от фотообразов Российской империи до картин советизации края), и дополненные соответствующими дневниковыми записями, а также выдержками из произведений исследователя (в звуковом оформлении), арсеньевские снимки выстроились в целое визуальное повествование о дальневосточном фронтире в его историко-антропологическом развитии в первой трети XX в.

Фотографические опыты В.К. Арсеньева

Склонность к визуализации, по свидетельству арсеньеведов, проявлялась у Владимира Клавдиевича с детства: "В семейных воспоминаниях настойчиво повторяется рассказ о рисованных человечках, которыми он населял страницы книжек, учебники географии и истории. Читая приключенческие книжки, он продолжал и пересказывал их на собственный манер: карандашом на листках почтовой бумаги делал серию рисунков без подписей, и, если перелистать стопку таких рисунков, расположенных в нужном порядке, получалась своего рода повесть" [12, с. 15]. Характерно, что впоследствии и походные дневники исследователя обрели вид синтетических коллажей, в которых соседствовали текстовые и изобразительные элементы – вырезки из бересты, рисунки, карты, фотографии.

Вся жизнь В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке была своеобразной экспедицией – он прошел с служебными и исследовательскими целями значительные территории края, оставив после себя многочисленные научные и художественные описания своих походов. Почти в каждую экспедицию, педантично оптимизируя вес снаряжения, он непременно брал фотокамеру с запасом пластин, и слыл умелым фотографом [6]. Именно благодаря фотографированию, которому отводилась роль документирования походных событий, сегодня можно более объемно рассмотреть ту "Дальневосточную одиссею" В.К. Арсеньева, под новым исследовательским углом взглянув на ее визуальные страницы.

В своих публикациях Владимир Клавдиевич оставил неоднократные указания на регулярность фотофиксации своих экспедиционных впечатлений. К примеру, в издании "Дерсу Узала" (1907) он отмечал: "В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай я успел сделать несколько фотографических снимков... Нигде хребет Сихоте-Алинь не выступает так вели-

¹ Фильм "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" (режиссер: Иван Головнев) доступен по ссылке: <https://youtu.be/z4JMvXK0uSo>

чественно и резко как в истоках Сицы" [2, с. 501]. А в рассказе о лодочном переходе по реке Гыджу в экспедиции 1908 г. он вспоминал: "Наша лодка подошла ближе к берегу. Теперь можно было рассмотреть и детали. Под влиянием атмосферных явлений в песчаннике образовалось множество глубоких каверн, разделенных тонкими перегородками. Я хотел сфотографировать берег и велел вынуть весла из воды. Минут десять я провозился, пока наладил аппарат" [3, с. 314]. Во время походов В.К. Арсеньев предусмотрительно содержал фотографические пластинки запаянными в цинковые коробки – "в каждой по дюжине" [2, с. 406], что позволяло предохранять материалы от сырости, но без потерь столь экстремальные по своим условиям экспедиции обойтись не могли. В частности, В.К. Арсеньев с сожалением сообщал, что 11 августа 1908 года, во время тяжелого перехода, сопровождавшегося голодовкой и затоплением лодки, "подмокли ценные вещи, и в том числе фотографический аппарат, кассеты" [3, с. 52].

Персональный архивный фонд В.К. Арсеньева, хранящийся в Обществе изучения Амурского края (ОИАК), являясь наиболее крупной коллекцией визуально-антропологических материалов, связанных с творчеством исследователя, содержит порядка 550 фотодокументов и негативов. В одних случаях авторство В.К. Арсеньева (или другого лица) можно определить по персональным подписям и комментариям исследователя на обратной стороне фотодокументов, в других – по косвенным свидетельствам (указаниям в дневниковых записях, на полях рукописей и т.п.). Очевидно, в случаях, когда у него не было возможности сделать необходимую фотографию самостоятельно, он использовал фото, сделанные его проводниками и спутниками в экспедиционных маршрутах, либо запрашивал материалы у своих "корреспондентов" на местах.

При этом и упомянутый фонд не характеризуется полнотой и целостностью – в частности, отсутствующими на сегодняшний день числятся фотодокументы, относящиеся к путешествиям В.К. Арсеньева в Китай, Японию и Корею; многие фотосериі сохранились лишь фрагментарно. Тем не менее коллекции арсеньевских фотографий в ОИАК, дополненные материалами, содержащимися в фондах Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова и Архива Русского географического общества, позволяют представить максимально объемную панораму визуального творчества исследователя и разобрать тематический репертуар тех фотографических образов².

В сюжетном плане в фотоколлекции В.К. Арсеньева в первую очередь выделяются сцены из быта дальневосточных народов, что свидетельствует о выраженном этнографическом интересе исследователя. Известно, что на рубеже XIX–XX вв. именно народоописание при изучении территорий являлось определяющей направленностью в деятельности многих ученых-гуманитариев. В антропологической фотографии, сопутствовавшей исследованиям, преобладали съемки портретов представителей этнических сообществ на фоне искусственного нейтрального "задника", в фас и профиль, в одежде и без таковой (подобным образом снимали В.Г. Богораз, В.И. Йохельсон, С.М. Широкогор, Б.И. Дыбовский и др.) [9]. Базовыми характеристиками фотографических репрезентаций жизни коренных жителей являлись постановочность сцен, сознательное помещение в кадр элементов архаичной материальной культуры как маркеров "примитивности", подчеркивание бинарных оппозиций: европеец и абориген, цивилизация и дикость, порядок и хаос. Однако в деталях подходы исследователей к своему объекту часто различались, соответственно, и фотографические материалы, создававшиеся как иллюстрации определенных концепций, также имели свои особенности. Одни, к примеру, предлагали апробировать программы создания национально-культурных автономий на Дальнем Востоке, подкрепляя свои идеи фотодоказательствами успешных опытов обучаемости и перевоспитания инородцев [17]. Для других, фотообразы полноценно адаптированных к местным условиям туземцев

² АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края
МЗИДВ – Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева
ХКМ – Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова.
АРГО – Архив Русского географического общества.

Фото 1. Дерчу Очжал (Дерсу Узала). Фото В.К. Арсеньева.

Photo 1. Derchu Oczhal (Dersu Uzala). Photo by V.K. Arseniev.

Источник: АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 24.

Source: Russian Geographical Society (RGO). Fond 86. Series 1. File 75. P. 24.

оказывались эффективными аргументами для продвижения программ по привлечению старожилов края и переселенцев из азиатских стран в качестве посредников в колонизации региона, что являлось острыми сюжетами для дискуссий, происходивших в научных и административных кругах в изучаемое время [11]. Третьи отстаивали позицию минимизации вмешательства в самодостаточное существование коренного населения – на их фотографиях запечатлена "жизнь врасплох" – будничные реалии местных сообществ в их естественной хозяйственной среде [15].

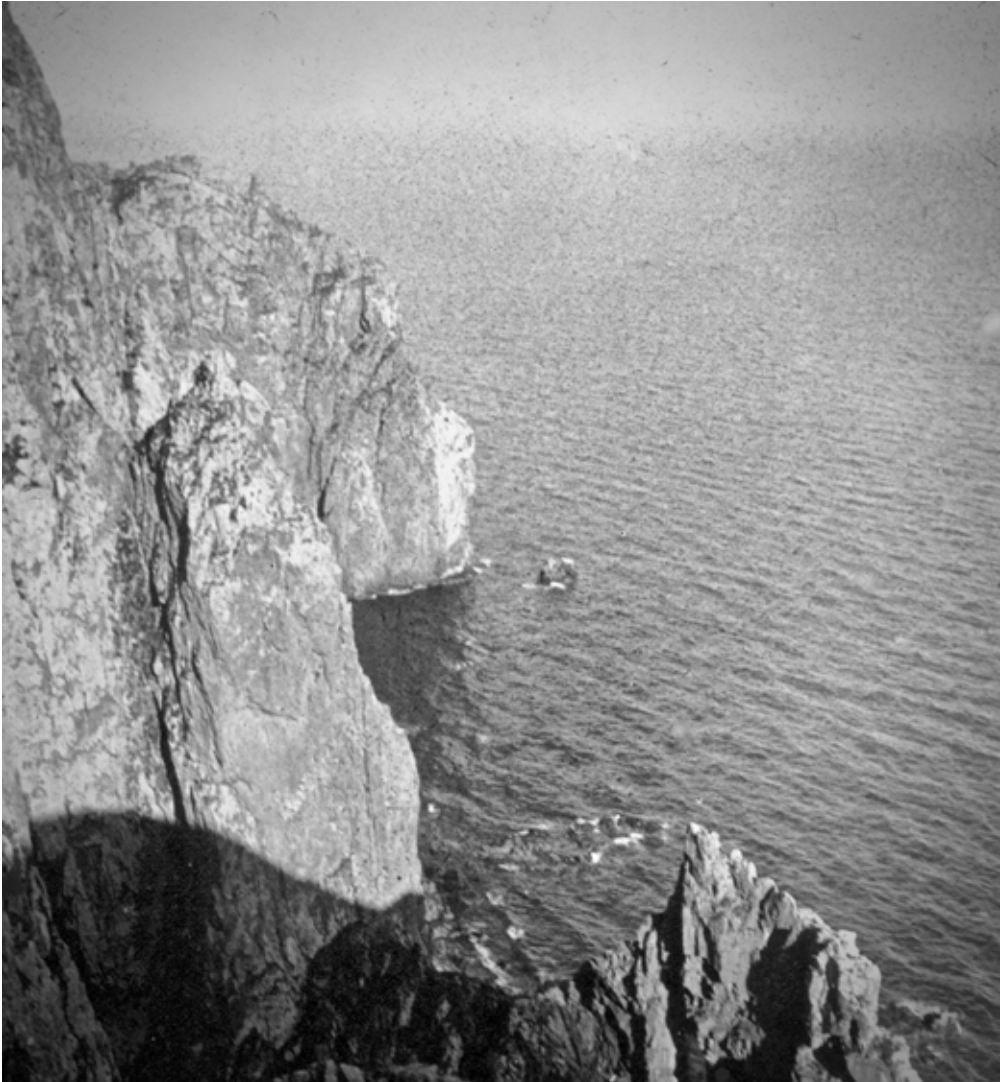

Фото 2. "Дыхание океана". Фото В.К. Арсеньева.

Photo 2. "Breath of the ocean." Photo by V.K. Arseniev.

Источник: АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 78. Л. 8.

Source: Society for the Study of the Amur Territory (OIAK). Fond 14. Series 4. File 78. P. 8.

В творчестве же В.К. Арсеньева "образ другого" выражался, как правило, с уважением, деликатностью и симпатией – что можно считать естественной визуальной репродукцией соответствующих личных и профессиональных убеждений исследователя (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–2; АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 16; РГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 5; МЗИДВ. НВ-3816; ХКМ КП 10868/337). В частности, в работе 1929 г. "Население Владивостокского округа. Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного переселенческого управления" В.К. Арсеньев утверждал: "полезные ископаемые, лес, продукты моря, соболь, пятнистый олень и другие промысловые животные составляют естественные богатства края, но люди, живущие в нем, будь то аборигены или колонисты, представляют из себя самую высшую ценность" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 99). Отдельный блок в этом ряду представляют фотографии проводников, сопровождавших исследователя в таежных путешествиях – китаец Чжан Бао, орочи Чичо (Иван), Карпушка

Фото 3. В.К. Арсеньев в экспедиции 1927 года.

Photo 3. V.K. Arseniev on an expedition in 1927.

Источник: МЗИДВ. НВ 6314-27.

Source: Museum-reserve of the history of the Far East named after V.K. Arseniev (MZIDV). NV 6314-27.

Фото 4. Головнев И.А. и Соломин Ю.М. на звукозаписи текстов для фильма "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева".

Photo 4. Golovnev Ivan and Solomin Yuriy on the sound recording of texts for the film "Vladimir Arseniev's Far Eastern Odyssey".

Источник: из личного архива автора.

Source: from the personal archive of the author

и Савушка Бизанка – их образы выглядят как обобщенные психологические портреты. И особенно узнаваем на таких фотоснимках самый известный экспедиционный спутник В.К. Арсеньева – гольд Дерчу Очжал (Дерсу Узала). Фотографический образ Дерсу, созданный В.К. Арсеньевым созвучно литературному, олицетворяет тип опытного следопыта, умелого охотника, таежного скитальца, изображенного с соответствующими иконическими деталями-кодами: трубка, котомка, ружье и т.п. (АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 24; ХКМ КП 10868/338). Не случайно и в вышеупомянутом документальном фильме автора статьи этнографические фотографии арсеньевского архива были объединены в эпизод под названием "Дерсу Узала".

При этом исследовательская интонация в визуализации этничности у В.К. Арсеньева, как правило, соседствует с поэтической. Характерно, что во многих вопросах мировоззренческого плана, включая и аспекты религиозной софистики, В.К. Арсеньев часто поддерживал позицию не европейского, но местного толка: "Мы остановились отдохнуть. Дерсу подошел к кумирне, опустился перед нею на колени и дважды поклонился в землю. Я удивился, что он молится перед китайской кумирней. – Дерсу, – обратился я к нему. – Что ты молишься? Ведь это китайский бог!?! – Ничего, капитан, – ответил он мне. Какой Бог – ваш Бог, наш Бог, китайский Бог, все равно один Бог – три нету. Я поразился его ответом и устыдился своего вопроса. Вопрос, над которым европейцы тысячелетиями ломают головы и ведут споры, иногда доходящие до кровопролития, он, простой дикарь, разрешал так просто" [2, с. 475].

В отношении же колонизации края переселенцами из соседних азиатских стран В.К. Арсеньев осмотрительно предупредил, что в текущий момент "русский рабочий-земледелец, промышленник, огородник не может конкурировать ни с китайцами, ни с корейцами. Торопиться с колонизацией края иностранными подданными не следует. Для государства будет выгоднее держать еще некоторое время край этот пустынным и сохранить свободные земли для будущих русских переселений" [4, с. 247]. Соответственно, фотодокументы, касающиеся жизнедеятельности китайских и корейских колонистов на Дальнем Востоке представлены в его архиве сравнительно фрагментарно, и содержательно они демонстрирует в основном "конкурентные" картины: занятия ими лучших сельскохозяйственных угодий, отправления браконьер-

ских промыслов, установления на местной территории собственных порядков и совершения беззаконных деяний, включая и фотосвидетельства совершенных преступлений (АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–4, 6–7, 9–19, 26–28).

Объемный корпус фотодокументов в архивах В.К. Арсеньева связан с фотофиксацией разнообразных природных объектов. Пейзажные панорамы из его фотоальбомов выполнены с пафосом первооткрывателя, изящны по композиции, поэтичны по содержанию. В черно-белых снимках, сделанных походным аппаратом в экстремальных полевых условиях – в частности, во время переходов по рекам Бикин, Тетюхе, Иодзухе, Копи и т.д. – В.К. Арсеньеву удалось выразительно передать тонкие черты девственной природы края (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 3, 23, 25, 26, 36, 45, 46, 48, 60; МЗИДВ. НВ 3816-9а–3816-16а). Соответствующие фотодокументы в фильме "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" составили эпизоды "Море лесов" и "Царство гор". Но, пожалуй, наиболее впечатляюще выполнены объемные в киноэпизоде "Дыхание океана" фотографии Арсеньева-мариниста (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 4–5, 14; АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 77. Л. 1, 4, 8, 10–15; АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 43–45). Они же не раз получали соответствующее воплощение и исполнение Арсеньева-писателя: "Величественная картина – грозный вид! Одна за другой с белыми гребнями огромные волны с рёвом налетают на берег, заливают всю полосу прибоя, снова скатываются назад. И так без конца в течение многих веков. Каким ничтожным, маленьким, беспомощным чувствует себя человек перед такой стихийной силой природы" [3, с. 99].

Следует отметить, что текстовые описания дальневосточной природы, занимавшие существенное место в литературных произведениях В.К. Арсеньева ("По Уссурийскому краю", "Дерсу Узала", "Сквозь тайгу", "В горах Сихотэ-Алиня" и др.), в свою очередь, активно продуцировали в сознании читателя именно визуальные образы. В этом плане характерен широко известный отзыв А.М. Горького о книге В.К. Арсеньева "Сквозь тайгу": "Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой" [2, с. 38]. Примечательно, что феномен фотографии неоднократно использовалась В.К. Арсеньевым и в качестве образной метафоры – например, при знакомстве читателей с легендой, рассказанной ему проводником Чжан Бао: "Есть опасные деревья, которые поглощают в себя всех животных и птиц. Есть и такие деревья, которые, как фотографический аппарат, отпечатывают под корой всех, кто к ним приближается. Человек никогда не подвергается опасности быть поглощенным, но образ его может быть запечатлен в древесине" [3, с. 361].

В научном плане В.К. Арсеньев продолжал традиции Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова, практиковавших энциклопедический подход к описанию исследуемой местности и разделяющих позицию о комплексности всех природных компонентов в пределах изучаемой географической зоны. Поэтому многие фотографии, созданные в ходе экспедиционных маршрутов, аккуратно иллюстрируют наблюдения, сделанные им в определенном порядке, и представляют собой серию сюжетов, в которых часто последующее изображение поясняет или развивает содержание предыдущего. На походных фотоснимках запечатлен и сам исследователь: в частности, молодым офицером (начальником охотничьей команды) в поездках по Южно-Уссурийскому краю; во время комплексных исследовательско-служебных экспедиций в центральную часть хребта Сихотэ-Алинь 1906–1907 гг. – наиболее плодотворных в его научно-творческой биографии; наконец, уже состоявшимся исследователем – в походе по маршруту Советская Гавань – Хабаровск летом 1927 г. (МЗИДВ. НВ 6314-17; МЗИДВ. НВ 6314-20; МЗИДВ. МПК 4288/2; МЗИДВ. НВ 6314-27; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 8; РГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 20; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 30; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 31; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 32; ХКМ КП 9750/104).

Особая группа в визуальных архивах В.К. Арсеньева представлена фотодокументами, отразившими события революции, гражданской войны, а также проводившей советизации края (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 19; ХКМ. НВ 10079/8-9. Л. 3–4; ХКМ. НВ 9791/57. Л. 20; ХКМ. НВ 9791/58-61. Л. 23–26; ХКМ. НВ 9791/62. Л. 27) и составившая заключительный эпизод "Революция для всех..." авторского документального фильма. Целевой ак-

цент на фотофиксации природно-этнографического разнообразия региона, его уникальности в ландшафтном, климатическом, этнокультурном отношении сохранялся в фототворчестве В.К. Арсеньева и в советский период. Но в поле зрения фотокамеры исследователя все чаще попадали и картины переустройства региона, увеличивалось присутствие в кадрах советских "типажей".

В тот период на Дальний Восток двинулось новое поколение "документалистов" – и не только фотографов, а и кинематографистов – создавать советскую визуальную летопись. Известно, что революционные события в стране были восприняты В.К. Арсеньевым как фатальная историческая травма, участь которой он твердо решил разделить со своим народом: "За время революции и гражданской войны столько было насилий, столько пролилось крови, что у меня что-то надломилось в душе. Цивилизация родит преступников. Созидай свое благополучие за счёт другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом в последовательном порядке идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!?" [2, с. 640]. Очевидно поэтому количественно такие снимки представлены в архивах исследователя относительно скупо.

Продолжая последовательно заниматься этнографией и фотографией, В.К. Арсеньев не мог оставаться совершенно в стороне от нововведений. Постепенно, на фоне происходящих технологических и социокультурных изменений в конце 1920-х гг., роль фотографии в репрезентации регионального своеобразия страны снижалась. Ее место занимал "киноглаз" – кинопутешествия по окраинным территориям СССР становились более эффективным средством трансляции широким зрительским массами происходящих в них социалистических преобразований. Путем ведомственного объединения усилий ученых и кинематографистов в деле "культурной революции" под эгидой ЦИК был запущен масштабный государственный проект "Киноатлас СССР", предполагавший создание 150-серийного альманаха о народностях и регионах страны, ориентированный на создание экранного образа многонационального и прогрессивно развивающегося при новой власти Союза [8]. И одним из наиболее популярных мест для съемки таких фильмов стал Дальний Восток – картины, снятые в регионе, становились буквальным открытием этой территории для населения столиц и центральных областей страны.

Известно, что В.К. Арсеньев имел свой интерес к кинематографу как средству популяризации природных и культурных ценностей дальневосточного края. В частности, еще летом 1914 г. он участвовал в разработке съемочного плана этно-географического характера для корреспондента научного отдела кинофабрики "Ханжонков и Ко" Ф.К. Бремера, а в 1923 г. – обращался в "Совкино" с запросом прислать кинооператора в его экспедицию для съемок действующего вулкана Авача на Камчатке, но эта инициатива не была поддержана руководством киностудии [20, с. 268]. Закономерно поэтому, что в 1928 году В.К. Арсеньев принял приглашение на роль научного консультанта в фильме А.А. Литвинова "Лесные люди" об удэгейцах, сценарный эскиз которого создавался на основе его же книги "Лесные люди удэгейцы" [1]. Эта киноработа стал первой из серии краеведческих кинолент, созданных на Дальнем Востоке в ходе сотрудничества В.К. Арсеньева с группой "Совкино" [7]. В изменившемся контексте импульсы к производству антропологической/этнографической фотографии неизбежно сокращались, снимавшиеся фотоматериалы переходили в специализированный удел прикладных иллюстраций к работам ученых, а объем уже созданных к тому моменту фотографических документов подлежал пересмотру с новых идеологических позиций, и в лучшем случае – музейфицировался или списывался в архив, а в худшем – уничтожался, что в полной мере прослеживается и на примере фотонаследия В.К. Арсеньева.

Как видно, "репертуар" фотографических образов арсеньевского архива можно систематизировать по тематическому и хронологическому принципам. В своих фотоработах В.К. Арсеньев фокусировался не только на этнографических деталях – он также снимал крупные портретные кадры местных жителей и масштабные природные планы, словно делал "пробы" персонажей и натуры

для своих литературных произведений. Не случайно именно собственными фотографиями В.К. Арсеньев стремился в перспективе иллюстрировать свои художественные и научные произведения.

И с точки зрения стиля фототворчество В.К. Арсеньева характеризуется самобытным документально-художественным созвучием, свойственным также и его литературным опытам. Не случайно биографы многократно подчеркивали межжанровые интонации в произведениях исследователя [10, 12, 22; 25]. Например, И.С. Кузьмичев метко сравнил литературный почерк В.К. Арсеньева с манерой кинодокументалиста: "Разница между пейзажем в каком-нибудь романе и описанием природы под пером Арсеньева приблизительно та же, что между картиной живописца и кадрами документальной киноленты. Пейзажист вынашивает замысел, набрасывает этюды и потом на холсте рисует картину. Кинодокументалист же "подсматривает" в природе "нечто прекрасное" и мгновенно запечатлевает на пленке, в кадре, как факт и реальный, и поэтический" [2, с. 28].

В визуально-антропологическом наследии исследователя получили отражения различные исторические явления, в числе которых смена политических режимов и научных парадигм, а также напряженные поиски различных сил общества в направлении колонизации дальневосточного края. Ведь ученые-энциклопедисты, к каковым принадлежал и Владимир Клавдиевич, выступали в гуманитарном авангарде тех событий – они не только исследовали эволюцию и революцию со стороны, они были непосредственными участниками этих процессов. Их основная задача заключалась в изучении колонизационных емкостей – природных ресурсов и социокультурных капиталов края, а позиция большинства выражалась не просто в антропологическом, но даже в антропометрическом взгляде "просвещенного колонизатора" на "вымирающих инородцев", что отчетливо зафиксировалось и в соответствующих фотосвидетельствах [8]. Но именно "уважительный" и отчасти "романтический" взгляд на дальневосточную природу и местную культуру, наглядно выраженный в фотообразах, созданных им как ученым-художником, выделяет наследие В.К. Арсеньева из общего слоя визуальных материалов изучаемого периода.

Фотогалерея образов Дальнего Востока, запечатленных в визуальных архивах В.К. Арсеньева во внешней проекции повлияла на перманентное восприятие этого региона в российском (советском) обществе, а во внутренней – способствовала формированию локальных идентичностей и авторефлексий. Перед критически настроенным исследователем эти фотодокументы предстают многослойными источниками, отразившими силуэты политики и экономики, культуры и идеологии своего времени. И не столько количеством фотографий и кинофильмов, сколько их качеством измеряется это наследие. Как показывает современный опыт, на архивных фотоизображениях В.К. Арсеньева основываются музейные экспозиции, иллюстративные издания, научные тексты, документальные фильмы. Колоритные культурные срезы, запечатленные им среди этнокультурных сообществ Дальнего Востока, не существуют более в реальности, они навсегда ушли в прошлое, но образы их можно увидеть и сегодня – через объектив его камеры. Так, актуализация исторических фотографий путем популяризации их в виде документального фильма, позволила современной аудитории зрителей совершить собственное "кинопутешествие" по маршруту "Дальневосточной одиссеи" В.К. Арсеньева, а благодаря закадровым комментариям³ из текстов исследователя, расслышать, что многие вопросы, поднятые им относительно развития края, до сих пор не потеряли своей остроты. И в этом заключена не только исследовательская, но и общегуманитарная ценность творчества В.К. Арсеньева – его уникальная миссия, исполненная с мастерством и достоинством.

³ Тексты В.К. Арсеньева прочитаны в фильме Ю.М. Соломиным, воплотившим экранный образ Капитана в кинокартине "Дерсу Узала" (1975) А. Куросавы.

Литература

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 47 с.
2. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. Владивосток: Рубеж, 2007. 703 с.
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 2. Владивосток: Рубеж, 2011. 607 с.
4. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 3. Владивосток: Рубеж, 2012. 784 с.
5. Басилов В.Н. Наука о народах и фотография // Советская этнография. 1981. № 2. С. 161–164.
6. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи / ред. Ю.К. Луганский. Владивосток: Усури, 1997. 336 с.
7. Головнев И.А. Владимир Арсеньев и кино // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 50–64.
8. Головнев И.А. Киноатлас СССР: история проекта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12–24.
9. Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2021. 296 с.
10. Егорчев И.Н. Неизвестный Арсеньев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2016. 164 с.
11. Кирилов Н.В. Колонизация низовьев Амура (доклад, внесенный в секцию рыбопромышленного совещания по вопросам колонизации низовьев Амура в Николаевске в апреле 1916 года). Владивосток: Далекая окраина, 1916. 9 марта. 4 с.
12. Кузьмичев И.С. Писатель Арсеньев. Л.: Советский писатель, 1977. 240 с.
13. Магидов В.М. Кинофотофондокументы в контексте исторического знания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 394 с.
14. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.
15. Новограбленов П.Т. Среди гигантов (путешествие вокруг Ключевого вулкана в 1927 г.) // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 9. С. 327–328.
16. Октябрьская И.В. Открытые письма Сергея Борисова. Из истории фотографии Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 110–121.
17. Пилсудский Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. 4. Вып. 3. С. 1–38.
18. Сопещение этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. № 2. С. 110–145.
19. Степанова Л.Б. Полевые экспедиционные фотографии этнографа А.А. Саввина (из собрания рукописного фонда архива ЯНЦ СО РАН) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3(20). С. 53–58.
20. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального ун-та, 2012. 410 с.
21. Толмачева Е.Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. № 1. С. 38–42.
22. Хисамутдинов А.А. "Впервые осветил географию многих мест": В.К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 36–49.
23. Харузина В.Н. Этнография. Вып. 2. М.: Императорский археологический институт, 1914. 219 с.
24. Яковлев Н.Ф. Кино и этнография / Терской А.Н. Этнографическая фильма. М.: Теакино-печатль, 1930. С. 3–16.
25. Яроцкая Ю.А. К вопросу о жанровой принадлежности художественных текстов В.К. Арсеньева крупной формы // Смысловое пространство текста. Сборник статей научно-практической конференции. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 154 с.
26. Sharapov V.E. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the "Artistic Ethnology" of the late 19th – 20th Centuries // Slovenský národopis. 2020. № 3. P. 230–249.

References

1. Arseniev V.K. Forest people Udege. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1926. 47 p. (In Russ.)
2. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. Vladivostok: Rubezh, 2007. 703 p. (In Russ.)
3. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 2. Vladivostok: Rubezh, 2011. 607 p. (In Russ.)
4. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 3. Vladivostok: Rubezh, 2012. 784 p. (In Russ.)
5. Basilov V.N. Science of peoples and photography // Soviet ethnography. 1981. No. 2. P. 161–164. (In Russ.)
6. Vladimir Klavdievich Arseniev. Biography in photographs, memoirs of friends, evidence of the era / ed. Yu.K. Luganskiy. Vladivostok: Ussuri, 1997. 336 p. (In Russ.)
7. Golovnev I.A. Vladimir Arseniev and cinema // Ojkumena. Regional researches. No. 2. P. 50–64. (In Russ.)

8. Golovnev I.A. Cinema Atlas of the USSR: the history of the project // Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history. 2020. No. 38. P. 12–24. (In Russ.)
9. Golovnev I.A., Golovneva E.V. Images of the Far East in visual documents of the turn of the 19th–20th centuries. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 296 p. (In Russ.)
10. Egorchev I.N. Unknown Arseniev. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2016. 164 p. (In Russ.)
11. Kirilov N.V. Colonization of the lower reaches of the Amur (report submitted to the section of the fish industry meeting on the colonization of the lower reaches of the Amur in Nikolaevsk in April 1916). Vladivostok: Daliokaya okraina, 1916. March 9. 4 p. (In Russ.)
12. Kuzmichev I.S. Writer Arseniev. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 240 p. (In Russ.)
13. Magidov V.M. Film and photo documents in the context of historical knowledge. M.: Russian State University for the Humanities, 2005. 394 p. (In Russ.)
14. Mazur L.N. Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge // Quaestio Rossica. 2015. No. 3. P. 161–178. (In Russ.)
15. Novograblenov P.T. Among the giants (travel around the Klyuchevskoy volcano in 1927) // News of the Central Bureau of Local History. 1927. No. 9. P. 327–328. (In Russ.)
16. Oktyabrskaya I.V. Open letters of Sergei Borisov. From the history of Altai photography // Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2010. No. 4. P. 110–121. (In Russ.)
17. Pilsudsky B.O. Needs and needs of the Sakhalin Gilyaks // Notes of the Amur Department of the IRGO. 1898. Vol. 4. Issue. 3. P. 1–38. (In Russ.)
18. Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow // Ethnography. 1929. No. 2. P. 110–145. (In Russ.)
19. Stepanova L.B. Field expedition photographs of the ethnographer A.A. Savvin (from the collection of the manuscript fund of the archive of the YSC SB RAS) // North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2017. No. 3. P. 53–58. (In Russ.)
20. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arseniev. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2012. 410 p. (In Russ.)
21. Tolmacheva E.B. Methodology for studying photography with ethnographic content // Photography. Image. Document. 2010. No. 1. P. 38–42. (In Russ.)
22. Khisamutdinov A.A. "For the first time he illuminated the geography of many places": V.K. Arseniev and his research // Ojkumena. Regional researches. 2017. No. 3. P. 36–49. (In Russ.)
23. Kharuzina V.N. Ethnography. Issue. 2. Moscow: Imperial Archaeological Institute, 1914. 219 p. (In Russ.)
24. Yakovlev N.F. Cinema and ethnography / Terskoy A.N. Ethnographic film. Moscow: Teakinopechat', 1930. P. 3–16. (In Russ.)
25. Yarotskaya Yu.A. To the question of the genre affiliation of artistic texts by V.K. Arseniev large form // Semantic space of the text. Sat. Articles of the scientific-practical conference. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU imeni Vitusa Beringa, 2013. 154 p. (In Russ.)
26. Sharapov V.E. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the "Artistic Ethnology" of the late 19th–20th Centures // Slovenský národopis. 2020. No. 3. P. 230–249.

Информация об авторе

Иван Андреевич Головнев, д-р ист. наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнологии "Кунсткамера" РАН, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ethnokino@yandex.ru

Information about the author

Ivan A. Golovnev, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Arctic Researches, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia, e-mail: ethnokino@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Судьба отчёта Камчатской экспедиции В. К. Арсеньева

Никита Сергеевич Воробьев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, cantimaginemail@gmail.com

Аннотация. Камчатская экспедиция В.К. Арсеньева (1918 г.) относится к числу малоизученных. Её результаты не были опубликованы при жизни исследователя, а рукопись готовившегося итогового труда ныне утрачена. В статье рассмотрены некоторые обстоятельства работы этой примечательной колонизационной экспедиции и подготовки к печати итогового труда "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах". Предпринята попытка исторической реконструкции обстоятельств подготовки к изданию этой работы. Рассмотрена связь колонизационных экспедиций В.К. Арсеньева и В.И. Рубинского (1908–1909 гг.).

Ключевые слова: *Дальний Восток, исследовательские экспедиции, В.К. Арсеньев, колонизационные исследования, Камчатская экспедиция*

Для цитирования: Воробьев Н. С. Судьба отчёта Камчатской экспедиции В. К. Арсеньева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 43–49. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/43-49>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/43-49>

The fate of the report of the Kamchatka expedition of V. K. Arseniev

Nikita S. Vorobyov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, cantimaginemail@gmail.com

Abstract. Kamchatka expedition of V.K. Arseniev (1918) is among the understudied. Its results were not published during the life of the Arseniev, and the manuscript of the final work being prepared has now been lost. The article discusses some of the circumstances of the work of this remarkable colonization expedition and the preparation for publication of the final work "Expedition to Kamchatka in 1918 and 1922". An attempt is made to historically reconstruct the circumstances of the preparation for the publication of this work. The connection between the colonization expeditions of V.K. Arseniev and V.I. Rubinsky (1908–1909) was also studied.

Key words: *Far East, research expeditions, V.K. Arseniev, colonization research, Kamchatka expedition*

For citation: Vorob'ev N. S. The fate of the report of the Kamchatka expedition of V. K. Arseniev // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 43–49. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/43-49>

Учитывая то, какое внимание привлекает деятельность В.К. Арсеньева, его экспедиции до сих пор нельзя назвать хорошо изученными. Едва ли возможно назвать хотя бы пять работ, которые посвящены этой важнейшей составляющей жизни В.К. Арсеньева. В существующих статьях преобладает констатация фактов, а не исследование: как правило, приводятся общие (не всегда точные) сведения о маршрутах той или иной экспедиции и о собранных в ней научных материалах. В то же время исследователи обходят вниманием вопросы "генезиса" экспедиций – каковы были их предпосылки, как проходила их подготовка и непосредственная организация, а также то, как сложилась судьба собранных в экспедиции научных материалов. Настоящая статья – попытка исследовать в этом отношении Камчатскую экспедицию В.К. Арсеньева 1918 г. Её маршрут хорошо известен и подробно изложен в книге А.И. Тарасовой "Владимир Клавдиевич Арсеньев" [4, с. 164–175], поэтому в настоящей статье эта экспедиционная составляющая оставлена без внимания.

В мае 1918 г. В. К. Арсеньев, служивший в то время чиновником особых поручений Переселенческого управления Приморского района, получил приглашение возглавить экспедицию по исследованию ёмкости колонизационного фонда в долине р. Камчатка и был назначен на должность заведующего устройством переселенцев на Камчатке (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 155. Л. 5, 16)¹. Несмотря на революцию и начавшуюся Гражданскую войну, отрезанные от центра страны государственные учреждения на Дальнем Востоке продолжали автономно исполнять свои функции – переселение и водворение крестьян, охрана морских промыслов и т. д. Поэтому экспедиция В.К. Арсеньева, проходившая в непростых условиях изменения многолетнего уклада российской жизни, заслуживает особого внимания.

Камчатская экспедиция, продолжавшаяся с 7 июля по 14 октября 1918 г., является одной из немногих экспедиций В.К. Арсеньева, обработан-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ные результаты которой не нашли отражения в его рукописях или публикациях. Это утверждение требует нескольких важных оговорок. Действительно, к настоящему времени никаких работ В.К. Арсеньева, обобщающих материалы Камчатской экспедиции 1918 г., не сохранилось. Непонятен даже статус отчёта этой экспедиции – некоторые факты позволяют предположить, что он так и не был написан. Известно, что в конце 1920-х годов Арсеньев готовил к печати работу "Путешествие на Камчатку в 1918, 1922 и 1923 гг.", рукопись которой ныне утрачена [4, с. 175, 194]. Единственным доступным источником, содержащим материалы об этой экспедиции, остаются экспедиционные дневники В.К. Арсеньева. Без их обработки и публикации невозможно оценить как ценность самих материалов, так и значение проведённой экспедиции.

Отметим, что это была не первая колонизационная экспедиция на Камчатку, результаты которой так и не увидели свет. В 1908–1909 гг. на полуострове работала переселенческая экспедиция под руководством заведующего Никольск-Усурийским переселенческим подрайоном В.И. Рубинского, лично знакомого с В.К. Арсеньевым. Будучи опытным переселенческим чиновником, В.И. Рубинский ответственно занялся обработкой материалов экспедиции, написал предварительный отчёт, наметил план работ и подготовил смету на написание полного отчёта, однако его замыслу было не суждено сбыться по совершенно парадоксальным причинам: необходимая для работы над отчётом поездка на несколько месяцев в Санкт-Петербург не состоялась из-за исполнения Рубинским обязанностей переселенческого чиновника. В конце концов подготовка отчёта ушла на задний план, а Рубинский получил повышение и стал заведовать переселенческим делом в Амурской области. В 1916 г., по просьбе заведующего переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепинина, В.И. Рубинский, в последний раз бывший на Камчатке в 1909 г., составил новую смету для обработки материалов и подготовки отчёта. Для завершения работы ему, что совершенно логично, требовалась новая поездка на полуостров. Однако из-за продолжавшейся Первой мировой войны вопрос было решено отложить до её завершения [5]. Однако вопрос так и не был разрешён: революционные события 1917 г. и главным образом перевод в том же году В.И. Рубинского в Архангельскую губернию для колонизационного исследования местностей, тяготеющих к строящейся Мурманской железной дороге (РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 3029. Л. 142, 154)², а затем и начавшаяся Гражданская война, поставили точку в истории Камчатской колонизационной экспедиции 1908–1909 гг. и её несостоявшегося отчёта [5].

Сам В.К. Арсеньев, знакомый с предварительным отчётом В.И. Рубинского, считал себя продолжателем его работ. Не случайно в своём письме Б.Н. Клепинину 20 июля 1918 г. (вскоре после прибытия на Камчатку) он писал: "Мой маршрут теперь вылился в ясную и определенную форму. Я иду обследовать долину реки Камчатки по той же самой программе, которую имел у себя В.И. Рубинский..." и далее: "Так как мы с Вами, Борис Николаевич, пришли к одному и тому же выводу, что обследование Камчатки надо вести, всесторонне изучая все ресурсы страны, то я и полагаю, что непременно надо обследовать тот район, который не затронул В.И. Рубинский и на который он указывает в своём отчёте" (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 155. Л. 18–20 об.). Любопытно, что далее в письме В.К. Арсеньев процитировал фрагмент из предварительного отчёта В.И. Рубинского, из чего следует, что он имел этот отчёт на руках в ходе своей экспедиции на Камчатку.

Район, не обследованный В.И. Рубинским и предполагаемый к обследованию В.К. Арсеньевым – восточное побережье Камчатки к северу от Петропавловска. Если это обследование в стороне от основного маршрута не удалось бы совершить в 1918 г., В.К. Арсеньев рассматривал очередную поездку на Камчатку в будущем 1919 г.: "Как Вы уже знаете, одним и[з] самых главных ресурсов страны является пушное дело, и мне кажется, что этот вопрос мы не должны обходить молчанием. Если мне в этом году нельзя будет отойти в сторону, то я очень просил бы на будущий год предоставить мне полную возможность заняться изучением этого района. На этот район указывало во Владивостоке Бюро экономических обследований Дальнего Востока, говорили мне представители Камчатки в дороге и подымали его вновь на совещании..."

² РГИА – Российский государственный исторический архив

(РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 155. Л. 18–20 об.). Тем не менее, это обследование В.К. Арсеньеву не удалось совершить ни в 1918, ни в 1919 г., хотя к вопросу пушного промысла на восточном берегу Камчатки он вернулся в одном из своих докладов Управлению рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока **(РГИА ДВ. Ф. Р-4411. Оп. 1. Д. 29. Л. 92–94)**.

Как уже отмечалось, статус отчёта Камчатской экспедиции В.К. Арсеньева неясен. На основании имеющихся документов факт его существования невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Согласно сохранившимся документам, ситуация выглядит следующим образом. В бумагах заведующего переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепинина имеются отпуски двух его писем В.К. Арсеньеву от 25 июля и 25 декабря 1919 г., когда Арсеньев уже почти год работал в Управлении рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока. Первое из писем более подробное: "Владимир Клавдиевич. Снаряженная под Вашим начальством в минувшем году экспедиция на Камчатку не представила Переселенческой Организации никакого отчета. Таким образом, затраченные средства являются совершенно неоправданными. Вновь прошу Вас полностью отчитаться в авансах, сдать Переселенческой организации отчет по Вашей командировке, а также и все взятые Вами карты и др. казенное имущество. Прошу Вас не отказать сообщением, к какому числу моя просьба будет Вами исполнена". Второе – весьма лаконичное: "Прошу Вас препроводить Ваш отчет по командировке в 1918 году на Камчатку" **(РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 155. Л. 30, 32)**. Ответов В.К. Арсеньева на эти письма не найдено.

Таким образом, доподлинно не известно, написал ли В.К. Арсеньев отчёт о своей экспедиции на Камчатку и сдал ли он его в Переселенческое управление. Известно только, что в его личном архиве была папка "Экспедиция на Камчатку 1918 г." с неизвестным содержанием, после его смерти бесследно исчезнувшая [4, с. 78]. Остаётся полагать, что В.К. Арсеньев, всегда ответственно и добросовестно подходивший к исполнению своих служебных обязанностей, все-таки подготовил и сдал отчет, к настоящему времени утраченный.

К сохранившимся материалам по Камчатской экспедиции 1918 г. относятся материалы, сохранившиеся в Архиве Общества изучения Амурского края: "Путевой дневник 1914–1927 гг. № 1" **(АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 99 об.–161)**³ и ряд отдельных фотоснимков и негативов, по большей части неатрибутированных.

По своей структуре дневник, вернее, его раздел, посвящённый Камчатской экспедиции, представляет собой подённое описание пройденного пути, перемежающееся с оформленными в виде таблиц сведениями статистико-экономического характера о посещённых населённых пунктах. Отдельными разделами представлены сведения по этнографии и археологии. Любопытно, что этнографическая составляющая Камчатского полуострова, по-видимому, В.К. Арсеньева не впечатлила. Уже после возвращения из экспедиции в письме к Б.Н. Клепинину, объясняя свой переход из Переселенческого управления на службу в Управление рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока, он писал: "Камчатка в этнографическом отношении ничего интересного не представляет. Меня привлекает к себе Охотский край и Чукотский полуостров" **(РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 171. Л. 40–41 об.)**.

В то же время в дневнике мало представлены сведения об орографии, флоре и фауне, до того момента весьма частые в дневниках В.К. Арсеньева, особенно в дневниках Сихотэ-Алиньских экспедиций 1906–1910 гг. Очевидно, что в этой экспедиции В.К. Арсеньев не собирал гербарии и образцы горных пород. Объясняется это, по-видимому, в первую очередь, способом передвижения – не пешком порядком, как прежде, а на моторном катере вверх по реке, с остановкой преимущественно в населённых пунктах, а также весьма основательной исследованностью Камчатки в естественно-научном отношении. Ведь в 1908–1909 гг., помимо переселенческой экспедиции В.И. Рубинского, на полуострове работала Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского, снаряженная при содействии Императорского Русского географического общества. В её состав входили блестящие учёные, в том числе в качестве начальника

³ АОИАК – архив Общества изучения Амурского края

экспедиции – лично знакомый с В.К. Арсеньевым ботаник В.Л. Комаров. Благодаря работе маститых учёных и, главным образом, щедрому финансированию экспедиции, её материалы были обработаны и изданы, в отличие от материалов экспедиции того же В.И. Рубинского. Несомненно, что В.К. Арсеньев, всегда основательно готовившийся к будущим экспедициям по доступной ему научной литературе, знал эти издания. По всей видимости, именно поэтому естественно-научная составляющая экспедиции В.К. Арсеньева, за исключением имеющих непосредственное отношение к колонизации аспектов, была сведена к минимуму.

Сохранившаяся в дневниках Программа сбора статистических сведений состояла из 28 пунктов и предполагала сбор данных о самом поселении, наличии церкви, врача и школы, почты и телеграфа, путях сообщения, метеорологических станциях; о населении (коренном и пришлом) и его разнообразной хозяйственной деятельности (рыболовстве, промыслах, торговле, животноводстве и пр.). Отдельным пунктом программы обозначены "Настроения населения": "По поводу войны"⁴, "По поводу событий в России" и "По поводу последнего переворота"⁵ (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 107–159).

Для селений Малки и Начики имеется 29-я графа – "Река", содержащая сведения о датах замерзания реки и её вскрытия, толщине льда и возможности сплава.

Та ли это "программа Рубинского", по которой В.К. Арсеньев собирался проводить свои обследования, – неясно. Если это действительно программа В.И. Рубинского, то очевидно, что Арсеньев её модифицировал – до экспедиций Рубинского и Рябушинского метеорологических станций на Камчатке не было, а значит и такая графа в статистической ведомости В.И. Рубинского была бы заведомо излишней. Графа "Настроение населения", судя по входящим в неё вопросам, также явно добавлена В.К. Арсеньевым.

По этой программе В.К. Арсеньев собрал сведения о 15 населённых пунктах полуострова: Камаки, Усть-Камчатск, Нижне-Камчатск, Ключевское, Кресты, Козыревское, Щапино, Машура, Кирганик, Мильково, Шаромы, Пушино, Ганалы, Малки, Начики.

Собранные В.К. Арсеньевым сведения сегодня утратили своё колониционное значение, однако всё ещё представляют несомненный исторический интерес, в том числе и в статистическом отношении. Любопытны и данные о настроениях населения летом 1918 г. Например, такую запись сделал В. К. Арсеньев о жителях с. Камаки в графе "По поводу событий в России": "Узнали тогда, когда революция кончилась. В домах ещё на стенах висят царские портреты", отношение к войне – безразличное, отношение к большевикам – враждебное; в Усть-Камчатске "о перевороте"⁶ узнали с радостью", "враждебное отношение к большевикам. Переименовали комитет в Совет. Работники остались всё те же", отношение к войне: "приподнятое патриотическое чувство, которое стало ослабевать" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 112 об., 124).

Итоги исследования колониционной ёмкости долины р. Камчатки показали, что в целом мест, годных для заселения, мало. Хорошие места, пригодные для земледелия, а следовательно, и для поселений, были обнаружены между селениями Мильково и Пушино. Любопытны некоторые предложения В.К. Арсеньева, к сожалению, не получившие реализации: "Переселенческому управлению необходимо на р. Камчатке установить пароходное сообщение с определёнными рейсами. Это в значительной степени облегчит жизнь местного населения" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 138). Не менее интересны и выводы о "тормозах цивилизации" на Камчатке, сделанные на основании наблюдений над образом жизни камчадалов и глубокого понимания особенностей быта крестьян: "Соболь и собака – тормоза цивилизации. Это глубоко справедливо. Пока будет соболь, нельзя рассчитывать на то, что жители займутся сельским хозяйством. Чем скорее пушной промысел сойдёт на нет, тем скорее наладится жизнь культурная, тем скорее уклад её переменится. В настоящее время жители Камчатки большую часть летнего времени работают

⁴ Имелась в виду Первая мировая война.

⁵ То есть, Октябрьской революции.

⁶ Февральской революции 1917 г.

на своих собаках. Это собачьи рабы. Они в батраках на собаках. В одном Ключевском находится 2000 собак. Для прокормления их надо 720000 рыб. Если перевести на деньги, то нужно $720000 \times 30 = 21600000$ коп. или 216000 руб. Целые дни люди работают в воде чуть ли не с опасностью для жизни (никто плавать не может), чтобы собрать собачий корм. Камчадалы не заводят свиней, овец, кур, потому что собаки не позволяют" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 139–139 об.).

Говоря об археологических исследованиях, проведённых в ходе Камчатской экспедиции, нужно отметить разведку и раскопки, произведённые В.К. Арсеньевым на песчаной косе в устье р. Камчатки – старинное укрепление у рыбного завода братьев Демби (7 августа 1918 г.), где Арсеньев нашёл керамику, изделия из кости, шлифованный каменный топор и кости животных, в том числе зарытые "на месте трапезы" медвежьей черепа (из этого В.К. Арсеньев сделал вывод, что "медведь особым почётом у камчадалов не пользовался"). У с. Камаки (10 августа), где были обнаружены в числе прочего обсидиановые и кремниевые скребки, наконечники стрел, шлифованные орудия, грузила и два человеческих черепа [3, с. 22]. Кроме того, Арсеньев описал археологические находки крестьян на месте русского острога и ительменского поселения у с. Нижне-Камчатского (старинные монеты, кусочек синего стекла с золотыми узорами, три шлифованных топора и обитый наконечник стрелы или дротилика) и сообщил ценнейшие сведения о местонахождении костей мамонта: в 5 верстах ниже с. Шапино, в 4 верстах выше Верхне-Камчатского, между селениями Кирганик и Машура, а также о находке в неизвестном месте клыка, доставленного в Усть-Камчатское (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 106, 114–116, 126 об., 141, 150). Эти важные сведения, позволяющие косвенно судить о далёком прошлом Камчатки, В.К. Арсеньев обобщил в своей статье "Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири": "Если допустить, что Камчатка раньше была островом, то соединение ее с материком произошло раньше, чем вымерли мамонты, первобытные быки и носороги" [2, с. 512].

Что же касается этнографических наблюдений, то В.К. Арсеньеву удалось собрать сведения об устройстве лодок и нарта камчадалов, о старинных русских песнях и напевах, сохранившихся среди местных жителей вследствие изолированности полуострова, об устройстве косы камчадалов и о земледельческих орудиях для выкапывания сараны, способах добывания огня и о родовом огне, празднике вскрытия реки и пережитках почитания родового бога реки, сохранившихся у камчадалов остатках ительменского языка и ительменских слов, способах постройки домов, первобытном письме коряков и об отношении камчадалов к русским, о тотемном медведе и вообще об отношении камчадалов к медведю, об употреблении мухоморов камчадалами, их укладе жизни, приметах, предрассудках и воззрениях на падающие звёзды, способах измерения расстояний. Кроме того, В.К. Арсеньев зарисовал несколько образцов орнамента камчадалов (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 107–150).

В списках своих трудов В.К. Арсеньев неоднократно указывал, что готовил к печати работу "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 6. Л. 1 об.). О содержании этой работы трудно судить, поскольку её рукопись ныне утрачена. В то же время в своих докладных записках с просьбой освободить его от работы для завершения и подготовки к изданию важных для хозяйственного освоения Дальневосточного края рукописей, направленных одновременно заведующему Районным переселенческим управлением на Дальнем Востоке В.А. Мартьянову (РГИА ДВ. Ф. Р-2441. Оп. 1. Д. 174. Л. 174–175 об.) и председателю Далькрайисполкома С.Е. Чуцкаеву, В.К. Арсеньев был более конкретен, использовав несколько видоизменённое заглавие: ""Путешествие на Камчатку в 1918, 1922 и 1923 годах" с уклоном статистическо-экономическим и колонизационным" (РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1289. Л. 192–193 об.). Очевидно, имеется в виду та же самая работа, тем более что в приложенных к этим запискам списках трудов Арсеньева она вновь носит название "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах". Мало того, в приложенных к запискам сметам на издание она уже называется "Камчатка в колонизационном отношении" (РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 133. Л. 329, 330, 332.). Таким образом, эта несохранившаяся рукопись самим В.К. Арсеньевым именовалась тремя разными названиями (чаще всего

– "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах"), однако по совокупности фактов очевидно, что имеются в виду не две и не три разные работы, а одна и та же. Смета на общую сумму 450 руб. даёт некоторое представление об объёме и физическом исполнении будущей книги: 3 печатных листа, тираж 1000 экз., формат – 1/16 четырёхлистки, набор широким корпусом. В тексте – 10 иллюстраций общей площадью 700 кв. см. и 1 карта-одноцветка. Бумага – четырёхлистка, 38 паунд (РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 133. Л. 332). Себестоимость одного экземпляра составляла бы 45 коп. Примечательно, что в сопроводительной записке В.К. Арсеньев указывал, что работа будет содержать две карты, в то время как в смете указана одна.

Из всего перечисленного следует, что данная книга представляла бы собой небольшую брошюру (3 печатных листа) и предполагалась не как "путевой дневник", подобно книгам "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала", а в большей степени в качестве работы прикладного характера, подобно трудам Камчатской экспедиции Рябушинского, где нашлось бы место и описаниям пути, но основное содержание было бы посвящено вопросам колонизации.

Здесь необходимо объяснить упоминания 1922 г. в связи с рукописью о Камчатке, поскольку в указанном году у В.К. Арсеньева была командировка не на Камчатку, а в Гижигинский уезд. Дело, видимо, в том, что в заголовке своего труда о Камчатке Арсеньев подразумевал под ней не сам полуостров, а, очевидно, Охотско-Камчатский край, в состав которого и входил Гижигинский уезд. Тот факт, что сам В.К. Арсеньев почти всегда указывал в заголовке этой работы "в 1918 и 1922 годах" и опускал 1923 г., когда он действительно был на Камчатке, обусловлено большей важностью освещения именно Гижигинского уезда, в то время как в 1923 г. он был на Камчатке лишь проездом, в ожидании парохода. В ходе этой остановки Арсеньев совершил восхождение на Авачинский вулкан, описанное в брошюре "В кратере вулкана" [1], что, разумеется, не имело большого значения для книги статистико-экономического и колонизационного характера.

Так или иначе, работа "Экспедиция на Камчатку в 1918 и 1922 годах" в силу разных причин так и не была завершена В.К. Арсеньевым, а её рукопись ныне утрачена.

Изученные документальные материалы позволяют считать Камчатскую экспедицию В.К. Арсеньева даже не продолжением работ экспедиции В.И. Рубинского, как её рассматривал сам Арсеньев, а, по существу, выполнением их заново. Причём, судя по предполагавшейся продолжительности экспедиции, – выполнением в более срочном порядке. Однако по странной игре случая ни В.И. Рубинский, ни В.К. Арсеньев не оставили после себя отчётов о своих камчатских колонизационных экспедициях. И если в случае с Рубинским достоверно известно, что он написал предварительный отчёт, но из-за занятости по службе не имел возможности основательно заняться обработкой своих материалов для написания полного отчёта, то вокруг отчёта В.К. Арсеньева до сих пор нет ясности. Невозможно даже уверенно сказать, был ли он написан. В последнем случае Камчатскую экспедицию В.К. Арсеньева без оговорок можно будет считать неудавшейся в плане результатов – никакой пользы для колонизации Камчатки она в таком случае не принесла. Однако до окончательного разрешения вопроса о существовании экспедиционного отчёта придётся воздержаться от оценок. Возможно, дальнейшие исследования позволят поставить точку в этом вопросе.

Литература

1. Арсеньев В.К. В кратере вулкана // Арсеньев, В.К. Полное собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2020. Т. 4, кн. 1. С. 361–382.
2. Арсеньев В.К. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири // Арсеньев, В.К. Полное собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2020. Т. 4, кн. 2. С. 507–528.
3. Бродянский Д.Л. В.К. Арсеньев – археолог-этнограф // Арсеньев, В.К. Труды по археологии притихоокеанской России / сост., ред., вступ. ст. Д.Л. Бродянского. Владивосток: Изд-во Дальневост. унта, 2010. С. 4–41.
4. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Москва: Гл. ред. вост. лит. изд-ва "Наука", 1985. 344 с. (Русские путешественники и востоковеды).
5. Троицкая Н.А. Несостоявшийся отчет Камчатской переселенческой экспедиции 1908–1909 гг. // Люди великого долга: материалы междунар. ист. XXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 252–255.

References

1. Arseniev V.K. In the crater of the volcano // Arseniev, V.K. Complete works: in 6 vol. Vladivostok: Rubezh, 2020. Vol. 4, book 1. P. 361–382. (In Russ.)
2. Arseniev V.K. Ice Age and the Primaeval Population of Eastern Siberia // Arseniev, V.K. Complete works: in 6 vol. Vladivostok: Rubezh, 2020. Vol. 4, book 2. P. 507–528. (In Russ.)
3. Brodyanskii D.L. V.K. Arseniev as an archaeologist // Arseniev, V.K. Proceedings on the archeology of Pacific Russia / comp., ed., entry art. D.L. Brodyanskii. Vladivostok: Publishing of FESU, 2010. P. 4–41. (In Russ.)
4. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arseniev. Moscow: "Nauka", 1985. 344 p. (Russian travelers and orientalists). (In Russ.)
5. Troitskaya N.A. Failed report of the Kamchatka resettlement expedition of 1908–1909. // People of great duty: materials of XXVI International Historical Krasheninnikov Readings. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009. P. 252–255. (In Russ.)

Информация об авторе

Никита Сергеевич Воробьев, аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: cantimagine@mail@gmail.com

Information about the author

Nikita S. Vorobyov, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: cantimagine@mail@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 14.07.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 947.084:2(571.64)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68>

Сельское население Приморского переселенческого района по переписям 1913–1915 гг.

Сергей Викторович Ткачев
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, sertk@mail.ru
Наталья Николаевна Ткачева
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, nataltk@mail.ru

Аннотация. В данной статье на основании статистических данных, подготовленных Переселенческим управлением Приморской области в 1913–1915 годах, дается анализ ситуации, сложившейся в регионе среди сельского населения. В частности, обосновывается выбор статистических источников, метод их обработки и дается ряд выводов. Особенностью данной статьи является то, что выводы делаются на основании обработки подготовленной базы статистических данных, а также совмещение ее с историческими картами региона, что позволило значительно расширить методологический потенциал за счет полноценного использования ГИС-анализа. В результате был осуществлен общий подсчет численности сельского населения области, его этнический состав, определен уровень полового дисбаланса в различных группах населения и др. Кроме того, удалось определить конкретные географические критерии, определявшие наиболее успешные локации для ведения сельского хозяйства в регионе

Ключевые слова: *Приморская область, сельское население, русские, китайцы, корейцы, коренное население, перепись, климат, почвы, рельеф*

Для цитирования: Ткачев С. В., Ткачева Н. Н. Сельское население Приморского переселенческого района по переписям 1913–1915 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 50–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68>

Rural population of the Primorsky Resettlement District according to the censuses of 1913–1915

Sergei V. Tkachev
Institute for Demographic Research, RAS, Moscow, Russia, sertk@mail.ru
Natalia N. Tkacheva
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, nataltk@mail.ru

Abstract. In this paper the situation of rural population in the region is analyzed on the basis of statistical data, prepared by the Resettlement Department of the Primorsky region in 1913–1915. In particular, the choice of statistical sources, the method of their processing and a number of conclusions are substantiated. The peculiarity of the article is that the conclusions are drawn on the basis of the prepared database of statistical data, as well as combining it with the historical maps of the region, which greatly enhances the methodological capacity through the full use of GIS analysis. As a result, a general calculation of the rural population of the region, its ethnic composition, the level of gender imbalance in different population groups, etc. has been carried out. In addition, it was possible to identify specific geographical criteria defining the most successful locations for farming in the region.

Key words: *Primorsky region, rural population, Russians, Chinese, Koreans, indigenous population, census, climate, soils, relief*

For citation: Tkachev S. V., Tkacheva N. N. Rural population of the Primorsky Resettlement District according to the censuses of 1913–1915 // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 50–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68>

Метод

Самая большая сложность в работе со статистическими историческими материалами – это выбрать те из них, которые в последующем, уже при их обработке, докажут свою достоверность. В противном случае, можно потратить очень много усилий и времени только для того, чтобы убедиться, что в работе находится фальшивка или недобросовестно подготовленный материал. Мы хотели найти такой статистический свод по истории Дальнего Востока в дореволюционный период, который отвечал бы двум критериям: носил бы обширный характер и был достоверным. Не случайно мы обратились к переписям. Они проводятся по строгой методике и охватывают крупные пласты населения. Вопрос был только в проверке достоверности.

Мы остановились на данных, подготовленных статистическим отделом Приморского переселенческого района в 1915 году [9]. К счастью, анализ полученной базы данных, составленный на основе этой переписи, показал ее достоверность (хотя из-за ее обширности пришлось исправлять очень много ошибок в подсчетах при суммировании, что не удивительно при ручной обработке данных, практиковавшейся в то время). В целом можно уверенно утверждать, что перепись сельского населения Приморского переселенческого района 1915 года была проведена на очень высоком уровне. На наш взгляд, она по своему качественному уровню лучше данных, собранных военными и гражданскими чинами для ежегодных отчетов генерал-губернатора Приморской области.

В этой переписи собраны данные о 1944 населенном пункте Приморской области, а именно:

- вид населенного пункта и его административное отношение к той или иной волости, уезду или станичному округу;
- этническое состояние жителей (русские, корейцы, китайцы, японцы, гиляки, гольды, орочи, тазы, тунгусы, якуты);
- их подданство (российские и иностранные подданные);
- отношение к местному обществу (приписные и посторонние);
- пол и семейный статус (одиначки);
- количество семей.

Данные сгруппированы в 52 столбца для большинства селений и в 44 столбца для инородческих стойбищ.

Для увеличения возможностей анализа были использованы данные Переселенческого управления за 1913 г. [13]. Здесь собраны данные о 1482 населенных пунктах Приморской области и частновладельческих отводах. По каждому селению дана следующая информация:

- название селения и принадлежность к той или иной волости, уезду или станичному округу;
- год образования участка и образования селения;
- количество на участке удобной (пашня, луг, сухая или сырая степь, лес) и неудобной (болота, каменистые места и прочее) земли;
- наличие и количество церковно-причтовой и школьной земли;
- норма надела, количество долей земли, и количество уже занятых долей;
- расстояния до волостных и уездных центров, врачебных пунктов, церквей, школ, станций, а также замечания об участке.

Данные сгруппированы в 32 столбца.

С целью уточнения некоторых данных (даты образования поселений, условия, причины переселения, выбор места поселения, этнический и социальный состав переселенцев и т.д.) использовались следующие источники: [2; 7; 8; 10; 12].

Наконец, мы уточнили некоторые положения из вышеперечисленных источников, а также ввели новые расчетные данные. В итоге получилась таблица, состоящая из 1944 строк и 135 столбцов.

Полученный материал оказался настолько полным, что мы решились создать на его основе обширную гео-статистическую базу данных.

Критика источников. Источники достоверны. Проверка осуществлялась через построение распределений Гаусса по нескольким характеристикам. В целом в данных нет каких-либо значимых противоречий историческим фактам и логических нарушений.

Недостатки источников.

Переписи не одновременны. Между ними промежуток 2,5 года, что критично для подсчета коренного населения.

- Переписи подворные, но карточки на каждую семью заполняли в аппарате крестьянских начальников. При этом данные по Уссурийскому казачьему войску просто были переданы Переселенческому управлению от войскового начальства. И эти данные были собраны на полгода раньше, а именно – зимой, когда численность, например, китайского населения могла снизиться на порядок. При этом "в казачьем населении желтые не выделены и при подсчетах внесены в группу постороннего русского населения".

• Ошибки в подсчетах и опечатки, которые, впрочем, были исправлены, так как переписи содержат избыточные данные.

- Сложности с идентификацией ряда населенных пунктов, особенно со стойбищами инородцев на Сахалине.
- Инородцев определяли в ту или иную племенную группу на основании мнения местного русского населения.
- Не уточняется этнический состав "русского" населения.

После математической проверки достоверности данных и их статистического анализа мы приступили к пространственному анализу. Из 1944 населенных пунктов мы оставили для этой цели только 831. Это было связано с тем, что нам не удалось точно локализовать расположение мелких населенных пунктов (хуторов, заимок, отдельных фанз, сторожевых будок, казарм и т.д.), а также ряд стойбищ (на имевшихся в нашем распоряжении картах часто было просто обозначено "стойб.", "гольд." и т.п. без названия). Впрочем, на результаты это повлияло незначительно.

Для привязки статистических данных к конкретным населенным пунктам и дальнейшей пространственной обработки данных мы использовали следующие картографические источники: [3; 4; 5; 6; 14; 15; 16; 17; 21], OpenStreetMap, Google Satellite, Google Road, Bing Aerial, opentopomap.ru. Для ГИС-анализа использовалась платформа QGIS версии 3.20.3 – Odense.

Некоторые результаты нашего анализа выглядят следующим образом.

Результаты статистического анализа

Мы уточнили общую численность населения Приморской области в 1915 году, исправив все ошибки в данных переписи. Всего в этом регионе проживало 523 208 человек (без войск).

Интересно сравнить эту численность населения с современной. В исследуемое время Приморская область включала в себя территорию современного Приморского края, Хабаровский край, часть Еврейской автономной области и Северный Сахалин. Если оставить только Приморье и Хабаровский край, то на этой территории в 1915 году проживало 511 251 чел., а без иностранных подданных – 430 407 чел.; на 1 января 2022 года это число увеличилось до 3 161 989 чел. [11]. То есть российское население в регионе увеличилось в 7,35 раза (при этом общее население России за этот же период увеличилось всего примерно на 5% - только Европейская часть и Сибирь) [11]. Регион показывал более положительную динамику роста численности населения, чем в общем по стране. Характерно, что эта динамика не отстает и в сравнении с соседними зарубежными регионами, переживавшими колонизационные процессы одновременно с российской Приморской областью. Так, на Хоккайдо с 1920 по 2022 гг. население увеличилось примерно с 2,359 до 5,229 млн. чел. [20] (то есть в 2,2 раза). В приграничных китайских провинциях (Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин) [18] население с 1912 по 2020 гг. увеличилось с 19,742 до 109,090 млн. чел. [19] (то есть примерно в 5,5 раза). При этом нужно отметить, что все эти три региона сегодня переживают депопуляцию. Отсюда следует, что

Таблица 1. Этнический состав населения по данным Переписи 1915 г.
Table 1. Ethnic composition of the population according to the 1915 Census

	Этническая Принадлежность	Мужчин	Женщин	Итого	Доля в составе сельского населения (%)	Доля в составе городского населения (%)
1	2	3	4	5	6	7
Сельское население	Русские	160842	145003	305845	82	69,9
	Корейцы	24130	19760	43890	11,8	6,1
	Китайцы	9477	1196	10673	2,8	20
	Японцы	25	31	56	0	1,9
	н/у	10	9	19	0	0
	Коренные народы	6849	5861	12710	3,4	2,1

1	2	3	4	5	6	7
Сельское население	Гиляки	3380	2827	6207	1,7	
	Гольды	2267	2063	4330	1,2	
	Орочи	711	608	1319	0,3	
	Тазы	291	201	492	0,1	
	Тунгусы	142	119	261	0,1	
	Якуты	36	18	54	0	
	н/у	22	25	47	0	
	Всего	201333	171860	373193	100	
Владивосток	Русские				57	
	Корейцы				10	
	Китайцы				29	
	Японцы				3	
	Коренные народы				1	
	Всего	42663	23065	65728	100	
Хабаровск	Русские				84	
	Корейцы				2	
	Китайцы				13	
	Японцы				1	
	Коренные народы				0	
	Всего	35365	18147	53512	100	
Никольск-Усс.	Русские				73	
	Корейцы				5	
	Китайцы				13	
	Японцы				1	
	Коренные народы				8	
	Всего	18867	11162	30029	100	
Городское население	Русские				69,9	
	Корейцы				6,1	
	Китайцы				20	
	Японцы				1,9	
	Коренные народы				2,1	
	Всего	96895	52374	149269	100	
ИТОГО		298228	224234	522462	100	

Источник: [9].

Source: [9].

крайне актуально выглядит перспектива изучения исторической демографии российского Дальнего Востока, Хоккайдо и Маньчжурии в комплексе.

Этнический состав

Вне городов Приморской области в 1915 году по данным рассмотренной Переписи проживало 305 845 русских (используемые переписи не выделяли собственно русских, малорусов, белорусов, бессарабцев, финнов, латышей и т.п. этнических групп, участвовавших в сельскохозяйственном освоении области, – все они учитывались, как "русские"); 44 666 корейцев, 10 674 китайца, 56 японца и 12 710 коренных жителя.

Русские

В 1170 поселениях живет хотя бы 1 русский; 668 поселений со 100% русским населением. Самое большое поселение со 100% русским населением – Александровка Зеньковской волости – 1817 чел. Больше всего русских живет в Черниговке – 3167 чел. (94% населения).

Корейцы

В 753 поселениях живет хотя бы 1 кореец; 332 поселений со 100% корейским населением. Самое большое поселение со 100% корейским населением – с. Благословенное Бирского участка – 1763 чел.

Китайцы

В 424 поселениях живет хотя бы 1 китаец; 88 поселений со 100% китайским населением. Самое большое поселение со 100% китайским населением – заимка М. Пашкеева в Цемухинской вол. – 78 чел.

Больше всего китайцев живет в Спасской слободке – 887 чел. (33% населения).

Коренное население

На основании данных Переписей 1913 и 1915 гг. мы можем сделать не совсем ожидаемый для местной географии вывод: чем дальше на север, тем коренное население становится все многочисленнее; с мигрантами же из Российской империи, Китая, Кореи ситуация обратная и вполне понятная: в целом можно сказать, что с продвижением на север их становится все меньше. Соответственно, больше всего мигрантов именно на юге – в Южно-Уссурийском крае – здесь ближе и Китай, и Корея, а климат, ландшафт и почвы благоприятствуют ведению сельского хозяйства и в значительной степени схожи с условиями Центральной России.

В 324 поселениях проживал хотя бы 1 представитель аборигенов; 262 поселения со 100% коренным населением. Самое большое инородческое поселение – Тортон (Троицкая вол.) – 263 чел.

Больше всего инородцев (тазов) проживало в с. Америка Сучанской волости – 278 чел. (38% населения).

Земельные доли

Размер земельной доли в русских старожильческих поселениях колеблется от 142 дес. (Пеняжино) до 6 дес. (Самарка). В целом же в чисто русских поселениях (100% русское население) до 1899 года выдерживалась высшая мера наделения землей – 100 дес. на семью. Но с 1900 г. наделы уже нарезали из расчета до 15 дес. на мужскую душу.

Вопрос: какой была бы подушевая норма в старожильческих, 100% русских поселениях в новых условиях? Было ли основание для недовольства новоселов неравенством в перераспределении земли по сравнению со старожилками? Определенно, да. Если перевести размер семейных долей в подушевые, то получаем следующие значения (расчет производился по 100% этнически однородным поселениям).

Семья

Среди русских вообще (как и среди корейцев) средняя семья состоит из 5,9 чел. Примерно та же ситуация среди инородцев – 5,8 чел. в семье.

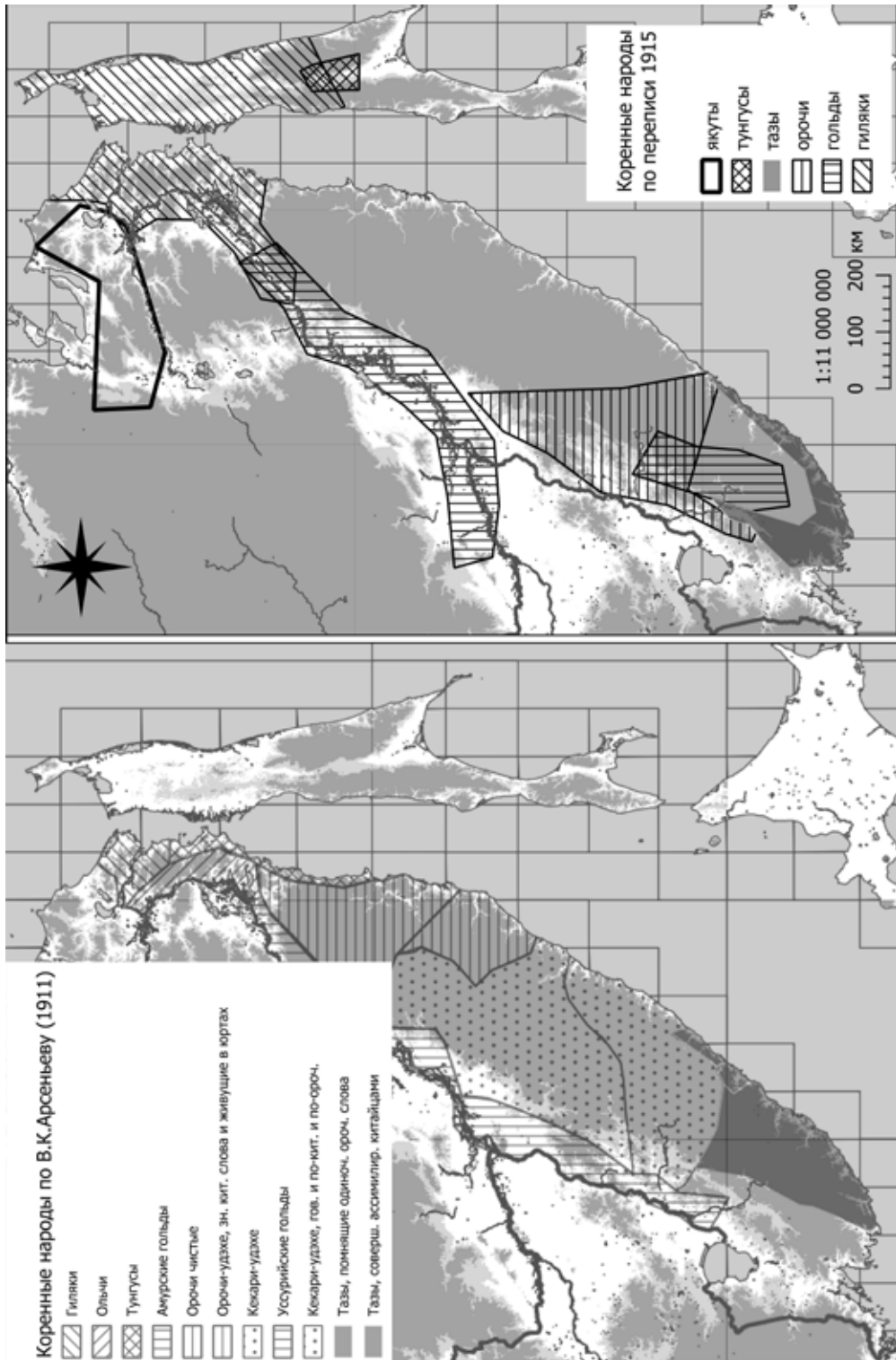

Рис. 1. Распространение коренного населения Приморской области.

Fig. 1. Distribution of the indigenous population of the Primorsky region.

Источник: по данным В.К.Арсеньева [1] (слева) и согласно [10] (справа; подготовлено авторами).

Source: according to V.K. Arseniev [1] (left) and according to [10] (right; prepared by the authors).

Таблица 2. Размер земельных долей
Table 2. Size of land shares

	min	max	среднее
Русские крестьяне-старожилы	11 десятин на мужскую душу (с. Александровка Зеньковской вол.)	133 десятины на мужскую душу (д. Малышевская Троицкой вол.)	30 десятин на мужскую душу
Русские крестьяне-новосёлы	до 15 десятин на мужскую душу		
Приписные корейцы русские подданные	2 десятины на мужскую душу	78 десятин на мужскую душу	12 десятин на мужскую душу
Казаки	11 десятин на мужскую душу (ст. Марковская)	338 десятин на мужскую душу (ст. Колубакинская)	77 десятин на мужскую душу

Источник: [13].

Source: [13].

У казаков Уссурийского войска семьи больше – в среднем 7,4 чел. Можно предположить, что в этой социальной группе не было стимулов к разделению большой семьи. Среди крестьян такой стимул был – новая семья получала 100 десятинный надел (до 1900 г.). Станичники же имели большой неразделенный земельный фонд (например, пастбища), которым пользовались сообща даже несколькими станицами, а семейные участки и так были весьма значительны, став в целом еще больше при переходе на расчеты по 15 десятин на мужскую душу с 1900 года.

Для китайцев, среди которых определено лишь 174 семьи на 10674 человек, состав семьи определять бессмысленно.

В целом заметно, что самые большие (и самые маленькие) семьи располагаются на хуторах и заимках. То есть здесь мы видим две крайности: либо большая семья считает себя вполне самодостаточной и не хочет ограничивать себя величиной надела, что неизбежно при проживании в деревенской общине, либо семейная пара (как правило; реже – два брата) по какой-либо причине принимают решение жить вдали от других поселений. Стоит также отметить, что наиболее крупные семьи по переписи 1915 года наблюдались среди корейцев (как приписных, так и иностранцев). Ниже – 5 самых многочисленных:

- 1) Заимка Худякова (Раздольненская волость) – 19 мужчин и 30 женщин (все корейцы-иностранцы);
- 2) Заимка Злобина (Раздольненская волость) – 18 мужчин и 11 женщин (все корейцы-иностранцы);
- 3) Хутор при деревне Глебово (Лермонтовская волость) – 15 мужчин и 9 женщин (все – русские приписные)
- 4) Хутор Канада (Пермская волость) – 12 мужчин и 11 женщин (все – русские приписные);
- 5) Заимка братьев Паниных (Раздольненская волость) – 15 мужчин и 7 женщин (все корейцы-иностранцы).

Здесь, конечно, обращают на себя внимание 1, 2 и 5 случаи заимок русских владельцев, расположенных рядом друг с другом и заселенных корейцами-иностранцами. По-видимому, здесь имело место сознательное введение в заблуждение переписчика, правда, с трудно объяснимой целью. 3 и 4 случая, вероятно, относятся к староверам и фиксируют большие неразделенные семьи.

На *рис. 2* можно заметить, что наибольшие колебания в размере семьи отмечаются в небольших по численности поселениях. С их ростом состав семьи в целом стабилизируется. При этом величина поселения в значительной степени зависит от его возраста. Ниже на *рис. 2* мы видим рост семьи в поселениях, существующих до 25 лет, затем происходит стабилизация состава семьи. Драматичное сокращение численности семьи наблюдается на самых

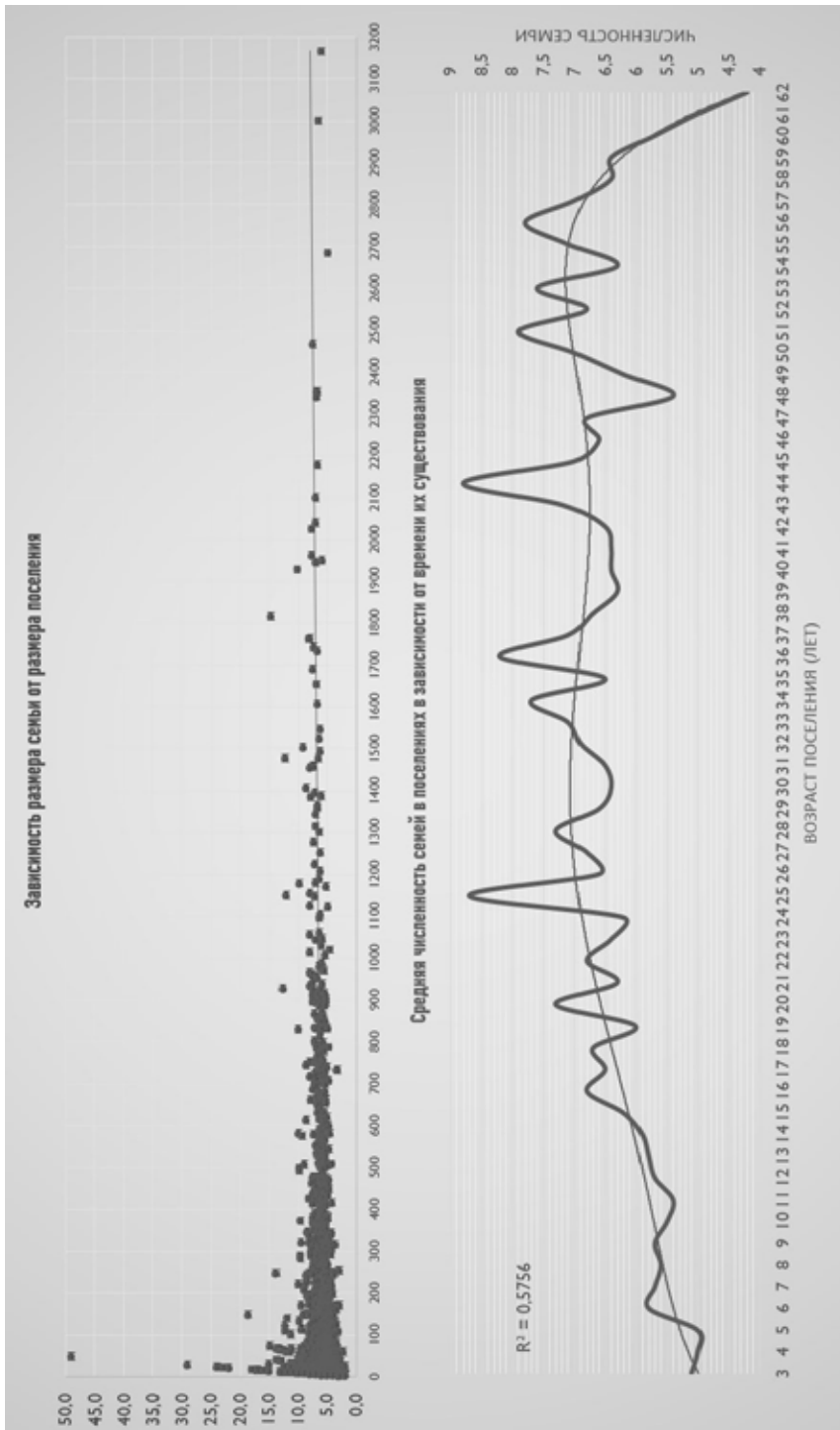

Рис. 2. Зависимость размера семьи от размера поселения (верх). Средняя численность семей в поселениях в зависимости от времени их существования (низ).

Fig. 2. Relationship between family size and settlement size (top). The average number of families in settlements depending on the time of their existence (bottom).

Источник: [9].

Source: [9].

старых поселениях, однако этому явлению есть вполне рядовое объяснение – самые старые крестьянские поселения Приморской области находятся по Амуру, и были образованы еще до вхождения в состав России Южно-Уссурийского края. В связи с трудными условиями ведения традиционного сельского хозяйства в этих районах уже к 1915 году наблюдалась депопуляция.

Половой дисбаланс

Обычное явление для колонизируемых областей это – половой дисбаланс. При этом заметна тенденция: чем больше поселение, тем наблюдается больший дефицит женщин. В целом, в поселениях численностью до 600 человек женщин больше, чем мужчин, но с ростом поселения ситуация постепенно меняется. (Можно только отметить в качестве исключения села Павловка и Новожастьково Григорьевской волости (384 мужчин на 449 женщин и 671 мужчин на 688 женщин соответственно)¹). По-видимому, это связано с тем, что с укрупнением населенного пункта появляется значительное число мужчин-одиночек, специализирующихся в деятельности, не касавшейся напрямую сельского хозяйства, а потому не требующих категорично создания семьи. Подтверждает эту идею ситуация в городах, где половой дисбаланс был максимальным (см. табл. 3).

В целом по Приморской области наблюдается превышение числа мужчин над женщинами – 752 женщины на 1000 мужчин. В разных группах населения этот дисбаланс существенно отличается. На каких основаниях он формировался?

Крестьяне-переселенцы из Европейской России переезжали семьями, и примерно были сбалансированы в половом отношении. Такая ситуация прослеживается по спискам переселившихся в край морским путем в 1883 году. Но постепенно ситуация несколько ухудшается. По данным на 1915 год в сельских поселениях примерно 9 женщин на 10 мужчин.

- Семьи корейских переселенцев также сбалансированы. Обращает на себя внимание факт, что в поселениях с преобладающим числом корейцев количество женщин значительно выше среднего.

- Несмотря на принятое в отечественной историографии мнение, согласно рассматриваемым переписям среди коренного населения значительного полового дисбаланса не было, во всяком случае, он не сильно отличался от ситуации в условно "русской" общине. И, кстати, обращает на себя внимание крайне незначительная численность мужчин-одиночек среди аборигенов, что противоречит, например, информации В.К. Арсеньева, который в недостатке женщин у орочей видел главную причину их быстрого вымирания (**Арсеньев В.К. Путевой дневник № 2, сентябрь 1906. АОИАК. Ф. 14, Оп. 1, Д. 2, Л. 26**)².

- В крае оставалось значительное число окончивших службу младших чинов, а также отбывших каторгу на Сахалине. Это были в подавляющем большинстве мужчины.

- Женщин среди китайцев было ничтожное количество.

- Уже в начале XX века в крае был значительный контингент приезжающих на временные работы и службу (чиновники, строительство, рыбный промысел и т.д.).

Результаты пространственного анализа

В результате проведения пространственного анализа мы обнаружили ряд интересных закономерностей расселения крестьян по территории Приморской области.

Во-первых, мы отмечаем, что этот регион для исследуемого периода в экономическом отношении может быть разделен на как минимум три зоны (рис. 3.):

¹ В целом по Приморской области, если рассматривать половой дисбаланс не среди всего населения, а только среди семейных (тем самым исключив мужчин-одиночек, часто временных жителей региона), что более показательнее, то мы обнаружим, что только в 12% всех поселений число женщин преобладает над числом мужчин.

² АОИАК – архив Общества изучения Амурского края

Таблица 3. Половой состав населения Приморской области по этническим группам
Table 3. Sex composition of the population of the Primorsky region by ethnic groups

	Одиночек	Семей	Муж	Жен	Всего	Человек в семье	Женщин на 1000 мужчин
Гиляки	72	1222	3380	2827	6207	5	836
Гольды	25	618	2267	2063	4330	7	910
Орочи	7	203	711	608	1319	6,5	855
Тазы	37	97	291	201	492	4,7	691
Тунгусы	7	45	142	119	261	5,6	838
Якуты	6	12	36	18	54	4	500
Коренное население в целом	154	2197	6827	5836	12663	5,7	855
Русские	3279	48852	160842	145003	305845	6,2	902
русское население	100% русские поселения						972
	преобладающие русские						950
	корейско-русские поселения						1121
	казацкие						909
	города						755
корейское население	100% корейские поселения						991
	преобладающие корейцы						934
	русско-корейские поселения						815
	города						463
коренное население	поселения со 100% коренным населением					6,3	908
	с преобладающим коренным населением (более 50%)					5,4	842
	с преобладающим русским населением (более 50%)					5,3	726
	с преобладающим корейским населением (более 50%)					4,6	1007
	города						528
китайцы	сельские районы						618
	города						55

Источник: [9].

Source: [9].

1. Южно-Уссурийский край (российская территория к югу от линии ст. Буссе на Уссури – пост Св. Ольги на побережье Японского моря) с правобережьем р. Уссури до Хабаровска (включая нижн. течения рр. Иман и Хор) (341 111 чел.)³.

2. Среднее течение Амура с Тунгусской волостью и Бирским участком до устья (в основном правый берег) (25 481 чел.).

3. Северный Сахалин (7 347 чел.).

Расселение крестьянства в первую очередь определялось внешними условиями и потребностями рынка.

³ Все подсчеты проведены авторами по [9].

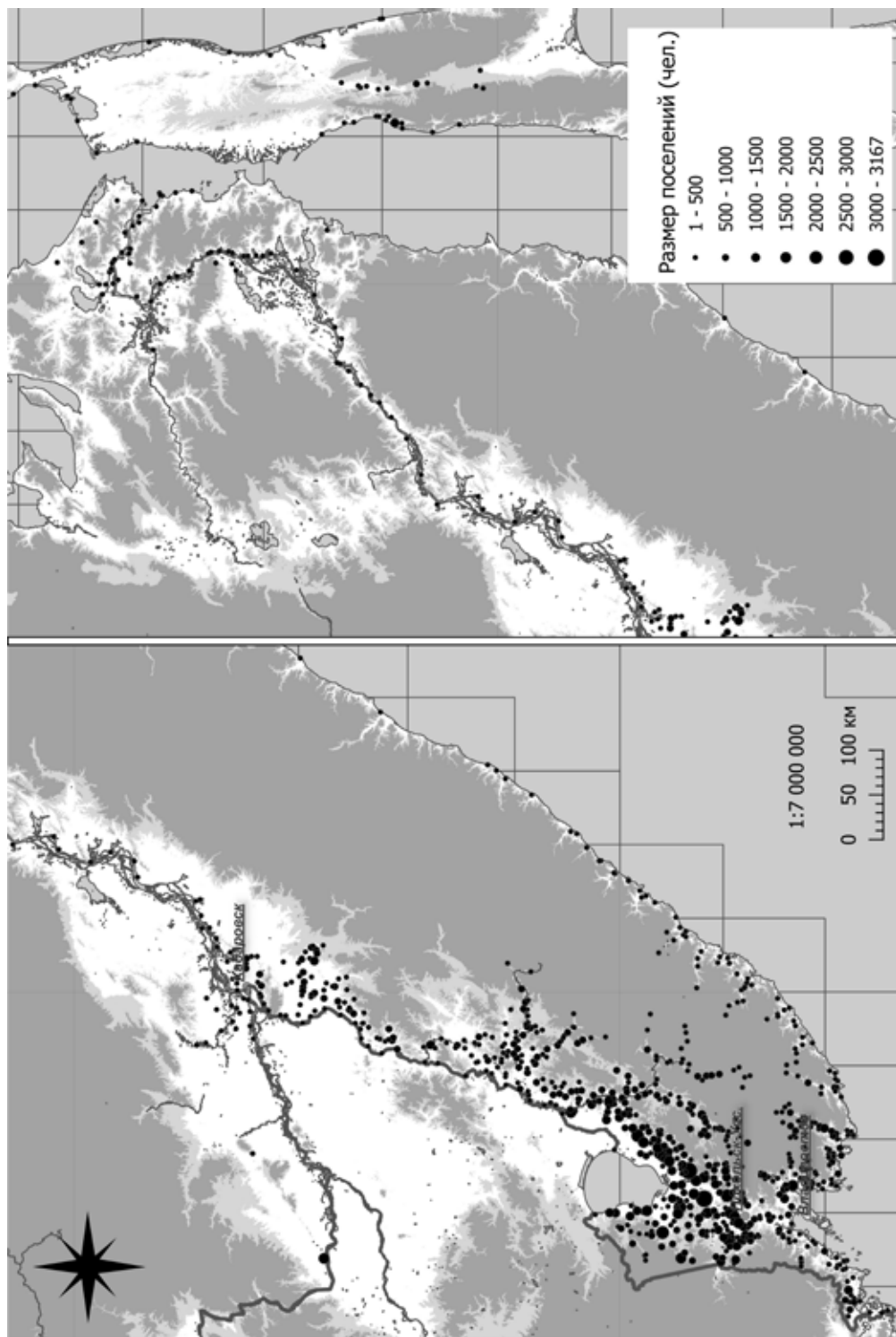

Рис. 3. Размеры сельских поселений Приморской области.

Fig. 3. The size of rural settlements in the Primorsky region.

Источник: [9].

Source: [9].

Таблица 4. Физико-географические условия для формирования успешных сельскохозяйственных поселений в досоветский период в Южно-Уссурийском крае
 Table 4. Physical and geographical conditions for the formation of successful agricultural settlements in the pre-Soviet period in the South Ussuri Territory

Критерий	Количество поселений	% от числа всех поселений	Проживает на этой территории (чел.)	% от численности населения	%%
Высота над ур. моря					
до 100 м	288	62,3	168 087	70,5	95,5
100-200 м	133	28,8	59 623	25	
выше 200 м	41	8,9	10 593	4,5	
Ср. t августа					
выше 20°C	431	93,3	232 925	97,7	97,7
ниже 20°C	31	6,7	5 378	2,3	
Осадки в августе (мм)					
110-120	202	43,7	148 020	62,1	93,8
120-130	206	44,6	75 478	31,7	
130-140	28	6,1	6 836	2,9	
больше 140	26	5,6	7 969	3,3	
Тип почв*					
98	41	8,9	14 172	5,9	89,6
175	56	12,1	45 126	18,9	
52	67	14,5	33 327	14	
53	101	21,9	69 483	29,2	
188	108	23,4	51 514	21,6	
другое	81	17,5	21 954	10,4	

*Типы почв:

52 - Дерново-палево-подзолистые и подзолисто-буроземные

53 - Дерново-палево-подзолистые и подзолисто-буроземные глубокоглееватые и глеевые

98 - Бурые лесные слабонасыщенные (буроземы слабонасыщенные)

175 - Луговые дифференцированные (в том числе осолоделые)

188 - Пойменные слабокислые и нейтральные

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Первая зона была наиболее заселена, имела выраженную земледельческую направленность в качестве основы экономического хозяйствования (при этом практиковался широкий спектр промысловой деятельности, транспортные услуги, временная работа в городах и в строительных проектах).

Во второй зоне земледелие встречалось в основном в виде огородничества и имело ограниченный характер с ориентацией на хабаровский рынок. Как правило, негородское население занималось лесозаготовками для нужд армии, Хабаровска и Амурского пароходства, сезонной охотой и рыболовством.

На Сахалине практически господствовали местные традиционные промыслы, охота и рыболовство.

Для нас было наиболее интересно исследовать расселение крестьян, поэтому наибольшее внимание мы уделили первой зоне, и более конкретно – Южно-Уссурийскому краю (238 303 чел.).

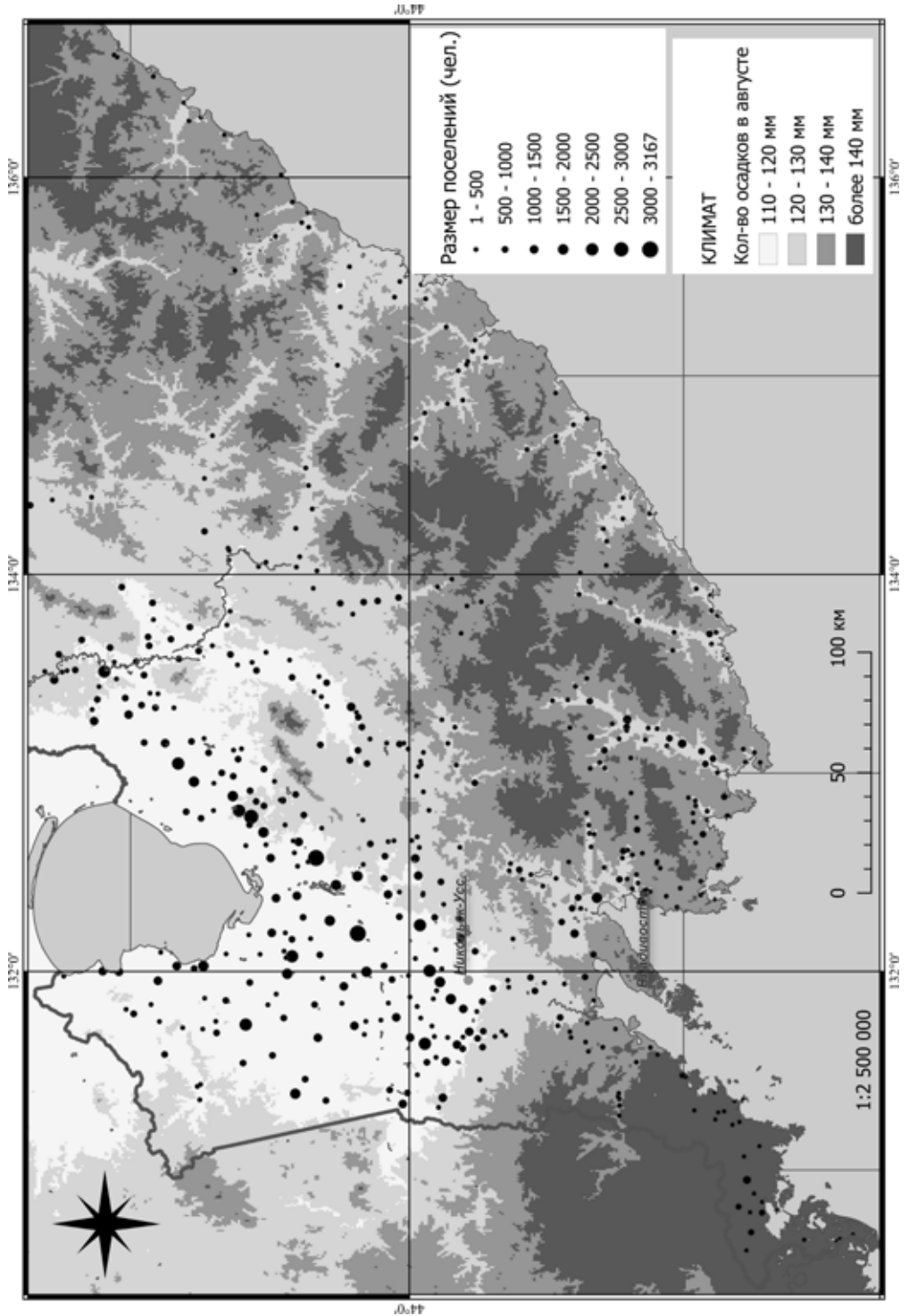

Рис. 4. Среднее количество осадков в августе в Южно-Уссурийском крае.

Fig. 4. Average rainfall in August in the South Ussuri Territory.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

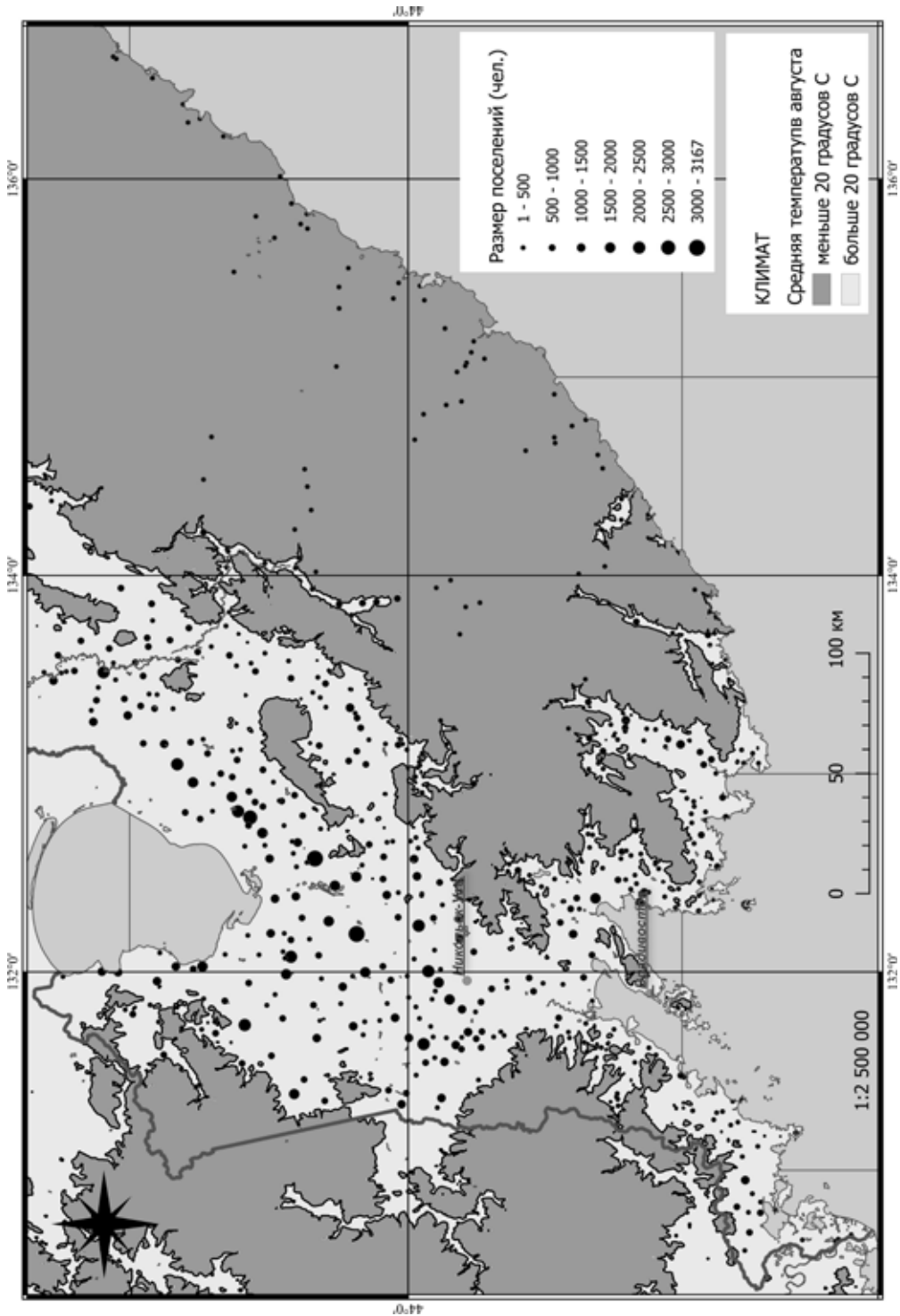

Рис. 5. Средняя температура воздуха в августе в Южно-Уссурийском крае.
 Fig. 5. The average air temperature in August in the South Ussuri Territory.
 Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

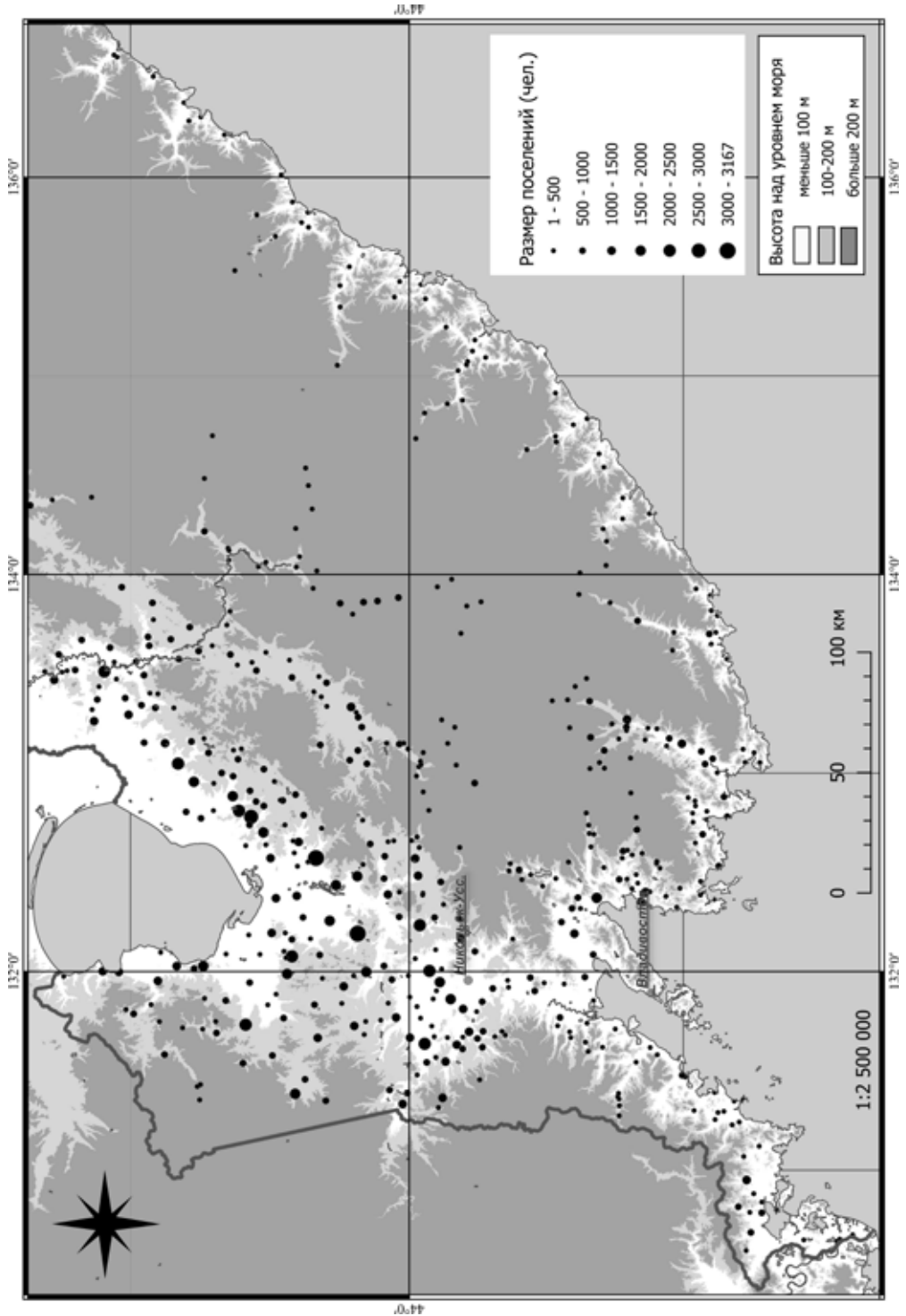

Рис. 6. Распределение сельских поселений в зависимости от высоты над уровнем моря на 1915 г.
Fig. 6. Distribution of rural settlements depending on the height above sea level in 1915.

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

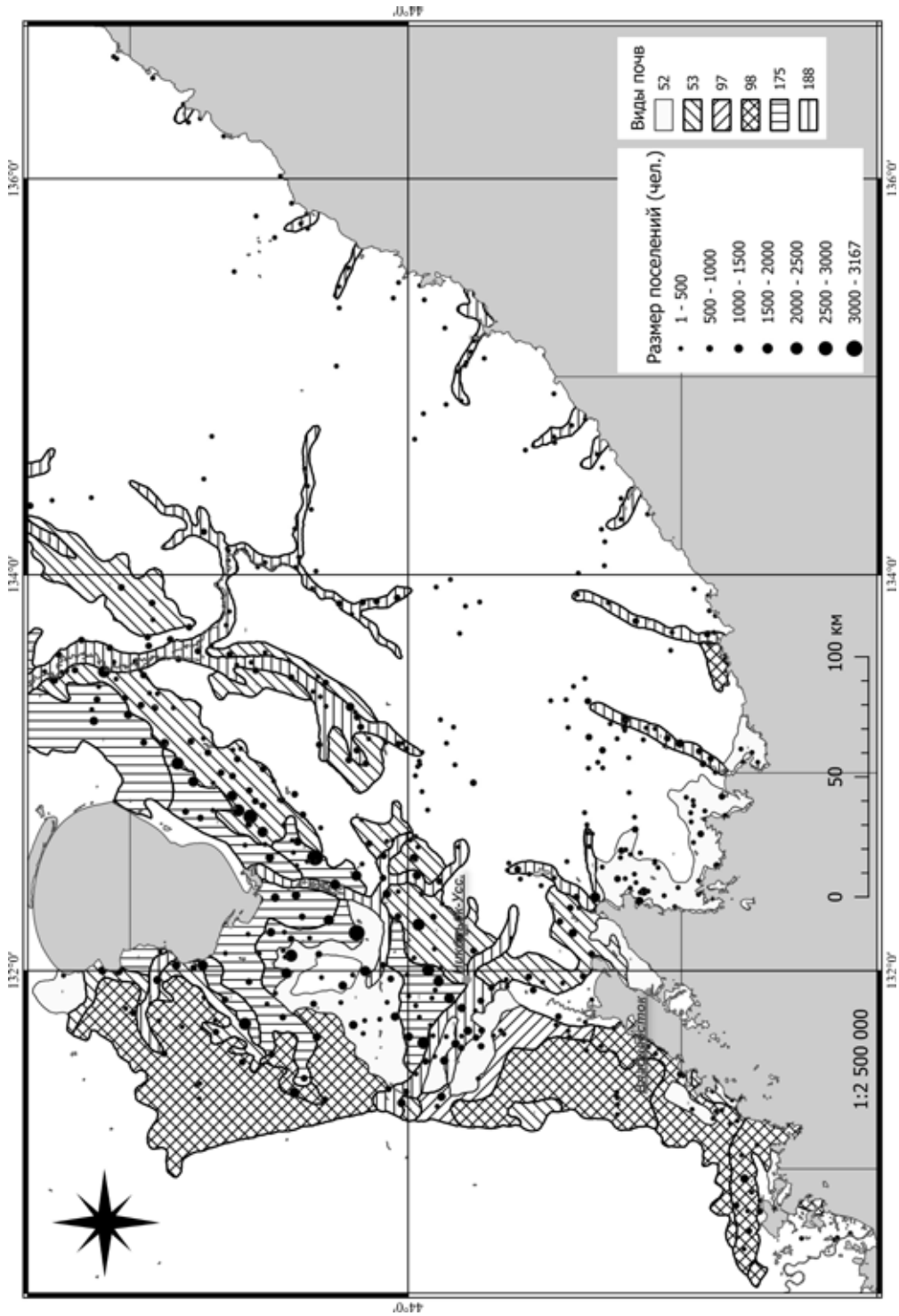

Рис. 7. Наиболее эксплуатируемые в сельском хозяйстве виды почв Южно-Уссурийского края на 1915 г.
 Fig. 7. The most exploited in agriculture types of soils in the South Ussuri Territory in 1915.

Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

Используя усредненные климатические, гипсометрические и почвенные данные, мы выяснили, что подавляющее большинство населенных пунктов (кроме "транзитных", то есть расположенных на путях сообщений, на перевалах) соответствуют территориям, расположенным (*см. табл. 4.*):

- на высоте ниже 200 м над уровнем моря;
- со средней температурой августа (самый теплый месяц) выше 20°C;
- с количеством осадков в августе менее 130 мм;
- на 5 видах почв (из 306, определяемых на российской территории).

Некоторые из этих аргументов легко объяснимы. Так, например, для Южно-Уссурийского края критически важное значение играли (и играют сейчас) наводнения, вызванные тайфунами (их наибольшая интенсивность приходится на август-сентябрь). Особенно в период сбора урожая. Поэтому так важно низкое значение осадков: чем ниже это значение для августа, тем лучше. Исключением является самый юг Южно-Уссурийского края т.н. Посьетский район, заселенный практически полностью корейцами. Все попытки Переселенческого управления привлечь в этот район русских крестьян оказались безуспешными.

На расселение не влияли температуры воздуха зимой, но границы распределения успешных сельских поселений сильно коррелируют с величиной летней температуры, особенно в июле и августе: чем она выше, тем больше поселений и их население. Корреляция здесь существенно заметна по изотерме 20°C.

Зависимость от рельефа объяснить трудно – мы были удивлены фактом, что успешные сельские поселения располагаются до 200 м над уровнем моря. Это очень несущественная величина, и разница, например, с участком на высоте 300 м в температуре, почвах и величине осадков минимальна. Однако факт остается фактом – крестьяне предпочитали селиться как можно ниже.

Большинство поселений располагается на видах почв, представленных на *рис. 7*. Показательно, что поселения вне зон распространения этих почв, очень немногочисленны. Стоит отметить, что из этих наиболее используемых крестьянами почв к северу, в среднем течение Амура, обнаруживаются лишь три – 53, 98 и 175.

Выводы

Очень важным техническим моментом переселения крестьян на юг Дальнего Востока был его свободный характер. Дело даже не в том, что люди мигрировали, исходя только из собственного желания и своих представлений о своем новом – лучшем – месте для жизни. Нам более важно, что люди достаточно свободно выбирали это самое место. Конечно, эта свобода имела свои ограничения. Как правило, предлагался выбор из уже нарезанных участков в различных частях области, но отдельная семья или община могли и самостоятельно найти новое место или переселиться на новое. Это отчасти подтверждается значительным числом заимок и хуторов на этой территории. Вполне можно сказать, что крестьяне сами выбирали ландшафты, на их взгляд, наиболее подходящие для традиционного для них вида деятельности. Есть исторические примеры, когда крестьяне иногда ошибались с выбором места, но в основном прежний опыт оказывался здесь чрезвычайно полезен. И здесь стоит отметить недооцененную в современной исторической науке роль ходяков, определявших место для будущего поселения, и для себя, и для своей общины. Как определялось это место, практически неизвестно. Есть только упоминание у В.К. Арсеньева, что качество почвы оценивалось по наличию на участке зарослей полыни. Однако логистика переселения на Дальний Восток требовала приезда переселенцев ранней весной, когда оценить продуктивность ландшафта по таким признакам было затруднительно. Тем не менее повторим, ошибки здесь были нечасты.

Для нас же здесь важно то, что несмотря на многие тысячи километров, разделяющих родину переселенца от его новой среды обитания, он может найти нечто общее в этих ландшафтах, может использовать прежние навыки на новом месте и успешно адаптируется. Эти знания вполне могут быть использованы в проведении современных проектов организованных миграций.

Литература

1. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. : [Текст и] прил. / В.К. Арсеньев. Хабаровск : тип. Штаба Приамур. воен. окр., 1912. 335 с.
2. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах / Ф.Ф. Буссе. - Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1896. [4], IV, 166, 57 с.
3. Карта местностей, тяготеющих к Амурской железной дороге. Сост. Э.Э. Анерт, 1913.
4. Карта Приморской области. Сост. А.Г.Пеетс, 1920
5. Future climate, 2.5 minutes spatial resolution. Climate 2.5' reduced monthly data from CMIP6 for GCM BCC-CSM2-MR scenario SSP 370 for the period 2021–2040 // WorldClimе. URL: https://www.worldclim.org/data/cmip6/cmip6_clim2.5m.html (дата обращения: 31.03.2022 г.)
6. Historical climate data. WorldClim version 2.1 climate data 30 seconds maps for 1970–2000 // WorldClimе // WorldClimе. URL: <https://www.worldclim.org/data/worldclim21.html> (дата обращения: 31.03.2022 г.)
7. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области / Сост. А. Меньщиков; Под ред. А.А. Татищева. Т. 1-; Переселенч. упр. Г.У.З. и З. Саратов : Губ. правл., 1911–1917. Старожилы-стодесятильники : Таблицы. 1911. [2], II, LVI, 553 с.
8. Меньщиков А.А. Опыт исследования экономического положения новоселов 1906, 1907 и 1908 гг., в Приморской области, по данным подворно-статистического обследования в декабре 1908 и январе 1909 годов / Под ред. М.Н. Савинского. Владивосток: Примор. обл. стат. ком., 1909 (обл. 1910). X, 100 с.
9. Населенные и жилые места Приморского района : Крестьяне. Инородцы. Желтые : Перепись населения 1–20 июня 1915 г. М-во земледелия. Примор. переселенч. район. Стат. отд. – Владивосток : тип. Примор. обл. правл., 1915. XVI, 136 с.
10. Обзор Приморской области за 1914 год - Владивосток : тип. Приморского обл. правл., - 1916. [1], III, 106, [83] с.
11. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_Comp2022_Site.xls (дата обращения: 31.03.2022 г.)
12. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью : Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 2. Иркутск : тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. 3. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 году. - Иркутск, 1884. 434 с.
13. Справочная книга о земельных отводах в Приморском переселенческом районе : Сост. к 1 янв. 1913 г. Владивосток: Примор. переселенч. р-н, 1913. [6], 640, XVI с.
14. Схематическая карта Иманского уезда Приморской области. Издание переселенческого управления, 1917.
15. Схематическая карта Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. Издание переселенческого управления, 1917.
16. Схематическая карта Ольгинского уезда Приморской области. Издание переселенческого управления, 1917.
17. Цифровая почвенная карта РФ масштаба 1:2500000 (Фридланд, 1988) в формате ESRI-share из Единого государственного реестра почвенных ресурсов России // Московский государственный университет им. Ломоносова. URL: <http://egrpr.soil.msu.ru/download.php> (дата обращения: 31.03.2022 г.)
18. Asian Historical Statistics Project // Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. URL: <https://www.ier.hit-u.ac.jp/COE/Japanese/discussionpapers/DP97.9/fhyo2.html> (дата обращения: 31.03.2022 г.)
19. China Statistical Yearbook 2021 // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexeh.htm> (дата обращения: 31.03.2022 г.)
20. Japan Statistical Yearbook 2022. Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan. 2022. 758 p.
21. Resampled SRTM data. Spatial resolution approximately 30 meter on the line of the equator. Consortium for Spatial Information // CGIAR-CSI). URL: <https://srtm.csi.cgiar.org/srtmdata/> (дата обращения: 31.03.2022 г.).

References

1. Arseniev V.K. A brief military-geographical and military-statistical sketch of the Ussuri Krai 1901–1911. Khabarovsk, Printing House of the Priamur Military District Staff, 1912. 335 p. (In Russ.)
2. Busse F.F. Resettlement of peasants by sea to the South-Ussuriysk territory in 1883–1893. St. Petersburg, 1896. 57 p. (In Russ.)
3. Map of localities adjoining the Amur railway. Compiled by. E. E. Anert, 1913.

4. Map of Primorskaya region. Compiled by. A. G. Peets, 1920.
5. Future climate, 2.5 minutes spatial resolution. Climate 2.5' reduced monthly data from CMIP6 for GCM BCC-CSM2-MR scenario SSP 370 for the period 2021–2040 // WorldClim. URL: https://www.worldclim.org/data/cmip6/cmip6_clim2.5m.html (accessed 31.03.2022).
6. Historical climate data. WorldClim version 2.1 climate data 30 seconds maps for 1970–2000// WorldClim. URL: <https://www.worldclim.org/data/worldclim21.html> (accessed 31.03.2022).
7. Materials on survey of farms in Primorsky Region. Starozhilnye stozhitniki (Ed. by A.A. Tatishchev), - The publication of the Resettlement Department of the Main Directorate of Land Management and Agriculture. In 4 vols. Saratov, 1911. (In Russ.)
8. Menshchikov A. Experience in research of economic condition of new settlers in 1906, 1907 and 1908 in the Primorsky region from the data of house-hold statistical survey in December 1908 - January 1909. - Edition of the Primorsky Regional Statistical Committee, Vladivostok, 1910. 351 p. (In Russ.)
9. Settlements and dwellings of Primorsky district. Peasants. Natives. The Yellows. Census of the population June 1–20, 1915. Vladivostok, 1915. 96 p. (In Russ.)
10. 1914. Survey of Primorsky region. Supplement to the annual report - Vladivostok, 1916. 106 p. (In Russ.)
11. Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_Comp2022_Site.xls (accessed 31.03.2022).
12. Collection of the Main Official Documents on Management of East Siberia. Volume II. Resettlement of Russian people to the Amur region. Part. III. On the resettlement to the South-Ussuriyskiy Krai and the 1st party of settlers sent from Odessa in 1883. Irkutsk, 1884. 434 p. (In Russ.)
13. Reference book on the land allotments in Primorsky Krai by January 1, 1913. Publication of the Primorsky Regional Statistical Committee, Vladivostok, 1913. 434 p. (In Russ.)
14. Schematic map of Iman district, Primorsky region. Published by the Resettlement Department, 1917.
15. Schematic map of Nikolsk-Ussuriisk district, Primorsky region. Edition of the Resettlement Department, 1917.
16. Schematic map of Olginsky district, Primorsky region. Edition of the Resettlement Department, 1917.
17. Digital soil map of the Russian Federation at a scale of 1:2500000 (Friedland, 1988) in ES-RI-shape format from the Unified State Register of Soil Resources of Russia // Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University. URL: <http://egrpr.soil.msu.ru/download.php> (accessed 31.03.2022).
18. Asian Historical Statistics Project // Institute of Economic Research, Hitotsubashi University URL: <https://www.ier.hit-u.ac.jp/COE/Japanese/discussionpapers/DP97.9/fhyo2.html> (accessed 31.03.2022) (In Japanese)
19. China Statistical Yearbook 2021 // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexeh.htm> (accessed 31.03.2022) (In English)
20. Japan Statistical Yearbook 2022. Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan. – 2022. – 758 p. (In English)
21. Resampled SRTM data. Spatial resolution approximately 30 meter on the line of the equator. Consortium for Spatial Information // CGIAR-CSI). URL: <https://srtm.csi.cgiar.org/srtmdata/> (accessed 31.03.2022).

Информация об авторах

Сергей Викторович Ткачев, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: sertk@mail.ru

Наталья Николаевна Ткачева, канд. полит. наук, доцент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: nataltk@mail.ru

Information about the authors

Sergei V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, RAS, Moscow, Russia, e-mail: sertk@mail.ru

Natalia N. Tkacheva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nataltk@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 23.04.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 316.74:298.9.
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/69-81>

Условия развития речных туристических сообщений на Амуре между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян

Цай Ин

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, mnina66@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены условия развития речных туристических сообщений на Амуре между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян в конце XX – начале XXI вв. Автор характеризует социально-экономические условия становления и развития приграничного туризма между сопредельными территориями России и Китая, освещает динамику речных перевозок российских туристов между дальневосточными территориями и провинцией Хэйлунцзян, анализирует особенности развития речных сообщений в сфере туризма на Амуре.

Ключевые слова: *Амурский речной транспорт, туризм, Дальний Восток России, провинция Хэйлунцзян, российско-китайские отношения*

Для цитирования: Цай Ин. Условия развития речных туристических сообщений на Амуре между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 69–81. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/69-81>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/69-81>

Conditions for the development of river tourist traffic on the Amur River between the Russian Far East and Heilongjiang Province

Cai Ying

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, mnina66@yandex.ru

Abstract. In the article the conditions of development of river tourist communication on the Amur River between the Russian Far East and Heilongjiang Province in the late XX – early XXI centuries are examined. The author considers socio-economic conditions of formation and development of cross-border tourism between Russia's and China's adjacent territories, highlights the dynamics of river transport of Russian tourists between the Far Eastern territories and Heilongjiang Province, analyzes the peculiarities of river communication in the tourism sphere on the Amur River.

Key words: *Amur River Transport, tourism, Russian Far East, Heilongjiang Province, Russian-Chinese relations*

For citation: Cai Ying. Conditions for the development of river tourist traffic on the Amur River between the Russian Far East and Heilongjiang Province // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 69–81. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/69-81>

Протяженная общая граница между Россией и Китаем на Дальнем Востоке (4200 км) и геополитическая близость двух стран обуславливает их тесное взаимодействие в различных сферах. Связующим звеном сотрудничества по ряду важнейших направлений выступает река Амур (Хэйлунцзян), которая является пограничной рекой между двумя странами. В бассейне Амура расположено и российско-китайское порубежье, ставшее в конце XX – начале XXI вв. регионом активно развивающегося туризма. Развитию здесь приграничного туризма способствовала исключительная геополитическая близость двух стран на Дальнем Востоке, социально-политические перемены в России и Китае в конце 1980-х гг. и открытие дальневосточных границ.

Развитие приграничного туризма осуществлялось в том числе и посредством речных коммуникаций в системе реки Амур. Задачу обеспечить туристические поездки российских граждан в Китай взяли на себя суда Амурского речного транспорта. Целью данного исследования является охарактеризовать условия развития речных туристических сообщений на Амуре между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян (граничащей с Россией на протяжении 3500 км) в конце XX – начале XXI вв., проанализировав количественные и качественные показатели речных туристских перевозок в контексте межрегиональных российско-китайских отношений. Хронологические рамки исследования включают период с конца 1980-х гг., а именно с 1988 г., когда были начаты первые взаимные туристические поездки российских и китайских туристов, и до 2008 г., когда под влиянием мирового экономического кризиса произошел сравнительно резкий спад посещений Китая россий-

скими туристами. Территориальные рамки исследования охватывают часть юга Дальнего Востока России, граничащего с Китаем по Амуру и Уссури (а именно – Амурскую область, Еврейскую автономную область (ЕАО), часть Хабаровского края на границе с Уссури) и порубежные территории провинции Хэйлунцзян.

К концу 1980-х гг. на Дальнем Востоке стремительно развивались симптомы социально-экономического кризиса: так, темпы промышленного производства региона за 1987–1990 гг. составили всего 3% [8, с. 20]. Последовавший распад СССР привел к разрыву логистических схем внутренних перевозок, экономическому отрыву Дальнего Востока от европейской части страны. Основным способом выживания региона становится внешняя торговля со странами АТР, в т.ч. с географически близким Китаем. В Китае в это время активно разворачивалась "политика реформ и открытости", в которую сначала были вовлечены развитые юго-восточные районы, а затем и остальные. Так, например, приграничный Хэйхэ в 1982 г. получил статус порта первого класса государственного уровня, а в 1992 г. – был включен в список первых открытых пограничных городов Китая, став "окном" расширения связей провинции Хэйлунцзян и всего Китая с внешним миром. В этих условиях возросло значение речных приграничных перевозок и речного транспорта.

Речные коммуникации осуществлялись силами Амурского речного транспорта, история которого начинается в 1854 г. с первого сплава парохода "Аргунь" по Амуру. К концу 1980-х гг. весь Амурский речной транспорт входил в состав "Амурского речного пароходства" с управлением в г. Хабаровск. До конца 1980-х гг. деятельность Амурского речного пароходства характеризовалась высокими показателями развития и высокой производительностью труда. Так, за навигацию 1982 г. предприятием было перевезено 1300 тыс. т грузов, грузооборот составил 458,9 млн тоннокилометров (103,2% и 113,3% от плана соответственно) (ГААО. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 12. Л. 8)¹. Но начавшиеся в стране и на российском Дальнем Востоке с середины 1980-х гг. социально-экономические перемены кардинально изменили и работу Амурского речного пароходства. Практически прекратились внутренние перевозки; с утратой дальневосточной границы разделительной, барьерной функции и разрывом логистических цепочек внутри страны необходимой стала переориентация на страны АТР. В 1993 г. Ордена Трудового Красного Знамени "Амурское речное пароходство" было преобразовано в акционерное общество закрытого типа "Амурское речное пароходство", которое в 1996 г. было переименовано в открытое акционерное общество "Амурское пароходство". В управлении Амурского пароходства находились речные и морские порты, пристани, специализирующиеся на перевалке, перевозке, хранении грузов, добыче нерудных строительных материалов, судостроительные заводы, ремонтно-эксплуатационные базы (РЭБ), осуществлявшие ремонт судов и их строительство.

Водные пути Верхнего, Среднего Амура и Уссури всего составляют 2744 километра. Наиболее протяженная речная граница у провинции Хэйлунцзян имеется с Амурской областью – 1311,9 км (с ЕАО – 514,2 км, с Хабаровским краем – 260 км, с Приморским краем – 658 км). При этом административный центр области – г. Благовещенск – находится в исключительной географической близости с китайским г. Хэйхэ – их разделяют всего 750 м р. Амур. В немалой степени это обусловило начало развития российско-китайского дальневосточного туризма именно в этой приграничной зоне и его интенсивность.

Началом туристических обменов между двумя странами стало 24 сентября 1988 г., когда Благовещенск (Амурская область) и Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) обменялись туристическими группами. В соответствии с подписанным 11 сентября 1988 г. соглашением между туристическим бюро Хэйхэского округа и фирмой "Амуртурист", стороны договорились об обмене туристическими группами (по 40 чел.) по две группы в неделю. Следует отметить, что фирма "Амуртурист" первая на Дальнем Востоке заключила долгосрочный договор с китайской стороной о безвалютном обмене туристическими группами. Был установлен строгий порядок поездок: китайская сторона направляла по одной группе в среду и субботу, советская сторона – по одной группе в среду и в пятницу. Каждая сторона предоставляла для перевозки через границу своих ту-

¹ ГААО – Государственный архив Амурской области

ристов теплоход (летом) или автотранспорт (зимой). После доставки туристов в указанное место транспортное судно возвращалось на родину. Возвращение туристов после завершения экскурсионной программы осуществлялось на судне или автотранспорте принимающей стороны (ГАО. **Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 2. Л. Л. 2-4**). Сначала перевозку туристов осуществляли круизные теплоходы, затем их заменили судами более малого тоннажа.

До конца 1988 г. Хэйхэ посетили 13 российских групп общим количеством 520 чел. В марте 1990 г. был начат "семидневный туризм" из Харбина, в июне 1990 г. – "однодневный туризм" между Тунцзяном и Нижнеленинским (ЕАО). Принятые между СССР и КНР договоренности о безвизовых групповых туристических поездках (ноты МИД КНР от 04.01.1991 г. и посольства СССР в КНР от 01.03.1991 г.), а также объявление Госсоветом КНР четырех сопредельных с Россией городов (Маньчжурии, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хуньчуня) "городами приграничного сотрудничества" способствовали быстрому росту приграничного туризма. В 1993 г. были начаты туристические поездки в Фуюань, Тунцзян, Сюнькэ, Фуцзинь.

В населенные пункты КНР, находившиеся на российско-китайской границе по водной артерии Амура, российских туристов перевозили суда Амурского речного транспорта, т.к. собственными судами туристические организации (за редким исключением) не располагали. Не всегда эти суда принадлежали ОАО "Амурское пароходство". Происходившие в России социально-экономические перемены обусловили появление новых частных компаний. Так, в Благовещенске в декабре 1989 г. было создано ЗАО "Пассажирский порт "Амурассо" (руководитель В.Н. Сушков), которое наряду с ОАО "Амурское речное пароходство" взяло на себя перевозку туристов.

Первым большим проектом ЗАО "Пассажирский порт "Амурассо" стало строительство причальной стенки и пункта пропуска Благовещенск – Хэйхэ. Вся инфраструктура была построена на намывной территории, отвоеванной у Амура. Первоначальные 3 гектара превратились в 18; через четверть века в собственности ЗАО "Пассажирский порт "Амурассо" находились семиэтажное административное здание, пункты пропуска, речной вокзал, несколько терминалов, производственная база, склады, доки, причалы. Следует отметить, что "Амурассо" взимало сбор за пересечение границы, что вызывало неоднократные протесты на различных уровнях, но тем не менее позволило предприятию быстро улучшать свою инфраструктуру и расширяться. При этом все служебные и бытовые помещения порта были предоставлены государственным структурам контролирующим органов (пограничники, таможня, миграция и т.д.) "в безвозмездное пользование". В 1990-е гг., когда суда распродавались на металлолом, Сушков стал собирать свою флотилию: первые суда были реконструированы из построенных еще в 1950-е гг. теплоходов ("Благовещенск", "Алмаз", "Малахит"), а в 2005 г. Сушков полностью обновил состав флота, заменив все суда на новые [9, с. 15]. На пассажирских перевозках в навигацию были задействованы 6 судов класса "Амур". В межнавигационный период (весной и осенью) для пассажирских перевозок использовались суда на воздушной подушке "Скат" вместимостью 60 чел., "Ирбис" (32 чел.) и два судна "Пума" вместимостью по 16 чел. каждое. В зимний период для перевозки туристов использовались 6 автобусов. Для грузовых перевозок были предназначены теплоходы "Зея" и "СТ-305" и 6 барж. Взимаемый сбор за пересечение границы позволял "Амурассо" поддерживать цены на свои услуги значительно ниже, чем в соседних регионах. В начале 2000-х гг. Благовещенский пункт пропуска был на 17-м месте из 400 по пропуску туристов и в среднем пропускал по 2 тыс. чел. в сутки. В 1997 г. В.Н. Сушковым было создана и туристическая компания "Амурассо", которая единственная в области имела свои суда для перевозки туристов. За 1997-2002 гг. "Амурассо" на своих судах перевезла в Китай свыше 150 тыс. российских туристов. По агентированию и обслуживанию собственных судов на территории Китая ЗАО "Пассажирский порт "Амурассо" сотрудничал с китайской фирмой "Пинавик" [5, с. 30].

Непростая ситуация с перевозкой туристов сложилась в ЕАО. В судовой компании ЕАО отсутствовали пассажирские суда, в связи с чем зам. главы администрации ЕАО В.С. Гуревич в апреле 1995 г. обращался в Хэйлунцзянское управление пароходства с просьбой начать навигацию китай-

скими судами (ГА ЕАО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1. Л. 14)². По причине сложной экономической ситуации в 1990-е гг., высоких транспортных расходов у российских теплоходов и изношенности российского флота китайские пароходы для перевозок российских туристов эксплуатировались и на маршруте Хабаровск-Фуюань (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 4. Д. 106. Л. 57)³. Российские речники решали текущие вопросы судовождения и вопросы совместной организации туристических линий Хабаровск-Тунцзян, Комсомольск-на-Амуре-Тунцзян, Нижнеленинское-Тунцзян и др. с Хэйлунцзянским управлением пароходства (ГАХК. Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 884. Л. 46).

Всего с сентября 1988 г. по декабрь 1993 г. фирма "Амуртурист" отправила в Китай около 250 тыс. россиян и столько же приняла в Благовещенске граждан Китая. Исключительная близость двух городов на российско-китайской границе позволяла туристам за 20 минут прибыть в другое государство, в течение одного дня осмотреть город, приобрести товары или продукты питания и к вечеру вернуться обратно. Вследствие дефицита валюты в обоих государствах, неконвертируемости рубля и юаня был разработан механизм таких поездок, удовлетворявший обе стороны: на обоих берегах туристам предоставлялся комплекс равнозначных услуг (питание, экскурсионное обслуживание, транспорт и т.д.); какие-либо денежные взаиморасчеты не производились (ГААО. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 43. Л. Л. 1-2). Фактически развивающийся туризм с обеих сторон очень быстро приобрел черты мелкого приграничного товарообменного предпринимательства – "челночничества" (согласно терминологии китайской стороны – "народная торговля"). Существующие социально-экономические условия определили его развитие как коммерческого туризма: двухсторонние шоп-туры стали основной формой туристических обменов, и только в конце XX – начале XXI вв. в дальневосточном приграничье стал развиваться культурно-познавательный и лечебно-оздоровительный туризм.

Эта особенность в развитии туризма была характерна для дальневосточных территорий. Хабаровский край, хотя и не имел с Китаем столь близко расположенных городов, как Благовещенск и Хэйхэ, обладал своей этнокультурной уникальностью, историческими объектами, выгодным географическим положением и, кроме того, являлся одним из крупнейших центров пересечения международных транспортных маршрутов на Дальнем Востоке. Развитие его авиационного сообщения в определенной мере обусловило тот факт, что большая часть российских туристов (по оценкам, 95 туристов из 100) выбирала тур в Китай самолетом, а речные международные перевозки с момента их открытия были фактором риска и для бюджета края, и для Амурского пароходства. Объемы речных международных пассажирских перевозок в ЕАО тоже были невелики: так, в 1994 г. через международные речные пункты пропуска ЕАО (Амурзет, Пашково, Нижнеленинское) в Китай проследовало 13,2 тыс. пассажиров (ГА ЕАО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1. Л. 35). На этом фоне выгодно выделялись показатели речников Амурской области: только за навигацию 1992 г. ими было перевезено в КНР 76 тыс. российских туристов. При этом потенциал судов не был исчерпан, речники были готовы перевезти и большее количество пассажиров, но пропускная способность российских таможен была очень низкой, на переходах на китайской и русской стороне скапливались огромные очереди [17].

До 1 декабря 1993 г. пропуск групп через российско-китайскую границу осуществлялся для российских туристов по внутреннему паспорту и списку, заверенному Отделом виз и регистрации (ОВИР) УВД, для китайских туристов – по паспорту туриста (пропуску) и списку. Однако с 1 декабря 1993 г. решением МИД РФ была запрещена "упрощенная" форма пересечения границы. Туристы отныне должны были выезжать в Китай только по загранпаспорту и спискам. Помимо этого, к организации безвизового туризма отныне был допущен только узкий круг компаний: количество их было сокращено как с российской, так и с китайской стороны.

Представители административных органов и жители российского Дальнего Востока восприняли эту ситуацию крайне остро. Главы администраций

² ГА ЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области

³ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

составляли обращения в различные инстанции (МИД, МВД РФ и пр.), с просьбой возобновить прежний режим перехода российско-китайской границы. Так, в своем обращении к главе МИД РФ А.В. Козыреву глава администрации Амурской области В.П. Полеванов подчеркивал, что такая система приемлема для многодневных поездок, но не для поездок на один день, т.к. необходимо время (1 месяц) для оформления загранпаспорта, стоимость которого была значительна; кроме того, для ОВИРов серьезно возрос объем работы и они не успевали в срок оформлять паспорта. Что касается граждан КНР, то у них загранпаспортов не было, и они перестали вообще приезжать в Россию. Был остановлен безвалютный обмен тургруппами – выехать в Китай можно было только за доллары, что фактически закрывало приграничный туризм для селян и малообеспеченных слоев населения (ГААО. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 43. Л. Л. 1-2).

В 1994 г. произошло значительное сокращение количества деловых и туристических контактов. Так, грузооборот между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян за 1-й квартал 1994 г. по сравнению с соответствующим периодом 1993 г. сократился в 3 раза, пассажиропоток – в 2,5 раза. Прямые финансовые потери составили более 10 млрд. руб., пропускные возможности инфраструктуры погранпереходов на территории области в первом квартале 1994 г. использовались на 12,5% (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 7. Л. 87). Всего же в 1994 г. на российско-китайской государственной границе функционировали семь международных пограничных переходов: Хабаровск-Фуяньюань (Хабаровский край), Туңцзян-Нижнеленинское, Миншань-Амурзет, Чаоян-Пашково (ЕАО), Хэйхэ-Благовещенск, Сюнькэ-Полярково, Мохэ-Джалинда (Амурская область). Их функции были закреплены в подписанном 27 января 1994 г. в Пекине Соглашении о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе. В том же году "Правительства России и Китая признали право таможенного оформления в пограничных пунктах в деревнях, расположенных друг напротив друга по берегам Амура.

В конце 1990-х гг. в состав ОАО "Амурское пароходство" входило 10 дочерних закрытых обществ и 3 филиала ("Амурречтурист", "Амурречсвязь", "Амурречснаб"). В состав дочерних предприятий входили: Торговый порт Благовещенск, Торговый порт Свободный, Торговый порт Полярково, Торговый порт Зея (расположены в Амурской области), Торговый порт Покровка (ЕАО), Хабаровское и Свободненское производственные предприятия (Хабаровский край и Амурская область), Хабаровская, Николаевская и Малышевская РЭБ флота (Хабаровский край). Крупными держателями пакетов акций предприятия являлись: Федеральный комитет по управлению госимуществом (25,5% акций), фирма "Иксворт Инвестментс Лимитед ЛТД" (18,25%), совместное предприятие "Линквест Гонконг ДТД" (15,6%), ЗАО "Мет-Импеко" (8%). С иностранными фирмами-держателями акций пароходство имело постоянные связи, отправляя свои теплоходы в рейсы и перевозя грузы для этих фирм (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 4. Д. 136. Л. 38).

В конце 1990-х гг. ОАО "Амурское пароходство" работало в условиях устойчивого спада производства в дальневосточном регионе, а также в условиях разразившегося кризиса в Юго-Восточной Азии. В частности, в 4 квартале 1997 г. "рухнул" рынок леса: фрахтовые ставки были снижены на 40-60%, убытки компании составили 40 млн руб. Доходы от эксплуатационной деятельности снизились на 17,5% к уровню 1997 г. На счетах предприятия катастрофически не хватало "живых" денег и оборотных средств, следствием чего были задержки зарплаты, оплаты налогов и сборов и начисления пени и штрафов; все это заставляло руководство прибегать к масштабным сокращениям штатов – за 1997 г. – на 499 чел. (14,9%). Объем перевозок грузов и пассажиров сократился: в 1998 г. по сравнению с 1997 г. – на 6%. Особенно сложная финансовая ситуация наблюдалась в портах Свободный и Покровка; в порту Свободный в 1998 г. возникла забастовка портовиков, из-за чего были сорваны поставки в северный город Зея (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 4. Д. 136. Л. Л. 39-44).

Снижение перевозок наблюдалось практически у всех предприятий, входивших в состав ОАО, за исключением портов Благовещенск и Полярково, которые под эгидой ОАО "Амурское пароходство" и ЗАО "Пассажирский порт Амурассо" и благодаря исключительной близости к Китаю успешно развива-

Таблица 1. Количество российских граждан, выехавших в КНР через погранпереходы Благовещенск–Хэйхэ и Поярково–Сюнькэ в 1994–2000 гг. (тыс. чел.)
Table 1. Number of Russian citizens left for the PRC through the Blagoveshchensk–Heihe and Poyarkovo–Sunke border crossings in 1994–2000 (thousands of people)

Годы	Туристы	Транспортные служащие	Служебные пассажиры	Всего
1994	70,8	10,9	13,3	95,0
1995	107,3	8,8	2,9	119,0
1996	97,8	16,4	3,9	118,1
1997	109,6	17,4	6,7	133,7
1999	102,5	16,1	19,8	138,4
2000	86,0	17,0	26,8	129,8
2001	70,1	22,4	25,5	118,0

Источник: составлено автором на основе: ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 20а. Л. 32; [2, с. 22; 3, с. 10].

Source: compiled by the author based on: State Archive of the Amur Region. Fond R-2301. Series 1. File 20a. P. 32; [2, p. 22; 3, p. 10].

ли свои грузо- и пассажирские перевозки. В среднем за навигацию речники этих портов перевозили 500-600 т грузов и около 100 тыс. пассажиров; из пассажирских перевозок 60% занимали перевозки в КНР по туристической линии [1, с. 10]. Динамика количества российских граждан, перевезенных в Китай судами Амурского речного транспорта в 1994–2000 гг. через переходы Амурской области, представлена в *таблице 1*.

Как следует из данных таблицы, число выезжавших в КНР российских граждан до конца 1990-х гг. динамично возрастало. К примеру, в 1997 г. рост по сравнению с 1996 г. составил 11,2%; увеличению количества туристов способствовало в том числе и открытие для россиян нового курорта на Желтом море – Синчен, а также Сянгана (Гонконг) (ГААО. Ф. Р-501. Оп. 7. Д. 891. Л. 140). Но августовский кризис 1998 г. оказал негативное влияние на масштабы туристических перемещений; число российских туристов, направлявшихся в Китай, за 1999-2001 гг. уменьшилось на 14,5%. В связи с августовским кризисом 1998 г. значительно снизилось и количество жителей Хабаровского края, выезжающих за рубеж (с 60 тыс. чел. в 1996 г. до 37,3 тыс. чел. в 1999 г.). Но уже с 2000 г. произошел подъем до 50 тыс. чел. [12, с. 151].

Всего в 1999 г. на погранпереходах Амурской области было зафиксировано 515,1 тыс. пересечений границы (в сравнении с 1998 г. увеличение составило 3,5%), из них российскими гражданами – 276,8 тыс. пересечений (в т.ч. с туристическими целями – 205 тыс. пересечений), иностранными (китайскими) гражданами – 237,9 тыс. пересечений (в т.ч. с туристическими целями – 126,9 тыс.) (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 51а. Л. 85). За 1999 г. Амурским речным транспортом, таким образом, было перевезено в Китай и обратно немногим менее 150 тыс. чел., из них туристов – более 100 тыс. чел. В общем же, согласно статистическим данным соответствующих ведомств провинции Хэйлунцзян, за последние десятилетие XX века провинция приняла более 3 млн иностранных туристов, из которых около 70% составляли туристы из России и стран СНГ [19, с. 36].

Развитие туризма в приграничье, с одной стороны, было возможным благодаря работе речного транспорта, с другой стороны, обуславливало его загрузку. В летний период на туристических перевозках были загружены речные суда, зимой – автобусный транспорт. Во время ледохода группы переправлялись судами на воздушной подушке. Такая ситуация была более характерна для Амурской области, чем для ЕАО, Хабаровского и Приморского краев, где для поездок в Китай активно использовались авиахабы Хабаровска и Владивостока. Транспортные маршруты для воздушных судов из Амурской

Таблица 2. Количество российских туристов, выехавших в КНР (млн. чел.)
Table 2. Number of Russian tourists travelling to the PRC (million people)

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во российских граждан	1,38	1,79	2,22	2,40	3,00	3,12	1,74	2,37	2,54	2,43
Прирост, +(-), %		29,7	24,0	8,1	12,5	0,4	-44,3	34,4	0,7	0,4

Источник: [15, с. 50].

Source: [15, p. 50].

области в Харбин, Пекин и на морские побережья Китая на постоянной основе так и не были открыты.

В ноябре 1996 г. в РФ был принят Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации", согласно которому туристская деятельность признавалась одной из приоритетных отраслей экономики РФ, а государство должно было "определять и поддерживать приоритетные направления туристской деятельности", "осуществлять поддержку и защиту российских туристов, туроператоров, турагентов и их объединений". Органы местного самоуправления наделялись правами по реализации мер и программ по развитию приоритетных направлений туризма на своих территориях [18]. Для координации деятельности транспортных и контрольных органов на погранпереходах Амурской области по совершенствованию пропуска грузов и пассажиров, организации и координации международного туризма постановлением главы администрации Амурской области 27 ноября 1997 г. был создан Комитет международных и внешнеэкономических связей Амурской области [10]. 27 ноября 1998 г. был принят закон "О туризме в Амурской области", согласно которому содействие развитию туризма декларировалось как основное направление государственного регулирования туристской деятельности [4]. В Хабаровском крае в 1998 г. был открыт Дальневосточный центр развития туризма (ДВЦРТ), а в 1999 г. было принято постановление "Об утверждении основных направления развития туризма в Хабаровском крае в 1999–2000 гг." [12, с. 152]. Российская и китайская стороны регулярно проводили двусторонние встречи, где обсуждались вопросы развития приграничного туризма.

В 2000 г. правительство РФ и правительство КНР заключили Соглашение о безвизовых групповых туристических поездках, определившее численность туристической группы (не менее 5 и не более 50 чел.), имевшей право на безвизовую поездку на территорию другого государства. Российская и китайская стороны один раз в год обменивались списками туристических организаций, "имеющих право на направление туристических групп, состоящих из граждан своего государства, и прием туристических групп, состоящих из граждан другого государства" [14]. В 2000 г. впервые в рамках международной ярмарки "АмурЭкспоФорум" была проведена туристическая выставка; в специальных выставочных мероприятиях, проведенных в Благовещенске и Хэйхэ, приняли участие более 75 представителей туристического бизнеса, из них более 50 – представителей китайских компаний. Были достигнуты договоренности об освоении новых туристических маршрутов – к списку посещаемых мест, таких как Пекин, Харбин, Бэйдайхэ, Удалянчи, добавились курортные о. Хайнань, г. Санья (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 51а. Л. 56, 58).

В начале XXI в. Китай становится популярным туристическим направлением у россиян. Согласно данным Росстата, общее количество российских туристов, выехавших в КНР в 2003–2012 гг. через все международные пункты пропуска, динамично возрастало и представлено в *таблице 2*.

Наблюдавшийся спад в 2009 г. был связан с мировым экономическим кризисом. Китайские исследователи приводят аналогичные цифры количества российских туристов, выезжавших в Китай в начале XXI в., также отмечая снижение экспортного туризма в 2009 г. на 44,2% и устойчивую динамику роста в предшествовавшие годы [20, с. 144].

Таблица 3. Количество туристов, пересекших границу через зону пропуска Благовещенск – Хэйхэ (тыс. чел.)

Table 3. Number of tourists who crossed the border via Blagoveshchensk – Heihe border-crossing zone (thousand people)

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Кол-во туристов	81	32	140	270	60	230	420	230	320

Источник: [7, с. 204].

Source: [7, p. 204].

В свою очередь, статистика выезда российских и китайских туристов, пересекших границу через зону пропуска Благовещенск – Хэйхэ в 2002–2010 гг., отражена в *таблице 3*.

В сравнении с общероссийской динамикой, на межрегиональном уровне было отмечено еще два спада в туристических потоках: в 2003 г. (был связан с эпидемией атипичной пневмонии) и в 2006 г. (с корректировкой Соглашения 2000 г. и введенными ограничениями выезда за границу для других видов деятельности под предлогом туризма).

Серьезно повлияла на динамику туристических потоков эпидемия атипичной пневмонии, разразившаяся в Китае в 2003 г. С 5 мая в связи с распространением атипичной пневмонии Благовещенская таможня работала только "на возврат": в РФ пускали российских граждан, выехать же в КНР могли лишь китайцы. Такая ситуация сохранялась, однако, менее 2-х недель. 23 мая 2003 г. в Хэйхэ состоялась внеочередная встреча делегация Амурской области и правительства г.Хэйхэ. Стороны обсудили ситуацию, связанную с распространением вируса атипичной пневмонии в отдельных провинциях КНР и, учитывая информацию китайской стороны о снижении числа заболеваний в КНР и отсутствии заболевших в провинции Хэйлунцзян, договорились возобновить обмен пассажирами через пункт пропуска Благовещенск-Хэйхэ с 26 мая 2003 г.; разрешить выезд иностранной рабочей силы из провинций КНР, где не регистрировались случаи заболевания атипичной пневмонией; разрешить выезд российским студентам и преподавателям в учебные заведения КНР в те провинции, где не регистрировались случаи заболевания атипичной пневмонией; разрешить выезд китайским студентам и преподавателям в учебные заведения РФ из провинций, где не регистрировались случаи заболевания атипичной пневмонией (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 79. Л. 25). Однако ежедневно границу могли пересекать не более 200 туристов; как на китайской, так и на российской стороне, они подвергались жесткому санитарному контролю. Допускалось перевозить на одном судне не более 40 чел., чтобы санитарные службы обеих территорий могли производить тщательный осмотр [6].

Хотя эпидемия атипичной пневмонии довольно быстро пошла на спад (отметим, что в Благовещенске был зафиксирован лишь один случай), ограничения в работе пропускных пунктов были сняты лишь осенью 2003 г. К этому времени наблюдалось снижение количества туристов, перевозимых Амурским речным транспортом по маршруту Благовещенск – Хэйхэ, и стали все чаще звучать отрицательные оценки условий пограничного перехода. Эта проблема – потеря привлекательности пункта пропуска Благовещенск-Хэйхэ обсуждалась на совещаниях руководителей туристических организаций Амурской области и представителей администраций пунктов пропуска в ноябре 2003 г. Отмечалось долгое время прохождения таможни туристами (до 3-х часов), отсутствие скользящего графика обеденного перерыва для работников таможни, отсутствие кондиционеров в залах пропуска и т.д. Генеральный директор ЗАО "Пассажирский порт Амурассо" В.Н. Сушков также обратил внимание на случаи необоснованного задержания российских судов на китайской стороне. По итогам совещания был составлен план совместных мероприятий администрации Амурской области и Благовещенской таможни по совершенствованию работы пунктов пропуска на территории области (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 79. Л. Л. 41–45). Отмечались и проблемы с заключе-

нием договоров между перевозчиками и туристическими фирмами: договора заключались не вовремя, тарифы на перевозку пассажиров не доводились вовремя до сведения турфирм (ГАХК. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 79. Л. 7). Помимо этого, для Приамурья, как и для всей России, в целом было характерно неблагоприятное состояние береговой инфраструктуры, нехватка яхтенных портов, баз-стоянок маломерного флота и сезонных стоянок, изношенность большинства судов, наличие участков на внутренних водных путях, где проход судов круизного класса затруднен, рост цен на топливо и т.д.

Что касается работы ОАО "Амурское пароходство", то в начале XXI в. оно по-прежнему находилось в неблагоприятных экономических условиях, спад объемов перевозок продолжался. Согласно годовому отчету за 2002 г. в целом по Хабаровскому краю рост промышленной продукции увеличился на 6%, но объемы перевозок Амурского пароходства снизились на 14,3%. Негативное влияние на результаты работы организаций водного транспорта в 2002 г. оказывали растущая дебиторская задолженность клиентов, рост издержек производства и опережающий рост продукции промышленности, используемой при ремонте судов, ввод перегрузочных мощностей в морских портах. В 2002 г. ОАО "Амурское пароходство" перевезло 1490 тыс. т грузов, из них 73% – флотом заграничного плавания. Доходы от перевозок грузов составили 472 млн руб., в т.ч. от флота заграничного плавания 303 млн руб. (64,2%). Одним из самых перспективных направлений продолжал оставаться вывоз леса в порты КНР: в 2002 г. эти перевозки принесли пароходству 2,4 млн. долл. На этих перевозках были задействованы 7 буксиров с баржами и 10 теплоходов с баржами; было перевезено 212,5 тыс. т леса (на 81 тыс. т больше, чем в 2001 г.) (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 4. Д. 223. Л. 107–108, 110).

В сфере пассажирских перевозок в Хабаровском крае к началу XXI в. Амурское пароходство сформировало 4 направления деятельности: 1) пригородные перевозки пассажиров; 2) местные перевозки пассажиров на линии Хабаровск – Николаевск-на-Амуре – Хабаровск; 3) туристические рейсы в КНР (г. Фуюань); 4) ДОЛ (детские оздоровительные лагеря) на теплоходах – проект 860. Таким образом, 3-е направление было обращено на Китай. Скоростная линия Хабаровск – Фуюань (КНР) – Хабаровск обслуживалась 4-мя теплоходами на подводных крыльях "Полесье". В 2003 г., в связи с эпидемией атипичной пневмонии, открытие международного пункта пропуска в Хабаровске состоялось только 18 июня вместо запланированного 10 мая, и до июля на маршруте работало только 2 теплохода. Произошел резкий спад пассажиропотока – за навигацию 2003 г. по указанному маршруту было перевезено 29,4 тыс. чел. (65,2% от показателей 2002 г.), получено доходов 13,5 тыс. руб. (79,3% от уровня 2002 г.) (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 4. Д. 238. Л. 125).

В целом в Хабаровском крае, в отличие от Амурской области, пассажирские перевозки всегда были фактором риска для Амурского пароходства. На обеспечение пассажирских перевозок выделялись дотации из бюджета Хабаровского края, власти которого одной из своих задач ставили развитие туризма. В 2003 г. правительством края были утверждены основные направления развития туризма до 2007 г., основной целью которых являлось развитие въездного туризма на основании использования передового международного опыта. Результатом стало ежегодное увеличение общего туристского потока. По итогам 2003 г., край посетили 33,7 тыс. иностранных туристов, превысив показатели предыдущего года на 14,2%, а за 2002–2007 гг. поток иностранных туристов, въезжающих на территорию края, увеличился более чем в два раза; 63,2% от общего числа иностранных туристов составляли туристы из Китая. В 2005 г. в г. Хабаровске были зарегистрированы 122 туристские компании, из которых 2 являлись муниципальными и некоммерческими предприятиями, а остальные имели частную или смешанную формы собственности [12, с. 152–153].

21 марта 2006 г. была принята Совместная декларация РФ и КНР, в которой стороны заявили о намерении активизировать двустороннее сотрудничество, в т.ч. в области туризма [13]. Были внесены изменения в Соглашение 2000 г. "О безвизовых групповых туристических поездках": отныне срок безвизового пребывания туристической группы граждан одного государства на территории другого государства не должен был превышать 15-ти календарных дней (ранее – до 30-ти дней) (ст. 5-я); не разрешалось в состав одной

туристической группы включать туристов, следующих в визовом и безвизовом порядке (ст. 1-я); были повышены требования к туроператорам [16]. На межрегиональном уровне это замедлило туристические обмены. Помимо этого, на развитие туристических связей негативное влияние оказывало отсутствие развитой инфраструктуры пунктов пропуска и проблемы с транспортом: в периоды ледохода отсутствие мостового перехода через Амур препятствовало и затрудняло осуществление перевозок. Отмечались и проблемы на российских пунктах пропуска: очереди на пассажирской таможне, ненадлежащее перемещение и хранение товаров, нетактичное поведение сотрудников таможни и т.д. В свою очередь, китайская сторона взимала незаконный сбор: с туристов – 45 юаней, со служебных лиц – 25 юаней, что противоречило Соглашению между Правительством РФ и правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.

На межгосударственном уровне 28 марта 2007 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между некоммерческой ассоциацией туризма "Мир без границ" и Китайской ассоциацией туристских компаний. 28 ноября 2007 г. вышел приказ Ростуризма "О порядке определения туристических организаций, имеющих право на осуществление деятельности в рамках реализации соглашения между правительством РФ и правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 года", регламентировавший критерии отбора юридических лиц, осуществляющих туроператорскую деятельность в сфере международного туризма [11].

В 2008 г. доля российских туристов, приехавших в провинцию Хэйлунцзян, достигла 88,6% от всех туристов в Хэйлунцзяне. Затем, под влиянием экономического кризиса, произошло резкое сокращение числа туристов из РФ: по данным Ростуризма, в 2012 г. турпоток в Китай сократился на 12%. Это было вызвано ростом курса юаня к рублю и возрастанием цен в КНР, что снизило покупательную способность российской валюты и привело к сокращению шоп-туров в приграничные китайские города [16, с. 58–59]. В Амурской области в 2008 г. туристская деятельность еще сохранила положительную динамику: по итогам года количество российских туристов на китайском направлении увеличилось к уровню 2007 г. на 8% и составило 88,8 тыс. чел. На территории области осуществляли туристическую деятельность 32 организации, из них 12 – по линии безвизового туризма с КНР. На выездном направлении в КНР лидерами являлись ЗАО (фирма) "Амуртурист" (23,1 тыс. чел.), ООО турбюро "Дальневосточный Феникс" (21,4 тыс. чел.), ООО турфирма "Амурасо" (20,5 тыс. чел.). Однако уже по итогам 2-х месяцев первого квартала 2009 г. количество российских туристов на выездном направлении снизилось до 4% и составило 11,9 тыс. чел. (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 112. Л. Л. 6–7). Действовавший в 1990-е гг. в рамках туризма между муниципальными образованиями пограничный переход Джалинда-Мохэ был закрыт еще в 2008 г. в связи с низким грузо- и пассажиропотоком.

Итак, в силу сложившихся социально-экономических условий (реформ в Китае и России, потепления во внешней политике и открытия границ) в конце XX – начале XXI вв. на Дальнем Востоке формируется и развивается отрасль приграничного туризма. Региональные властные органы и туристические организации сопредельных территорий России и Китая развернули активную деятельность по налаживанию экспортного и импортного туризма. Между территориями юга Дальнего Востока России и провинцией Хэйлунцзян, разделенными водной артерией Амура, поездки российских туристов обеспечивались судами Амурского речного транспорта. Таким образом, на рубеже XX – XXI вв. произошла кардинальная смена направления деятельности Амурского речного транспорта с внутренних перевозок на внешние. В силу отсутствия регулярных воздушных маршрутов в Китай и нестабильности перехода границы в зимнее, осеннее и весеннее времена года Амурский речной транспорт оставался основным и самым продуктивным способом внешних пассажирских перевозок. При этом наиболее благоприятные условия для развития речного сообщения сложились в Амурской области, благодаря исключительной близости ее населенных пунктов к Китаю. Однако отметим, что, динамично развиваясь в 1990-е гг., в первом десятилетии XXI в. объемы речных туристических перевозок уменьшились, испытав негативное влияние экономических кризисов и девальвации рубля. Стабильному развитию деятельности речного

транспорта по перевозке туристов препятствовало несовершенство приграничной инфраструктуры и пунктов пропуска, неупорядоченность механизма прохождения границы. Тем не менее очевидно, что без участия Амурского речного транспорта, который, в свою очередь, подвергался трансформациям в сложных пореформенных условиях, было бы невозможным становление и развитие туризма в дальневосточном приграничье.

Литература

1. Амурская область. Транспорт и связь. Благовещенск: Амуроблкомстат, 1997. 25 с.
2. Амурская область и провинция Хэйлунцзян: показатели развития. Благовещенск: Амуроблкомстат, 2001. 31 с.
3. Город Благовещенск Амурской области и г. Хэйхэ провинции Хэйлунцзян: показатели развития. Благовещенск: Амуроблкомстат, 2002. 32 с.
4. Закон "О туризме в Амурской области" от 27.11.1998 г. №111-ОЗ. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961700270> (дата обращения: 31.03.2022 г.).
5. Иванов В. Пассажирский порт "Амурассо": курс на развитие. Благовещенск, 2012. 48 с.
6. Количество туристов, проходящих в день через Благовещенскую таможенную, ограничено // Информационное агентство Амур-Инфо. URL: <https://www.amur.info/news/2003/05/26/13866> (дата обращения: 11.04.2022 г.).
7. Ли Синь. Исследование влияния международного пункта пропуска г.Хэйхэ на развитие торговли с Россией // Россия и Китай: новый вектор развития российско-китайского социально-экономического сотрудничества. Материалы II Межд. научно-практич. конф. Вып. 2: в 2-х ч. Ч.1. / под общ ред. Л.А. Понкратовой. Благовещенск: Изд-во АМУГУ, 2013. С. 201–205.
8. Минакир П.А. Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // Пространственная экономика. 2017. №1. С. 17–51.
9. Позднякова М. Владимир Сушков: "Хочешь добиться успеха – действуй!" // Деловое Приамурье. 2014. №3(58). С. 12–15.
10. Постановление Главы Администрации Амурской области от 27.11.1997 № 575 "Об утверждении структуры и Положения о комитете международных и внешнеэкономических связей Администрации Амурской области" // Архив Правительства Амурской области. URL: <https://amur.gov.ru/doc/87711> (дата обращения: 11.04.2022 г.).
11. Приказ Федерального агентства по туризму от 28 ноября 2007 г. N 128 "О порядке определения туристических организаций, имеющих право на осуществление деятельности в рамках реализации Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 года" // Система Гарант. Документы. URL: <https://base.garant.ru/12159432/> (дата обращения: 16.04.2022 г.).
12. Рукосуева И.С. Туризм в Хабаровском крае как дополнительный источник финансирования Дальневосточного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. №4. С. 150–156.
13. Совместная декларация РФ и КНР от 21.03.2006 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3710> (дата обращения: 16.04.2022 г.).
14. Соглашение от 29 февраля 2000 года между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках // Система Гарант. Документы. URL: <https://base.garant.ru/2562816/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.04.2022 г.).
15. Соколенко Т.В. Молодежный туризм в РФ и КНР: основные предпочтения и тенденции развития // Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества. Материалы II Международной научно-практич. конф. Вып. 2: в 2-х ч. Ч.2. / под общ ред. Л.А. Понкратовой, А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АМУГУ, 2014. С. 49–53.
16. Ставров И.В. Политика по развитию туристической отрасли Северо-Восточного Китая как фактор экономического роста // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. №2–1. С. 57–64.
17. Тимченко М. Дружно – не грузно // Амурская правда. 1992. 11 декабря.
18. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/2e173a35e83cda2b21d04e6de11ad58a93def0ae/ (дата обращения: 25.04.2022 г.).
19. 郝建恒, 宿丰林. 最近十年黑龙江省与俄罗斯的贸易经济合作关系 = Hao Цзяньхэн, Су Фэнлин. Отношения торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией за последние десятилетие // 西伯利亚研究 = Сибирская яньцзю. 1999. №2(149). С. 32–38.
20. 石张宇, 徐虹, 沈惊宏. 中俄双边旅游与进出口贸易互动关系的实证研究 = Ши Чжаньюй, Сюй Хун, Шэнь Цзинхун. Эмпирическое исследование связей между двусторонним туризмом и импорто-экспортной торговлей Китая и России // 人文地理 = Жэньвэнь дили. 2015. №2(142). С. 141–148..

References

1. The Amur region. Transport and Communication. Blagoveshchensk: Amuroblkomstat, 1997. 25 p. (In Russ.)
2. The Amur Region and Heilongjiang Province: Development Indicators. Blagoveshchensk: Amuroblkomstat, 2001. 31 p. (In Russ.)
3. Blagoveshchensk (the Amur region) and Heihe (Heilongjiang Province): Development Indicators. Blagoveshchensk: Amuroblkomstat, 2002. 32 p. (In Russ.)
4. Law "Tourism in the Amur Region" from 27.11.1998 № 111-OZ // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961700270> accessed 31.03.2022). (In Russ.)
5. The number of tourists passing through the Blagoveshchensk customs office per day is limited // Amur-Info news agency. URL: <https://www.amur.info/news/2003/05/26/13866> (accessed 11.04.2022). (In Russ.)
6. Ivanov V. Amurasso Passenger Port: A Course to Development. Blagoveshchensk, 2012. 48 p. (In Russ.)
7. Li Xin. Investigation of international border crossing point Heihe impact on trade development with Russia // Russia and China: a new vector of Russian-Chinese socio-economic cooperation. Materials of II Int. scientific-practical conf. vol. 2: in 2 parts. P.1 / ed. by L.A. Ponkratova. Blagoveshchensk: Publishing house of AmSU, 2013. P. 201–205. (In Russ.)
8. Minakir P.A. The Far East and Transbaikalia on the eve of reform: the concept of entering the market // Spatial Economics. 2017. No. 1. P. 17–51. (In Russ.)
9. Pozdnyakova M. Vladimir Sushkov: "Want to succeed - act!" // Delovoe Priamurie. 2014. Vol. 58. No. 3. P. 12–15. (In Russ.)
10. Decree of the Head of the Administration of the Amur Region from 27.11.1997 № 575 "On approval of the structure and the Regulation of the Committee for International and Foreign Economic Relations of the Administration of the Amur Region" // Archive of the Government of the Amur Region. URL: <https://amur-gov.ru/doc/87711> (accessed 11.04.2022). (In Russ.)
11. Order of the Federal Agency for Tourism dated November 28, 2007 N 128 "On the procedure of determination of tourist organizations having the right to operate under the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the PRC on visa-free group tourist trips from February 29, 2000" // Garant System. Documents. URL: <https://base.garant.ru/12159432/> (accessed 16.04.2022). (In Russ.)
12. Rukosueva I.S. Tourism in Khabarovsk Territory as an additional source of funding for the Far Eastern region // Regional Economy: Theory and Practice. 2007. №4. P. 150–156. (In Russ.)
13. Joint declaration of Russia and China of 21.03.2006 // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3710> (accessed 16.04.2022). (In Russ.)
14. Agreement of February, 29, 2000 between the Government of the Russian Federation and the Government of People's Republic of China about visa-free group tourist trips // Garant System. Documents. URL: <https://base.garant.ru/2562816/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed 22.04.2022). (In Russ.)
15. Sokolenko T.V. Youth tourism in Russia and China: basic preferences and development trends // Russia and China: a new vector of socio-economic cooperation. Materials of II International Scientific-Practical Conference. 2: in 2 parts. P.2 / ed. by L.A. Ponkratova, A.P. Zabiako. Blagoveshchensk: Publishing house of AmSU, 2014. P. 49–53. (In Russ.)
16. Stavrov I.V. Policies on development of tourism industry in North-Eastern China as a factor of economic growth // Izvestia of Irkutsk State University. Series: Politology. Religious Studies. 2013. No. 2–1. P. 57–64. (In Russ.)
17. Timchenko M. Druzhno - not weighty // Amurskaya pravda. 1992. December 11. (In Russ.)
18. Federal Law of 24.11.1996 N 132-FZ "On the basis of tourist activity in the Russian Federation" // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/2e173a35e83cda2b-21d04e6de11ad58a93def0ae/ (accessed 25.04.2022). (In Russ.)
19. 建恒, 宿丰林. 最近十年黑龙江省与俄罗斯的贸易经济合作关系 = Hao Jianheng, Su Fenglin. Trade and economic cooperation relations between Heilongjiang Province and Russia over the past decade // 西伯利亚研究 = Siboliya yanju. 1999. Vol. 149. No. 2. P. 32–38. (In Chin.)
20. 石张宇, 徐虹, 沈惊宏. 中俄双边旅游与进出口贸易互动关系的实证研究 = Shi Zhangyu, Xu Hong, Shen Jinghong. An empirical study on the relationship between bilateral tourism and import-export trade of China and Russia // 人文地理 = Renwen dili. 2015. Vol. 142. No. 2. P. 141–148. (In Chin.)

Информация об авторе

Цай Ин, аспирантка кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия, e-mail: mnina66@yandex.ru

Information about the author

Cai Ying, Postgraduate Student, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: mnina66@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 02.05.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.08.2022

Рекреационные ресурсы Дальнего Востока России и проблемы их рационального использования

Юрий Анатольевич Наумов
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (филиал в г. Находке),
Находка, Россия, naumov_ua@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению рекреационных ресурсов в каждом субъекте Дальнего Востока России. В результатах показано, что при большом разнообразии этих ресурсов каждый регион имеет свою специфику их концентрации: в Приморском крае – большого всего морских зон отдыха, в Сахалинской области – горнолыжных баз, в Камчатском крае – минеральных источников. При этом используется лишь малая часть богатейшего потенциала, в чем видятся проблемы и нерациональность их освоения.

Ключевые слова: рекреационные ресурсы, минеральные источники, лечебные грязи, морские зоны отдыха, рациональное использование

Для цитирования: Наумов Ю. А. Рекреационные ресурсы Дальнего Востока России и проблемы их рационального использования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 82–91. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/82-91>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/82-91>

Recreational resources of the Russian Far East and the problems of their rational use

Yurij A. Naumov
Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch),
Nakhodka, Russia, naumov_ua@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of recreational resources in each subject of the Russian Far East. The results show that with a large variety of these resources, each region has its own specifics and concentrations: in the Primorsky Territory, most of the sea recreation areas, in the Sakhalin Region – mountain ski bases, in the Kamchatka Territory – mineral springs. At the same time, only a small part of the richest potential is used, which is seen as problems and not the rationality of their development.

Key words: recreational resources, mineral springs, therapeutic mud, marine recreation areas, rational use

For citation: Naumov Yu. A. Recreational resources of the Russian Far East and the problems of their rational use // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 82–91. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/82-91>

Рекреационные ресурсы (РР) – природные и антропогенные объекты, которые обладают такими свойствами, как уникальность, историческая или художественная ценность, эстетическая привлекательность, целебно-оздоровительная значимость и способность восстановления психофизического состояния человека [13, с. 73].

Объектом научных исследований данной статьи, в соответствии с задачами рекреационной географии [14], являются территориальные рекреационные системы Дальнего Востока России.

Предметом исследований является характеристика пространственного распределения рекреационных ресурсов (РР) Дальнего Востока и установление особенностей их свойств в каждом регионе.

В географическом отношении к Дальнему Востоку относят те субъекты, которые входят в "притихоокеанскую часть России" [11]. Рассматриваемый регион, который протянулся с юга на север на 4,5 тыс. км и занимает площадь 3,118 млн. кв. км, делят на две части: 1) южную, куда входят Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область, Сахалинская область, включающая Курильские острова; 2) северную, включающую Камчатский край, Магаданскую область и Чукотский автономный округ (рис. 1).

Цель статьи – изучение пространственного размещения РР по регионам Дальнего Востока, а также проблем их рационального использования.

При изучении данной темы применялись следующие методы: статистический, химический, сравнительно-географический, картографический и другие.

Фактический материал, который использовал автор, это в основном доклады о состоянии окружающей среды за последние годы по каждому из субъектов Дальнего Востока, которые публикуются Минприроды РФ, а также публикации автора и его коллег. Следует заметить, что автор с 80-х годов 20

века интересуется природноресурсным потенциалом региона, вследствие чего постарался использовать сравнительный метод в широком временном диапазоне.

При характеристике данной темы следует хотя бы кратко осветить те общие физико-географические условия мегарегиона, которые во многом определяют особенности свойств РР: 1) его расположение в контактной зоне между самыми крупными геоструктурами Земли – континентом Евразия и Тихим океаном, что определяет наличие на значительной площади мегарегиона муссонного климата, в меньшей степени – морского климата; 2) значительная протяженность мегарегиона с юга на север, что определяет наличие разнообразных природных зон (смешанных и широколиственных лесов, тайги, лесотундры, тундры), а значит и разнообразие РР.

Приморский край [7]. Он входит в число наиболее развитых в экономическом отношении субъектов Дальнего Востока, занимая 1-ое место по численности населения (1,86 млн человек на 2022 г.), а также количеству городов – 12, уровню автомобилизации (983,5 тыс. автомобилей), развитию транспортной инфраструктуры, грузообороту и пассажиропотоку, а также мощности топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Приморский край был выбран автором в качестве ключевого участка среди других субъектов Дальнего Востока, так как он характеризуется наибольшей степенью хозяйственного освоения и самым богатым биоразнообразием [12] среди всех 85 субъектов России. В связи с этим его характеристика даётся более детально.

РР подразделяются на природные и культурно-исторические [14], в связи чем они будут характеризоваться в такой последовательности, но особый акцент автор делает на природные, включая природно-антропогенные, которые дают наибольший эффект для оздоровления и восстановления организма человека (бальнеологические; национальные парки; водные, включающие береговые зоны морей, рек, озёр и водохранилищ; лыжные и горно-лыжные комплексы и др.).

Важно отметить особое авторское отношение к рекреационному значению особо охраняемых природных территорий. Считаем, что из них заповедники с самыми жесткими правилами посещения имеют наименьший эффект, а национальные парки – наибольший эффект, в связи с их ориентацией на массовое посещение туристами, почему на них и сделан особый акцент.

Из бальнеологических ресурсов выделяются, прежде всего минеральные источники и лечебные грязи [15].

В крае используются более 50 теплых и холодных минеральных источников.

В основном это холодные гидрокарбонатно-кальциевые и гидрокарбонатно-натриевые, а по содержанию – углекислые и азотные минеральные источники. В пределах южной части Сихотэ-Алиня и Уссурийской низменности находится уникальное по масштабам проявления гидроминеральное поле Шмаковского месторождения углекислых высокогазонасыщенных минеральных вод типа кислородных нарзанов, на базе которого организован курорт "Шмаковка".

На крупных минеральных источниках в Приморье построены лечебные санатории (свыше 40), помогающие людям избавиться от различных заболеваний, либо в целях профилактики пройти курс лечения. Данные учреждения могут одновременно принять более 6,5 тысяч человек.

В Приморском крае имеются почти все известные типы лечебных грязей: морские иловые (Ясневские, Садгородские, Находкинские и др.), сапропелевые (Лазовские, Ольгинские, Кировские, Ласточки и др.).

Наиболее распространены морские иловые сульфидные грязи, которые формируются в заливах и бухтах Японского моря при интенсивном водообмене с морем в условиях, благоприятных для накопления пелитового материала и органических веществ. Илы состоят из жидкой и твердой фаз. Жидкая фаза представлена водой и растворенными солями, твердая – кристаллами солей, гидрофильным коллоидным комплексом, силикатными частицами, обломками ракушек, остатками растений.

Национальные парки: "Мыс Вятлина"; "Бикин" (на территории парка живет большая популяция амурского тигра), "Земля леопардов" (54 вида мле-

Таблица 1. Количественные показатели рекреационных ресурсов Дальнего Востока
Table 1. Quantitative indicators of recreational resources of the Russian Far East

Регион	Вид рекреационных ресурсов										
	Минеральные источники (используемые)	Лечебные грязи	Санатории и другие лечебные учреждения	Базы парусного спорта	Национальные парки	Водные зоны отдыха и пляжи	Аквапарки	Ботанические сады	Горнолыжные и лыжные базы	Гонки на собачьих упряжках;	Гонки на оленьих упряжках
Приморский край	50 (50)	7 (7)	>40	2	4	>43	2	1	13	-	-
Хабаровский край	+	+(1)	30	-	2	16	1	1	5	+	-
Амурская область	4	+(2)	5	-	1	+	1	-	3	+	-
ЕАО	6 (4)	-	4	-	1	+	6	-	2	+	-
Сахалинская область	+	+	+	-	4	+	2	1	5	+	-
Камчатский край	55 (8)	+	4	-	4	-	-	-	8	+	-
Магаданская область	+(2)	1	2	-	1	-	-	-	+	-	-
Чукотский АО	>100	-	-	-	1	-	-	-	2	+	+

"+" – наличие данного вида РР;

"-" – отсутствие данного вида РР.

Источник: [1–8].

копитающих, из них 130 особей леопардов, 184 вида птиц, 940 видов сосудистых растений), "Зов тигра" (местообитание тигра, горала, кабарги и др. редких животных).

Морские зоны отдыха имеют между собой различия в санитарно-экологическом состоянии. По информации главного управления МЧС России по Приморскому краю, по состоянию на 7 июля 2021 года прошли проверку и освидетельствование на безопасность 43 пляжевых морских зон, из них 9 в районе Владивостока [2]. Они оборудованы всем необходимым для безопасного отдыха на воде. Заметим, что в летний период на морских зонах концентрируется сотни тысяч отдыхающих, большинство из Приморья и соседних регионов (Хабаровский край, Сахалинская и Амурская области).

Для круглогодичного отдыха используются аквапарки (2) и крытые бассейны.

Во Владивостоке есть 2 аквапарка: крытый ("Гавань") и открытый ("Лесная поляна"). Помимо этого, город известен своим Приморским океанариумом, лучшим во всей России [1].

Горнолыжный спорт получил наибольшее развитие в последнее десятилетие. Общее количество горнолыжных баз в Приморском крае 13, из них 3 с искусственным оснежением (продолжительность сезона: 15 ноября – 1 апреля, то есть 4,5 месяца) [16].

Большое разнообразие флоры позволило организовать в г. Владивосток Ботанический сад, являющийся единственным научно-исследовательским институтом с ботаническим направлением в Дальневосточном отделении РАН.

Хабаровский край [9]. Численность его населения составляет 1298 тыс. человек. Край выделяется развитым машиностроением, горнодобываю-

щей промышленностью и металлургией. Город Хабаровск является центром машиностроения Дальнего В и таким же крупным, как и Владивосток, в регионе по населению (618 тыс. человек).

Природные лечебные ресурсы представлены (см. табл. 1) минеральными водами, сульфидными иловыми и торфяными грязями. В крае функционируют около 30 санаториев, профилакториев, пансионатов, домов отдыха и турбаз.

В центральной и южной части края распространены азотные термальные минеральные воды: Анненские, Тумнинские, Тырмские, а также углекислые источники прибрежной полосы Охотского моря: Кельбинский, Радостный, Альчанский и Сухой.

Перспективны для лечения сульфидные илы озера Кини и бухты Де-Кастри, а также торфяные грязи вблизи Хабаровска. В крае функционирует санаторий "Анненские минеральные воды", расположенный на берегу реки Амур. В Хабаровске находится санаторий-профилакторий "Мечта", расположенный в парковой зоне.

Тырминский горячий источник с температурой воды $+34^{\circ}\text{C} - +38^{\circ}\text{C}$. Его вода гидрокарбонатная натриевая щелочная слабоминерализованная газирована сероводородом, углекислотой, азотом, а также аргоном, ксеноном, криптоном. Она содержит повышенное количество радиоактивных элементов. По своим целебным свойствам она является аналогом Кульдурских.

Тумнинский термоминеральный источник с прозрачной, голубоватой водой, слабо минерализованной, щелочной, с температурой 46°C . Состав воды сульфатно-гидрокарбонатный натриевый с повышенным содержанием фтора и кремнекислоты.

Анненские минерально-термальные воды сульфатно-гидрокарбонатные, натриевые с повышенным содержанием кремнекислоты и фтора.

"Ульский" ("Теплый ключ") термальный источник с температурой 31°C . Она слабоминерализованная, гидрокарбонатно-сульфатная, натриевая с повышенным содержанием кремнекислоты.

Лагуна Сомон находится недалеко от поселка Де-Кастри в Хабаровском крае. Главная ее особенность – это месторождение лечебных грязей. На их базе действует круглогодичный санаторий "Сомон" – единственная грязелечебница в Хабаровском крае.

Основным компонентом грязевого раствора являются хлориды натрия с невысоким содержанием брома и йода. Грязевые ванны рекомендуются людям, у которых есть хронические заболевания, проблемы с позвоночником, легкими и нервами. Два национальных парка проходят обустройство.

16 зон пляжей расположены в южной половине края. Большинство бассейнов и спортивных комплексов находятся в Хабаровске. Там же расположен аквапарк.

В крае насчитывается 30 спортивных объектов с широким разнообразием предоставляемых услуг (стадионы, комплексы, клубы, бассейны, залы, легкоатлетические манежи).

В городе Амурск расположен ботанический сад.

5 горнолыжных баз расположены в основном около городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

В крае проводят чемпионаты – гонки на собачьих упряжках.

Амурская область [3]. Численность населения области составляет 772 тыс. человек. В г. Благовещенск основные источники загрязнения: Благовещенская ТЭЦ, котельные, предприятия пищевой отрасли.

В области находятся 4 провинции минеральных вод (см. табл. 1): Холодные углекислые воды – Гонжинский, Ольдойский, Тукурингро-Джагдинский и Становой гидрогеологические массивы и Верхнеамурский артезианский бассейн. Азотные, метановые и кремнистые термы – северная и восточная часть Джугджуро-Станового, центральная и восточная части Тукурингро-Джагдинского и Туранский гидрогеологический массив, Амуро-Зейский и Верхнезейский артезианские бассейны. Железистые воды – в южной и северо-западной части Амуро-Зейского артезианского бассейна. На территории области находится Игнашинский минеральный источник, на базе которого ещё в 1891 году был открыт курорт. В начале XX века им пользовалось до 600 человек одновременно для лечения малокровия, заболеваний желудоч-

но-кишечного тракта, мочекаменных болезней, нервных заболеваний и ряда других. Воды Быссинского месторождения относятся к группе слабоминерализованных кремнистых щелочных азотных терм.

В 38 км севернее города Благовещенск на правом берегу р. Зеи находится урочище "Мухинка". Леса урочища имеют статус рекреационных (единственные в области). Благодаря особенностям рельефа, микроклимата, мозаичности ландшафтов урочища, богатству флоры урочище получило название "Амурская Швейцария". Рекреационное использование – с конца XIX века. В Амурской области обнаружены и лечебные грязи (сапропели). Они подразделяются на несколько основных типов: торфяные, сапропели, сульфидные иловые, сопочные. Среди сапропелей месторождений области различают следующие группы: 1) высокозольные глинистые, 2) высокозольные железистые, 3) среднезольные глинисто-торфянистые низкоминерализован.

Национальный парк Токино-Становой насчитывает 174 вида птиц, 28 видов растений.

Санаторий "Бузули" расположен в уникальном районе. Здания окружены сосновыми лесами. Благоприятный климат, чарующая природа, свежий воздух, заботливый персонал и широкие возможности всестороннего оздоровления организма – все это делает комплекс идеальным местом для отдыха.

В г. Благовещенск функционирует аквапарк "Плаза".

Активно развивается в области зимний отдых: здесь работают 3 горнолыжные базы "Снежинка", "Усть-Корал" и у посёлка Натальино.

На собачьих упряжках организуются не только туристские маршруты, но и соревнования "Амурия".

Еврейская автономная область (ЕАО) [4]. Численность её населения 156,5 тыс. человек. Основными виновниками загрязнения остаются золотодобывающие предприятия, промышленные центры и угледобывающие предприятия, расположенные в верховьях Амура, а также железнодорожный транспорт, предприятия пищевой промышленности, объекты коммунального хозяйства.

В области бальнеологические ресурсы представлены минеральными водами (см. табл.1). Всего известно 6 источников: Кульдурский, Стариковский, Нижнетуловчихинский, Верхнетуловчихинский, Венцелевский и Бирский. Они, за исключением Кульдурского, являются холодными, температура воды 5,4 – 12°C. Кульдурский источник является наиболее известным, на его базе действует курортный комплекс "Кульдур", включающий в себя несколько санаториев.

Кульдурские санатории – здравницы государственного значения, где лечение ведется с использованием горячих минеральных источников, содержащих кремниевую кислоту. По своему химическому составу она относится к азотно-кремнистым слабоминерализованным гидрокарбонатно-хлоридно-натриевым щелочным водам с высоким содержанием фтора. В одной из скважин обнаружены радоновые воды, что позволяет организовать радоновую лечебницу. Всего в области имеется 4 санатория: Кульдур, Санус, Санаторий-профилакторий Теплоозерского цементного завода, а также Кульдуйский военный санаторий.

На территории области протекает 5017 рек. Равнинные реки более пригодны для купания, чем горные. Реки ЕАО богаты рыбой и могут использоваться для рыбалки.

Сплав можно осуществлять по некоторым участкам следующих рек – Бира, Биджан, Бол. Таймень, Дитур, Сагды-Бира, Хинган и др. По Амуру возможно осуществление круизов на теплоходах.

В области около 3000 озер. Все они небольшие и могут использоваться для рыбалки, купания, отдыха на берегу. В особую группу отнесены озера – памятники природы. Благодаря своей уникальной растительности (лотос Комарова, кубшинка четырехгранная, кубышка малая, водяной орех и др.) они являются объектами познавательного и экологического туризма ("Озеро Лебединое", "Озеро Утиное", "Заросли лотоса", "Маньчжурка").

Здесь насчитывается всего 6 аквапарков, которые включают в себя водные аттракционы и бассейны.

Распространены зимние экстремальные виды спорта: сноубординг и горные лыжи становятся все более популярными. На данный момент в обла-

сти существует 2 горнолыжные базы отдыха. На территории области находятся спортивные объекты, сооружения и детские спортивные школы.

Гонки на собачьих упряжках находятся в начальной стадии организации и ими занимаются только любители.

Горный рельеф области благоприятен для осуществления пешеходного, лыжного, велосипедного, экстремального туризма. Наличие карстовых пещер в горах позволяет успешно развиваться спелеотуризму. В области насчитывается более десяти пещер, многие из них объявлены памятниками природы.

В Биробиджане функционирует дендрарий.

Таким образом, можно сделать вывод, что данная область богата рекреационными ресурсами. Практически все ресурсы области обладают значительным потенциалом, но в наибольшей степени преобладают водные ресурсы и минеральные источники, однако отсутствуют лечебные грязи и базы парусного спорта.

Сахалинская область [8]. Её численность населения 490 тыс. человек (2018 г.). Этот регион является единственным островным в РФ. Он в наибольшей степени страдает от загрязнения нефтегазодобычи.

Выделяется группа минеральных источников (*см. табл. 1*), из них Дагинские располагаются на северо-восточном побережье Сахалина (залив Даги). Воды источников отличаются повышенным содержанием кремниевой кислоты и повышенной щелочностью. Эти термальные источники уникальны: с их помощью лечат болезни суставов, невриты, радикулиты, остеохондрозы, а также серьезные кожные недуги и некоторые воспалительно-гинекологические заболевания.

Синегорские минеральные источники расположены в 20 км от Южно-Сахалинска (санаторий "Синегорские минеральные воды"). Лечебные сульфидные грязи добывают на озере Изменчивое. В составе грязей преобладают бром и сульфид железа, а также целый ряд других химических элементов. Применяют их при заболеваниях суставов, сердечно-сосудистой системы и дыхательных путей. Четыре национальных парка пользуются всё большей популярностью.

Охотоморские пляжи являются популярными среди населения острова. Наиболее благоприятные по температуре расположены в вершине залива Анива рядом с г. Корсаков.

Ботанический сад вводит в культуру новые декоративные, пищевые, лекарственные и ароматические растения.

Существует 5 горнолыжных баз, из них самой оборудованной считается база "Горный воздух". Находится она рядом с г. Южно-Сахалинск. Продолжительность горнолыжного сезона на Сахалине составляет 5 месяцев. Длится он с декабря до конца апреля.

Традиционными становятся такие соревнования, как гонки на собачьих упряжках.

В Южно-Сахалинске действуют 2 аквапарка.

Камчатский край [5]. Его население составляет 312 тыс. человек. Здесь основными источниками антропогенного загрязнения поверхностных вод является ТЭК.

Минеральных источников Камчатки (*см. табл. 1*) всего насчитывается около 55.

Их химический состав очень разнообразен. Основная масса растворенных веществ состоит из соединений натрия, калия, кальция и магния с хлором, окислами серы и углерода в различных сочетаниях, с незначительными количествами так называемых микрокомпонентов: кремневой кислоты, соединений бора, брома, йода, железа и ряда более редких элементов, а также растворенных газов: углекислого, сероводорода, азота, радона и некоторых других.

Широко используются сульфидные иловые пелоиды, распространенные в наиболее обжитой восточной части полуострова Камчатки ("Озеро Утиное" – курорт Паратунка).

На базе источников и грязей работают 4 санатория.

Имеется всего 6 горнолыжных баз: "Альпина", "Кирпичики", "Красная сопка", "Лесная", "Морозная", "Снежная долина"; а также горно-спортивная база и лыжная "Эдельвейс".

Из природных парков "Южно-Камчатский" выделяется разнообразие термальных источников, наличием действующих и потухших вулканов, обитанием 33 видов млекопитающих, до 140 видов пернатых, 480 видов сосудистых растений. "Налычевский" характеризуется 33 видами млекопитающих, 145 видами птиц, 22 видами рыб, 43 видами водорослей и 700 видами сосудистых растений. "Быстринский" имеет свыше 120 вулканов, 540 видов сосудистых растений, 137 видов птиц, 20 видов рыб и 37 видов млекопитающих. "Ключевской" выделяется наличием самого большого вулкана в Евразии. "Голубые озёра" характеризуется возможным появлением медведей, евражки, в водах рыба не обитает.

В крае функционируют 7 горнолыжных баз, большая часть которых находится в самом Петропавловске-Камчатском и его окрестностях.

Гонки на собачьих упряжках в Камчатском крае стали точкой притяжения туристов: чемпионат "Берингия" проходит в феврале-марте вот уже 30 лет.

Гонка росла и развивалась и с 2010 года "Берингия" получила статус официального праздника Камчатского края.

В Петропавловске-Камчатске есть такие спортивные сооружения, как Дворец Спорта (Спорт-комплекс, тренажерный зал, бассейн, спа-салон), ФОК Звёздный (Оздоровительный центр, Спорт-комплекс, тренажерный зал, клуб, секция, Фитнес-клуб), St. Edward golf club (Гольф-клуб), Спортплощадка – воркаут.

Камчатка обладает самым большим аквапарком на Дальнем Востоке – аквапарк "Чудо-остров".

Магаданская область [6]. Численность ее населения составляет 137 тыс. человек. Основные источники загрязнения представлены предприятия горнодобывающей промышленности и ЖКХ.

Область очень богата минеральными и горячими источниками с температурой до +90° (см. табл. 1). По химическому составу все горячие источники обладают сильными и весьма разнообразными целебными свойствами.

Больше всего они распространены на побережье Охотского моря, в Северо-Эвенском районе и на Чукотском полуострове. Известно более 30 минеральных источников.

Большинство горячих и холодных источников может быть использовано в лечебных целях. Пока для лечения и теплоснабжения используется только Тальский горячий источник.

Количество энергии горячих источников огромно. Например, источники Северо-Эвенского района дают свыше 170 миллионов килокалорий в сутки; это количество природного тепла равняется теплотворной способности 45 тонн каменного угля. Источники выделяют столько тепла, что его хватило бы на отопление жилого микрорайона Магадана.

Санаторий "Таватумский" обладает горячими источниками, которые являются одной из достопримечательностей Северо-Эвенского района. Температура воды источника около +60 °С. Хлоридно-натриевая вода с повышенной минерализацией применяется для лечения ревматизма, болезней суставов и костно-мышечной системы.

Лечебные грязи представляют собой различные виды иловых отложений, образующихся на дне водоемов, морских лиманов и озер. Основной тип лечебных грязей на территории Магаданской области – сапропели.

Национальный парк (заказник) "Кавинская долина" характеризуется наличием 156 видов птиц, более 20 видов млекопитающих, рыб и растений.

Гидросеть области представлена около 250 тыс. реками и озёрами (свыше 24,6 тысяч). Все озера характеризуются богатой фауной, чистой водой, слабой заселённостью окрестностей, а нередко и полным отсутствием постоянных жителей.

Особое внимание в области уделяется зимним видам спорта – катанию на лыжах, коньках, санях и сноуборде. С этим фактом связано и развитие горнолыжного туризма.

Проводятся чемпионаты – гонки на собачьих упряжках. Горнолыжный сезон длится 5 месяцев.

Таким образом, установлено, что в Магаданской области преобладают в наибольшей степени минеральные источники, а в наименьшей – лечебные

грязи. Важно отметить, что энергетический поток минеральных горных источников анализируемой области огромен, однако очень мало используется в хозяйственной деятельности для отопления и круглогодичного выращивания овощей.

Количество курортных зон в области – всего 2 санатория, но хочется отметить, то, что данные санатории очень эффективны в лечении и профилактики различных болезней, благодаря имеющимся на их территории лечебным грязям, минеральным горячим и холодным источникам.

В области пока нет аквапарков, но в Магадане уже планируется строительство одного на берегу бухты Нагаева.

Чукотский автономный округ (ЧАО) [10]. Этот субъект площадью 721 481 км² является самым малонаселенным (49 тыс. человек) и наименее освоенным в хозяйственном отношении на Дальнем Востоке.

Вся территория округа относится к районам Крайнего Севера. Административный центр – город Анадырь.

Из бальнеологических ресурсов выделяются прежде всего минеральные источники (см. табл. 1).

Мечигменские (Гильмимлинейские, Хельхыммлевеемские) источники являются самыми крупными в северо-восточной Азии. Эти источники не только самые мощные и горячие на Чукотке, но и особо живописные. Долина с источниками приурочена к мощной разломной зоне, ее борта сложены порфирами, гранит-порфирами и их туфами.

Ключевое поле протянулось на 850 м по обоим берегам реки. Плоское дно долины занято здесь термальными болотами и озерами и прогретыми площадками. Насчитывается более 100 отдельных выходов терм и большинство из них с температурой более 60°. Самые горячие, до 97°, имеют вид воронок – грифонов, окруженных карбонатно-кремнистыми отложениями похожими на гейзерит. Многие из них газируют.

По гидрохимическому типу данные источники отличаются от остальных вод Чукотки – это азотно-углекислые термы. Этот тип вод более характерен для районов молодого вулканизма. Таким гидротермам свойственны высокие температуры и большие тепловые ресурсы.

Базовая температура (глубинные температуры формирования гидротерм) 140–220 °С. Состав воды хлоридно-натриево-кальциевый. Лоринские горячие источники расположены на побережье Мечигменской губы. Воды источников по гидрохимическому типу азотные кремнистые, среднеминерализованные, хлоридные, нейтральные, очень слабо радиоактивные. Эти воды обладают целебными свойствами. Их состав близок к водам таких курортов, как Кармадон, Арзни, Друскининкай.

На территории Чукотского автономного округа находятся два ООПТ федерального значения – государственный природный заповедник "Остров Врангеля" и национальный парк "Берингия", а также 26 ООПТ регионального значения – 5 заказников и 21 памятник природы. Из них "Берингия" характеризуется 200 видами птиц (29 эндемиков), более 20 видами млекопитающих, преобладанием пустынно-горно-тундрового ландшафта, в котором господствуют кустарниковые и ивовые заросли.

Из культурно-исторических памятников на севере Чукотки, в низовьях реки Пегтымель, найдены уникальные древние наскальные рисунки – Пегтымельские петроглифы, единственные обнаруженные на Крайнем Севере. На рисунках изображены сцены охоты древних людей на оленей, морская охота и изображения людей с грибовидными фигурами над головой.

В 1935 году создан Чукотский Окружной краеведческий музей, в 2002 году на базе его образован Музейный Центр "Наследие Чукотки". В 1968 году в целях сохранения культуры местных народов образован государственный чукотско-эскимосский ансамбль песни и танца "Эргырон".

С 2017 года в столице региона проводится международный арктический кинофестиваль "Золотой ворон", ставший своеобразной визитной карточкой Чукотки.

Гонки на собачьих упряжках, проходящие в г. Анадырь, – визитная карточка ЧАО. Сегодня в мероприятиях задействованы рабочие упряжки, запряженные в традиционные чукотские (колымские) нарты. Те же упряжки и нарты жители используют зимой для поездок из одного поселка в другой, а

также для зимней охоты на тюленей и моржей с дрейфующих льдов или кромки припая. Благодаря гонкам выявляются лучшие упряжки по физическим качествам и уровню обучения собак, по умению каюров управлять ими.

В Анадырском районе (с. Канчалан) ежегодно проводится большая гонка на оленьих упряжках "Рылет", в переводе с чукотского означает – "бега на оленьих упряжках"). В г. Анадырь функционируют 2 бассейна для детей и взрослых: "Дельфин" и ещё один в детско-юношеском центре.

Анализ приведенных выше материалов позволяет сделать следующие выводы:

1) Дальний Восток обладает в целом огромными запасами рекреационных ресурсов;

2) парадокс территориального распределения рекреационных и населения ресурсов заключается в том, что если наибольшая концентрация людей приурочена к южным регионам (максимум в Приморском крае), то максимум запасов таких рекреационных ресурсов, как минеральные источники, площадь и ненарушенность природных ландшафтов – к северным;

3) каждый регион имеет свою уникальность в развитии сферы рекреационных ресурсов: Приморский край выделяется наличием баз парусного спорта (яхтинга) и многочисленными морскими пляжами, благоприятных для отдыха; Чукотка – гонками на оленьих упряжках;

4) самыми острыми проблемами в инфраструктурном обустройстве сферы рекреационных ресурсов выделяются северные регионы, что явно тормозит их развитие, а это сказывается усиленным оттоком населения.

Литература

1. 43 пляжа в Приморье признали безопасными для купания // Информационный портал Khabara.ru. URL: <https://khabara.ru/173345-news.html> (дата обращения: 2.02.2022)
2. Бальнеологические ресурсы Приморского края // Учебные материалы онлайн. URL: https://studwood.net/1580431/meditsina/osnovnye_svedeniya (дата обращения: 2.02.2022)
3. Доклад о состоянии окружающей среды в Амурской области в 2019 году. Благовещенск: Министерство природных ресурсов и экологии Амурской области, 2020. 136 с.
4. Доклад о состоянии окружающей среды в Еврейской автономной области в 2017 году. Биробиджан: Министерство природных ресурсов и экологии Еврейской автономной области, 2020. 142 с.
5. Доклад о состоянии окружающей среды в Камчатском крае в 2018 году. Петропавловск-Камчатский: Министерство природных ресурсов и экологии Камчатского края, 2019. 370 с.
6. Доклад о состоянии окружающей среды в Магаданской области в 2015 году. Магадан: Министерство природных ресурсов и экологии Магаданской области, 2020. 187 с.
7. Доклад о состоянии окружающей среды в Приморском крае в 2019 году. Владивосток: Департамент природных ресурсов и экологии Приморского края, 2020. 221 с.
8. Доклад о состоянии окружающей среды в Сахалинской области в 2019 году. Южно-Сахалинск: Министерство природных ресурсов и экологии Сахалинской области, 2020. 170 с.
9. Доклад о состоянии окружающей среды в Хабаровском крае в 2019 году. Хабаровск: Министерство природных ресурсов и экологии Хабаровского края, 2020. 208 с.
10. Доклад о состоянии окружающей среды в Чукотском автономном округе в 2017 году. Анадырь: Министерство природных ресурсов и экологии Чукотского автономного округа, 2018. 117 с.
11. Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 324 с.
12. Долговременная программа охраны природы и рационального использования природных ресурсов Приморского края до 2005 года. Экологическая программа. Часть 2. Владивосток: Дальнаука, 1993. 301 с.
13. Максаковский В.П. Географическая картина мира: в 2 кн. Кн. 1: Общая характеристика мира. М.: Дрофа, 2003. 496 с.
14. Николаенко Д. В. Рекреационная география: Учеб. пособие. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2001. 288 с.
15. Природно-лечебные ресурсы. Приморский край. // Система обмена туристской информации (СОТИ). URL: <https://www.nbcrs.org/regions/primorskiy-kray/prirodno-lechebnye-resursy#>: (дата обращения: 2.02.2022)
16. Спортивные сооружения, в том числе горнолыжные объекты Приморский край. // Система обмена туристской информации (СОТИ). URL: // <https://www.nbcrs.org/regions/primorskiy-kray/sportivnye-sooruzheniya-v-tom-chisle-gornolyzhnye-obekty> (дата обращения: 2.02.2022)

References

1. 43 beaches in Primorye were recognized as safe for swimming // Information portal Khabara.ru. URL: <https://khabara.ru/173345-news.html> (accessed 2.02.2022)
2. Balneological resources of Primorye Territory // Educational materials online. URL: https://studwood.net/1580431/meditsina/osnovnye_svedeniya (accessed 2.02.2022)
3. Report on the state of the environment in the Amur region in 2019. Blagoveshchensk: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Amur Region, 2020. 136 p.
4. Report on the state of the environment in the Jewish Autonomous Region in 2017. Birobidzhan: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Jewish Autonomous Region, 2020. 142 p.
5. Report on the state of the environment in the Kamchatka Territory in 2018. Petropavlovsk-Kamchatsky: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Kamchatka Territory, 2019. 370 p.
6. Report on the state of the environment in the Magadan region in 2015. Magadan: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Magadan Region, 2020. 187 p.
7. Report on the state of the environment in Primorye Territory in 2019. Vladivostok: Department of Natural Resources and Ecology of Primorye Territory, 2020. 221 p.
8. Report on the state of the environment in the Sakhalin region in 2019. Yuzhno-Sakhalinsk: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Sakhalin Region, 2020. 170 p.
9. Report on the state of the environment in the Khabarovsk Territory in 2019. Khabarovsk: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Khabarovsk Territory, 2020. 208 p.
10. Report on the state of the environment in the Chukotka Autonomous Okrug in 2017. Anadyr: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Chukotka Autonomous Okrug, 2018. 117 p.
11. Ivashinnikov Yu.K. Physical geography of the Russian Far East. Vladivostok: Publishing House of FESU, 1999. 324 p.
12. Long-term program of nature protection and rational use of natural resources of Primorye Territory until 2005. Ecological program. Part 2. Vladivostok: Dalnauka, 1993. 301 p.
13. Maksakovskii V.P. Geographical picture of the world: in 2 books. Book 1: General characteristics of the world. M.: Drofa, 2003. 496 p.
14. Nikolaenko D.V. Recreational geography: Textbook. M.: Humanit. Ed. Center VLADOS, 2001. 288 p.
15. Natural healing resources. Primorye Territory // Tourism Information Exchange System (SOTI). URL: <https://www.nbcrs.org/regions/primorskiy-kray/prirodno-lechebnye-resursy#>: (accessed 2.02.2022)
16. Sports facilities, including ski facilities. Primorye Territory // Tourism Information Exchange System (SOTI). URL: // <https://www.nbcrs.org/regions/primorskiy-kray/sportivnye-sooruzheniya-v-tom-chisle-gornolyzhnye-obekty> (accessed 2.02.2022).

Информация об авторе

Юрий Анатольевич Наумов, д-р. геогр. наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (филиал в г. Находке), Находка, Россия, e-mail: naumov_ua@mail.ru

Information about the author

Yury A. Naumov, Doctor of Geological Sciences, Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (branch in Nakhodka), Nakhodka, Russia, e-mail: naumov_ua@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.04.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 03.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 32+94
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/92-99>

Иммиграционное законодательство США и Канады в отношении латиноамериканской иммиграции в XXI веке – фактор COVID-19

Даниил Андреевич Рыбачук
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ska-i@mail.ru

Аннотация. Иммиграционные процессы в странах Северной Америки – США и Канаде – всегда являлись одним из ключевых моментов в образовании общества рассматриваемых государств. В последние несколько десятилетий одной из самых многочисленных иммиграционных групп стали латиноамериканцы. Вопрос регулирования их въезда на американскую и канадскую территорию привлёк внимание властей США и Канады. Только правильные действия, принимаемые в иммиграционном законодательстве североамериканских стран в отношении латиноамериканцев, способны привести к благоприятному результату развития социума. В условиях пандемии COVID-19 эта проблема стала ещё более актуальной, так как кризисная ситуация может показать, какие шаги являются правильными в иммиграционном регулировании, а какие могут привести к негативным последствиям.

Ключевые слова: иммиграция, латиноамериканцы, законодательство, пандемия, COVID-19, США, Канада, общество

Для цитирования: Рыбачук Д. А. Иммиграционное законодательство США и Канады в отношении латиноамериканской иммиграции в XXI веке – фактор COVID-19 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 92–99. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/92-99>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/92-99>

Immigration law of the USA and Canada towards Latin American immigration in the XXI century – COVID-19 factor

Daniil A. Rybachuk
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ska-i@mail.ru

Abstract. Immigration processes in such countries of North America as the USA and Canada have always been one of the key moments in the formation of their societies. In the last few decades, Hispanics have become one of the largest immigration groups. The question of regulating their immigration to US and Canadian territory has attracted the attention of US and Canadian authorities. Only the correct actions taken in the immigration legislation of North American countries in relation to Hispanics can lead to a positive result in the development of society. In the context of the COVID-19 pandemic, this problem has become even more urgent, as a crisis situation can show which steps are right in immigration regulation, and which can lead to negative consequences.

Key words: immigration, Hispanics, legislation, pandemic, COVID-19, USA, Canada, society

For citation: Rybachuk D. A. Immigration law of the USA and Canada towards Latin American immigration in the XXI century – COVID-19 factor // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 92–99. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/92-99>

В последние десятилетия в мире наблюдается масштабное движение мигрантов и их семей из одной части света в другую, то есть преобладает феномен международной миграции. Данное явление привлекает внимание многих учёных из самых разных областей: политологии, социологии, экономики, истории, культурологии и психологии. Для государств Северной Америки – США и Канады – иммиграция является одним из образующих эти общества элементом. Развитие современного американского социума происходит во многом за счёт постоянного притока латиноамериканских иммигрантов. Канада в меньшей степени испытывает на себе влияние латиноамериканской иммиграции, тем не менее решение данного вопроса так же важно для канадских властей, как и для американских. Начиная с 2020 года проблема законодательного регулирования латиноамериканской иммиграции в США и Канаде претерпела изменения в связи с началом пандемии COVID-19, что выразилось в различных действиях американского и канадского руководства в отношении латиноамериканцев, въезжающих на территорию североамериканских государств. В связи с этим рассмотрение вопроса иммиграционного законодательства США и Канады в отношении латиноамериканцев на современном этапе делает это исследование ещё более актуальным.

Изучение иммиграционного законодательства США и Канады в отношении латиноамериканцев на современном этапе, а также в условиях пандемии COVID-19 будет являться главной целью данного исследования.

Анализ работ зарубежных и отечественных авторов по вопросу иммиграционного законодательства США и Канады в XXI веке ставит перед нами задачу более тщательного рассмотрения вопроса регулирования латиноамериканской иммиграции, в том числе в условиях мировой пандемии, так как этому аспекту не уделяется должного внимания. Однако можно выделить несколько зарубежных авторов, которые в своих работах исследуют проблемы латиноамериканской иммиграции в североамериканские страны: Дёркс Г., Макмидэн Д., Мартинес Д., Рестрепо Д., Руис В., Салазар М., Саттон Т. Хантингтон С. и др. К отечественным ученым можно отнести: Гарусова Л.Н., Дудичева О.В., Иванов А.Г., Канаев Е.А., Коваль Б.И., Кудярова Н.Ю., Пигинешева А.П. и др.

Методологическая и теоретическая основа работы обусловлены необходимостью комплексного изучения иммиграционного законодательства США и Канады. В исследовании задействованы общенаучные методы анализа, синтеза и конкретизации информации, её дальнейшая систематизация и обобщение. Кроме того, был использован междисциплинарный подход, сочетающий в себе теоретические аспекты политологии, истории, социологии и культурологии. Одним из основных эмпирических методов, использованных в данной работе, стало сравнение, опирающееся на американское и канадское иммиграционное законодательство.

В США в настоящее время насчитывается 65 миллионов человек латиноамериканского происхождения, многие из которых – недавно прибывшие в страну иммигранты [11]. Активное увеличение числа латиноамериканцев на американской земле началось ещё в XX веке, в особенности после либерализации иммиграционной политики, начавшейся в 1965 году. В этот год в США был принят новый иммиграционный закон, который полностью отменил систему национальных квот и объявил борьбу с любой формой дискриминации, что способствовало росту показателей иммиграции из стран Латинской Америки в США [2].

В XXI веке иммиграционное законодательство США претерпело некоторые изменения, которые были вызваны террористической атакой 11 сентября 2001 года. Произошедшие события заставили американские власти обратить более пристальное внимание на иммиграцию, в том числе и на нелегальную. Стал уделяться повышенный интерес вопросам регулирования незаконной иммиграции на американо-мексиканской границе. Тем не менее тренд повышения численности латиноамериканского населения, а также иммиграции из Латинской Америки отличался такими же высокими показателями, как и раньше. Более того, в связи с продолжающимся ростом латиноамериканской иммиграции в США латиноамериканские диаспоры стали вносить ещё более существенный вклад в развитие всех сфер жизни американского государства.

В рамках иммиграционного законодательства США в XXI веке, затрагивающим проблему латиноамериканской иммиграции, можно выделить иммиграционный "Акт о стене безопасности" 2006 года (Secure Fence Act) [18]. В положениях были выделены несколько пунктов, важнейшим из которых стал: систематическое слежение на международной границе, а также в прибрежных водах США, эффективнее используя персонал и такие технические средства, как беспилотные летательные аппараты, наземные сенсоры, спутники, радары и камеры. Этот документ воздействовал преимущественно на нелегальную латиноамериканскую иммиграцию через американо-мексиканскую границу. Были выделены средства на возведение 670-мильной стены на юго-западе американо-мексиканской границы. Более того, произошло увеличение количества патрульных и национальных гвардейцев на границе с Мексикой [5].

В 2010-х гг. администрация 44-го президента США Барака Обамы продолжила иммиграционную политику, направленную на сдерживание нелегальной иммиграции на мексиканской границе. В 2009 году была принята инициатива по безопасности юго-западной границы, которая ставила охрану в зоне американо-мексиканской границы в приоритет: выделялись дополнительные 600 миллионов долларов для более качественного регулирования границы [21].

Примечательно, что в это время попытки защититься от нелегальной иммиграции, в том числе и от латиноамериканской, принимались не только на федеральном, но и на уровне отдельных штатов. Так, например, в 2011 году в Алабаме был принят один из самых строгих иммиграционных законов на территории США [7]. Этот документ под названием "Alabama HB-56" предусматривал принудительную депортацию нелегальных иммигрантов, вводил наказания и штрафы за предоставление этой категории граждан работы, жилья или других видов помощи, а также давал разрешение на проверку иммигрантского статуса в образовательных заведениях. Принятие этого закона вызвало бурную общественную реакцию, в особенности со стороны правозащитных организаций – документ посчитали неконституционным, расистским и дискриминационным. Тем не менее он вступил в силу, хотя его положения были позже заблокированы [3, с. 70].

В 2012 году администрация Барака Обамы приняла меры в области иммиграции, которые защищали молодых иммигрантов от депортации: "Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов" (DACA). Этот проект позволял 800 тысячам нелегальных иммигрантов, прибывшим в США в возрасте до 16 лет, просить защиту от депортации [6]. В 2014 году на рассмотрение была направлена похожая программа, но теперь она касалась родителей детей-иммигрантов и называлась "Отложенные меры в отношении родителей детей-иммигрантов" (DAPA). Второй по счету исполнительный акт президента Обамы в отношении иммиграции позволил неавторизованным родителям-иммигрантам, которые прожили в США не менее пяти лет с детьми, которые являются гражданами США или законными постоянными жителями, подавать прошение на освобождение от депортации и трехлетнее разрешение на работу [13]. Все эти меры напрямую касались и латиноамериканцев, проживающих в США, в частности мексиканцев, которые зачастую находились на американской территории на незаконных основаниях.

Пришедший на смену Бараку Обаме новый президент США – республиканец Дональд Трамп – выступил с заявлением, что иммиграция является одной из основных угроз национальной безопасности США. Сперва он ограничил потоки любой иммиграции в США, аргументировав это потерей рабочих мест среди американцев. Важным решением, принятым Дональдом Трампом в рамках иммиграционного законодательства, стала отмена ранее введенной Барак Обамой программы (DACA). Более чем 700 тысяч участников данной программы, большинство из которых были латиноамериканцами, подверглись угрозе депортации в свои страны, которые они покинули уже больше десятилетия назад [12].

Кроме этого, Дональд Трамп особое внимание уделил проблеме мексиканской иммиграции. В решении этого вопроса американский президент в 2018 году перешел к политике "нулевой толерантности", которая была направлена против нелегальных мексиканских иммигрантов. Согласно новым иммиграционным правилам, мексиканцы, пересекшие границу США незаконно, должны были быть немедленно задержаны, а их семьи разделены. Однако такие положения вызвали мощный общественный резонанс и были вскоре отменены [1, с. 110].

В 2019 году Д. Трамп заявил о строительстве разделительной стены на границе с Мексикой. Для строительства этого проекта президент запросил из американского бюджета 8,6 млрд. долларов США: 5 млрд. из бюджета министерства внутренней безопасности и еще 3,6 млрд. - министерства обороны [4].

Остановившись подробнее на тех действиях, которые Дональд Трамп осуществлял в отношении нелегальной иммиграции из Мексики, можно отметить следующее. Во-первых, Трамп распорядился отправить на американо-мексиканскую границу военных для контроля за беспорядочной нелегальной иммиграцией из Сальвадора, Гондураса и Гватемалы. Во-вторых, президент выделил средства, предназначенные для развития военного потенциала страны, на строительство стены вдоль границы с Мексикой. И в-третьих, Д. Трамп заявил, что будет готов поднять налоги обычных американцев, если поток нелегальной иммиграции не прекратится [12]. Конечно, такие шаги американского руководства вызвали недовольство со стороны общества, которое было не согласно с возможным поднятием налогов и сомнительной целесообразностью строительства заградительного барьера на америка-

но-мексиканской границе. Тем не менее, несмотря на общественную критику, принятые Д. Трампом меры помогли снизить поток нелегальной миграции на границе почти вдвое [20].

Интересно, что на 2018 год мексиканцы не являлись самой многочисленной латиноамериканской группой, пересекавшей американо-мексиканскую границу. Самыми активными латиноамериканскими мигрантами через границу на тот момент были гватемальцы и гондурасцы. Сам показатель мексиканской иммиграции в США на границе снизился и достиг минимальных значений за 40 лет, что во многом было обусловлено действиями, принимаемыми Дональдом Трампом в разработке иммиграционного законодательства [20].

Стоит также отметить, что Д. Трамп грозился отменить действие статуса временно-защищенных иммигрантов (TPS), который напрямую имел отношение к сотням тысяч сальвадорцев, гондурасцев, гаитян и никарагуанцев, находившихся в США. Однако американское руководство понимало, что этим шагом можно только усугубить ситуацию, так как это подорвет региональную стабильность, увеличит и без того беспорядочную миграцию, что в свою очередь приведет к еще более усиленному контролю на границе. Действие данного статуса не было отменено – под него в США сейчас попадают порядка 400 тысяч человек [12].

С приходом к власти 46-го президента США – Джо Байдена – в иммиграционной политике в отношении латиноамериканцев был взят прямо противоположный курс политике, проводимой Дональдом Трампом. Почти сразу после вступления в должность Джо Байден остановил строительство стены на границе с Мексикой, возобновил действие программы (DACA), позволяющей просить защиту от депортации несовершеннолетним и не задокументированным иммигрантам в США, а также заморозил депортацию на 100 дней. В общем, действия были направлены на ослабление иммиграционных требований в отношении латиноамериканцев [19].

Джо Байден предложил вкладывать деньги не в строительство стены вдоль американо-мексиканской границы, а в модернизацию и увеличение числа пропускных пограничных пунктов. Более того, он выступил за то, чтобы как можно скорее решить проблему с большим количеством латиноамериканцев, которые оставались на границе в лагерях временного пребывания в ожидании подтверждения заявки на предоставление убежища. Кроме того, администрация Д. Байдена заявила, что во времена COVID-19 полностью ограничит какие-либо задержания и высылки латиноамериканцев. Эти шаги являются ключевыми в иммиграционной политике Джо Байдена, ставящие перед собой цель как на краткосрочное, так и долгосрочное решение ошибок, допущенных в иммиграционных вопросах предыдущим президентом США – Дональдом Трампом.

В июле 2021 года администрация Джо Байдена опубликовала новую совместную стратегию по управлению миграцией (Collaborative Migration Management Strategy), приоритетом которой стало создание основы для безопасной и упорядоченной миграции в рамках Северной и Центральной Америки. В положениях указывалось, что необходимо увеличить гуманитарную помощь, чтобы облегчить условия для мигрантов в данном регионе. Меры принимались в отношении помощи контролю за нелегальной иммиграцией, поддержки союзных государств в вопросах контроля на своих границах, защите наиболее уязвимых иммигрантских групп и их дальнейшей реинтеграции. В рамках данной стратегии региону были выделены 252 млн. долларов гуманитарной помощи. Помимо этого, Д. Байден увеличил количество рабочих виз для представителей Гватемалы, Гондураса и Сальвадора. Администрация президента собирается выделить в 2023 году почти миллиард долларов для оказания поддержки латиноамериканским государствам. В неё будет входить не менее 100 млн. долларов для программ развития, 70 млн. долларов для борьбы с насилием в отношении женщин и 60 млн. долларов на борьбу с коррупцией в этих странах [10]. Всё это будет способствовать стабилизации ситуации в регионе Центральной Америки, что приведет к снижению нелегальной иммиграции. Таким образом Джо Байден старается решить иммиграционные вопросы изнутри самих стран-отправителей мигрантов, в то время как Д. Трамп пытался разрешить ситуацию напрямую в США.

Пандемия COVID-19 стала одним из факторов, обнажившим проблемы здравоохранения и социальных услуг в США, которые и до этого являлись сложным вопросом для американского общества. Данное событие повлияло на увеличение неравенства и дискриминации в отношении иммигрантов, которые стали испытывать ещё большие трудности. При этом именно иммигранты продолжали бороться с пандемией в различных сферах – строительстве, сельском хозяйстве, общественном питании и в том числе здравоохранении, работая в условиях повышенного риска и меньшего доступа к медицинской и социально-экономической помощи. Показатели заболеваемости, а также тяжелого течения болезни и смертности от вируса COVID-19 среди латиноамериканских иммигрантов в США были очень высокими, что связано с их низким социально-экономическим статусом и ограниченным доступом к услугам здравоохранения. Для многих представителей латиноамериканских диаспор в США характерна работа в таких сферах занятости, где работа в удаленном формате попросту невозможна, несмотря на рекомендации министерства здравоохранения США. Эта причина является одной из ключевых при описании проблемы большего влияния пандемии COVID-19 именно на иммигрантское население, в том числе и латиноамериканцев [14].

И несмотря на пандемию, в США продолжились задержания и депортации нелегальных иммигрантов во время руководства администрации Д. Трампа, что также осложняло процесс получения своевременной помощи при заболевании COVID-19. Ровно за год с 2020 по 2021 гг. в США было зарегистрировано почти девять тысяч задержанных иммигрантов с положительным тестом на коронавирус. Более того, многие латиноамериканские иммигранты не обращались за медицинской помощью ещё и потому, что боялись задержания и депортации. Уровень безработицы среди иммигрантов вырос до 16% в апреле 2020 г. Это действительно проблема, так как иммигранты вносят значительный вклад в американскую экономику, уплачивая ежегодные налоги на сумму в 450 млрд. долларов, из них почти 30 млрд. долларов выплачиваются иммигрантами без документов [14]. Всё это привело к трудностям в иммигрантских общинах: отсутствие продовольственной безопасности; невозможность соблюдения социальной дистанции и получения медицинских услуг; сложности в лечении психологических проблем. Данные вопросы и до пандемии COVID-19 остро стояли в американском социуме, но после стали ещё более явными.

Правильное планирование иммиграционного законодательства американского государства сможет привести к стабилизации и развитию положительной обстановки в регионе, в том числе в условиях восстановления от пандемии COVID-19, так как именно иммиграционные процессы являются сейчас системообразующими для всего североамериканского общества. США необходимо уделять большое внимание не только регулированию иммиграционных вопросов в рамках самих США, но и развитию дипломатии со странами-отправителями иммигрантов. Только при таком комплексном подходе американским властям удастся контролировать и использовать на благо иммиграционные процессы, происходящие в регионе.

Канадское иммиграционное законодательство имеет схожесть с его южным соседом – США. Активная работа в области иммиграционного регулирования в Канаде также началась в XX веке, когда в страну стали прибывать потоки иммиграции со всех частей мира. Большое количество новых иммигрантов вынудило власти Канады заняться контролем данного вопроса. В это время был заложен фундамент для канадского иммиграционного законодательства в XXI веке.

Крайне важно отметить принятие в 1988 году в Канаде "Акта о мультикультурализме", который законодательно закрепил курс мультикультурной политики, которая проводится в стране и по сей день. В этом документе внимание уделялось не только признанию расового, этнического и национального многообразия канадского общества, но и проблеме прав аборигенного населения страны и вопросу двуязычия канадского государства. Мультикультурная политика всячески поощряет въезд иммигрантов для всестороннего развития канадского государства [9].

Первым значимым документом в XXI веке в канадском иммиграционном законодательстве стал "Акт об иммиграции и защите беженцев" от 2002

года. Он был принят в связи с террористической атакой 11 сентября 2001 года в США, после которой канадские власти решили более тщательно проверять всех въезжающих в страну иммигрантов. Тем не менее принятый документ сохранил многие положения старого, например, сохранение мультикультурного курса, приём высококвалифицированных рабочих и объединение семей. Новое иммиграционное законодательство разрешило задерживать и депортировать уже осевших ранее в стране иммигрантов, которые были заподозрены в угрозе национальной безопасности страны. К этому же можно отнести и иммиграционное ограничение, введенное в 2004 году, согласно которому мигрантам запрещалось въезжать на территорию одной страны по туристической визе и требовать статуса беженца на границе другой страны [15]. Все эти рестрикционные меры в иммиграционном законодательстве Канады в начале 2000-х гг. несколько усложнили и замедлили процессы иммиграции, но в общем она не потеряла свой объём, в том числе и среди латиноамериканцев, которые продолжили переселяться в Канаду.

Следующим шагом в иммиграционном законодательстве Канады, которое так или иначе касалось латиноамериканцев, стало принятие в 2008 году программы "Canadian Experience Class" (СЕС), направленной на ещё более активное привлечение высококвалифицированных кадров в Канаду. В этот раз приоритет отдавался временным работникам, у которых есть опыт работы в Канаде и (или) канадское образование. В данную группу входило значительное число представителей латиноамериканского региона. Многим латиноамериканцам, которые подходили под эти требования, тогда была предоставлена возможность на получение постоянного места жительства в Канаде [8].

Благодаря своей иммиграционной политике Канада смогла принять с 2011 по 2016 гг. значительные 1,2 миллиона иммигрантов. Иммигранты из латиноамериканского региона стали третьей по численности иммигрантской группой: их число увеличилось более чем на 150 тысяч человек или на 12%, причем сразу две латиноамериканские национальности попали список 10 самых часто иммигрирующих в Канаду: мексиканцы и колумбийцы [16].

В декабре 2021 года премьер-министр Канады Джастин Трюдо в своём обращении к канадскому министру по иммиграции, беженцам и гражданству Шону Фрейзеру дал чётко понять, что Канада и дальше намерена всячески поддерживать иммиграцию в страну, в том числе из региона Латинской Америки. Приоритетом станет привлечение иммигрантов во все провинции Канады для поддержания и восстановления экономики от пандемии COVID-19. Более того, Д. Трюдо распорядился увеличить максимальное число беженцев, принимаемых в год: с 20 до 40 тыс. человек; также уменьшить время рассмотрения заявок на получение канадского гражданства или статуса беженца. Кроме этого, канадское правительство должно будет контролировать работу по борьбе с нелегальной иммиграцией, включая совместное решение этой проблемы с США [17]. В целом перечисленные требования канадской администрации по поводу вопросов иммиграции направлены на поддержание экономики страны в сложившихся условиях борьбы с пандемией COVID-19.

Тем самым рассмотрение канадского иммиграционного законодательства в XXI веке даёт понять, что документов, прямо касающихся латиноамериканцев, в стране не подписывалось; однако те акты, которые были приняты, так или иначе затрагивали и латиноамериканскую иммиграцию. Кроме этого, в Канаде не уделяется такого пристального внимания вопросам нелегальной латиноамериканской иммиграции, как в США, что связано с тем, что объёмы такой иммиграции в Канаду в разы ниже. Канадское руководство со второй половины XX века и по настоящее время проводит политику мультикультурализма и каждый год всё больше облегчает требования для въезжающих в страну, хотя они и так при этом являются очень комфортными для иммигранта. Стало ясно, что в последнее время предпочтение отдаётся тем латиноамериканским мигрантам, которые помогут в восстановлении экономики Канады в условиях мировой пандемии COVID-19.

Таким образом, при рассмотрении иммиграционного законодательства в США и Канады в XXI веке можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, в обоих государствах достаточно схожая иммиграционная политика в отношении латиноамериканцев, повышенное внимание которой стало уделяться во второй половине XX века после либерализации иммиграционных процессов.

Во-вторых, иммиграционное законодательство США и Канады касательно латиноамериканцев в XXI веке базируется на тех принципах, которые были заложены ещё в прошлом веке: для Канады наиболее характерным является следование курсу мультикультурализма, а для США – усиленный контроль за нелегальной иммиграцией на американо-мексиканской границе. И в-третьих, в условиях пандемии COVID-19 в Канаде и США был взят различный курс на проблему латиноамериканской иммиграции: в канадском государстве она всячески поощрялась для поддержания экономики, а в США, наоборот, была ограничена. Однако с приходом к власти в 2021 году 46-го американского президента Джо Байдена ситуация в США стала меняться и становиться похожей на канадскую модель иммиграционного законодательства, которая ставит в приоритет иммиграцию из различных стран мира, в том числе уделяя немалое внимание и региону Латинской Америки.

Литература

1. Гарусова Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции / Л.Н. Гарусова // Россия и АТР. 2020. №1. С. 104–117.
2. Закон об иммиграции Харта-Селлера: исправление исторической ошибки США. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008043> (дата обращения: 21.05.2022)
3. Канаев Е.А. Иммиграционная политика в XXI веке: пример США / Е.А. Канаев, Д.А. Кочегуров // Актуальные проблемы Европы. 2018. №1. С. 58–76.
4. Стена Трампа: главное о самом амбициозном проекте президента США. URL: <https://bit.ly/3pVhApL> (дата обращения: 27.05.2022)
5. Трипольский М. Стена от нелегалов нужна ли она США? URL: <https://bit.ly/3e8P4Oo> (дата обращения: 22.05.2022)
6. Что такое DACA и почему из-за него приостановили работу все федеральные ведомства США? URL: https://thequestion.ru/questions/355074/chto_takoe_daca_i_pochemu_iz_za_nego_vse_8968d9cc (дата обращения: 25.05.2022)
7. Alabama HB 56 Act. URL: <https://bit.ly/3tvc4hR> (дата обращения: 24.05.2022)
8. Canada's Immigration Policy: a Focus on Human Capital. URL: <https://bit.ly/2PtIBUR> (дата обращения: 01.06.2022)
9. Canadian Multiculturalism Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (дата обращения: 31.05.2022)
10. Central American Migration: Root Causes and U.S. Policy. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11151.pdf> (дата обращения: 29.05.2022)
11. Facts on U.S. immigrants. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2020/08/20/facts-on-u-s-immigrants/> (дата обращения: 20.05.2022)
12. Getting Migration in the Americas Right. URL: <https://www.americanprogress.org/article/getting-migration-americas-right/> (дата обращения: 23.05.2022)
13. How U.S. immigration laws and rules have changed through history. URL: <https://pewrsr.ch/3aFelux> (дата обращения: 26.05.2022)
14. Immigrant Communities and COVID-19: Strengthening the Public Health Response. URL: <https://ajph.aphapublications.org/doi/10.2105/AJPH.2021.306433> (дата обращения: 30.05.2022)
15. Immigration Policy in Canada. URL: <https://bit.ly/3sPh5OZ> (дата обращения: 31.05.2022)
16. Immigration to Canada // The Canadian Encyclopedia. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/immigration> (дата обращения: 01.06.2022)
17. Minister of Immigration, Refugees and Citizenship Mandate Letter. URL: <https://bit.ly/3NMRzUV> (дата обращения: 02.06.2022)
18. Secure Fence Act of 2006. URL: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ367/PLAW-109publ367.pdf> (дата обращения: 22.05.2022)
19. To Reverse Trump's Disastrous Legacy in Latin America, Here Are Key Actions the Biden Administration Should Take in its First Year. URL: <https://www.wola.org/analysis/trump-legacy-latin-america-biden-first-year/> (дата обращения: 28.05.2022)
20. Trump wall: How much has he actually built? URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-46824649> (дата обращения: 28.05.2022)
21. U.S. Southwest Border Security Initiatives. URL: <https://bit.ly/30u8gho> (дата обращения: 23.05.2022).

References

1. Garusova L.N. The evolution of immigration policy of the USA: the illegal immigration factor / L.N. Garusova // *Russia and APR*. 2020. №1. P. 104–117. (In Russ.)
2. Hart-Celler Immigration Act: correction of the historical mistake of the USA. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008043> (accessed 21.05.2022) (In Russ.)
3. Kanaev E.A. Immigration policy in the XXI century: USA example / E.A. Kanaev, D.A. Koche-gurov // *Current European Prblms*. 2018. №1. P. 58–76. (In Russ.)
4. Trump's wall: main things about the most ambitious project of the U.S. president. URL: <https://bit.ly/3pVhApL> (accessed 27.05.2022) (In Russ.)
5. Tripol'skiy M. Is The Wall Against Illegals Necessary for the United States? URL: <https://bit.ly/3e8P4Oo> (accessed 22.05.2022) (In Russ.)
6. What is DACA and why all federal agencies of the USA suspended their work because of it? URL: https://thequestion.ru/questions/355074/chto_takoe_daca_i_pochemu_iz_za_nego_vse_8968d9cc (accessed 25.05.2022) (In Russ.)
7. Alabama HB 56 Act. URL: <https://bit.ly/3tcv4hR> (accessed 24.05.2022)
8. Canada's Immigration Policy: a Focus on Human Capital. URL: <https://bit.ly/2PtIBUR> (accessed 01.06.2022)
9. Canadian Multiculturalism Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (accessed 31.05.2022)
10. Central American Migration: Root Causes and U.S. Policy. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11151.pdf> (accessed 29.05.2022)
11. Facts on U.S. immigrants. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2020/08/20/facts-on-u-s-immigrants/> (accessed 20.05.2022)
12. Getting Migration in the Americas Right. URL: <https://www.americanprogress.org/article/getting-migration-americas-right/> (accessed 23.05.2022)
13. How U.S. immigration laws and rules have changed through history. URL: <https://pewrsr.ch/3a-Felux> (accessed 26.05.2022)
14. Immigrant Communities and COVID-19: Strengthening the Public Health Response. URL: <https://ajph.aphapublications.org/doi/10.2105/AJPH.2021.306433> (accessed 30.05.2022)
15. Immigration Policy in Canada. URL: <https://bit.ly/3sPh5OZ> (accessed 31.05.2022)
16. Immigration to Canada // *The Canadian Encyclopedia*. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/immigration> (accessed 01.06.2022)
17. Minister of Immigration, Refugees and Citizenship Mandate Letter. URL: <https://bit.ly/3NMRzUV> (accessed 02.06.2022)
18. Secure Fence Act of 2006. URL: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ367/PLAW-109publ367.pdf> (accessed 22.05.2022)
19. To Reverse Trump's Disastrous Legacy in Latin America, Here Are Key Actions the Biden Administration Should Take in its First Year. URL: <https://www.wola.org/analysis/trump-legacy-latin-america-biden-first-year/> (accessed 28.05.2022)
20. Trump wall: How much has he actually built? URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-46824649> (accessed 28.05.2022)
21. U.S. Southwest Border Security Initiatives. URL: <https://bit.ly/30u8gho> (accessed 23.05.2022).

Информация об авторе

Даниил Андреевич Рыбачук, соискатель степени канд. полит. наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ska-i@mail.ru

Information about the author

Daniil A. Rybachuk, Applicant for the degree of Candidate of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ska-i@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 09.06.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 14.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

"Заброшки" города Хабаровска в структуре городского пространства

Максим Вадимович Клиценко

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 007756@pnu.edu.ru

Дмитрий Сергеевич Целуйко

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, dima123117@gmail.com

Аннотация. Городское пространство постоянно меняется и развивается. В этом пространстве меняется общество, архитектурные традиции, принципы построения инфраструктурных объектов и многое другое. Появление заброшенных зданий в этом случае становится неотъемлемой частью развития города. По сути эти здания не пригодны для эксплуатации в первоначальном своем замысле, но это вовсе не означает, что они не могут эксплуатироваться в настоящем. Здания не устаревают, они сохраняют историческую, культурную, эстетическую, архитектурную ценность что и объясняет их новую роль. Хабаровск в этом плане не является исключением, на территории города большое количество заброшенных зданий, и в рамках данной статьи рассмотрена лишь небольшая их часть: башня Инфиделя, мельница Н.И. Тифонтая, спиртзавод купца Богданова, усадьба купца Богданова. Предложены возможные варианты использования этих зданий с учетом современных тенденций развития городского пространства.

Ключевые слова: *Хабаровск, социальное пространство, архитектура, урбанистика, заброшенные здания*
Для цитирования: Клиценко М.В., Целуйко Д.С. "Заброшки" города Хабаровска в структуре городского пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 100–113. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Khabarovsk abandoned buildings in urban space structure

Maksim V. Klitsenko,

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 007756@pnu.edu.ru

Dmitriy S. Tseluiko,

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, dima123117@gmail.com

Abstract. Urban space is constantly changing and evolving. Society, architectural traditions, principles of building and are changing in this space too. The appearance of abandoned buildings becomes an integral part of city development. In fact, these buildings are not suitable for use in their original design, but this does not mean it cannot be used in the present at all. Buildings do not become obsolete, they retain their historical, cultural, aesthetic, architectural value, which explains their new role. Khabarovsk is not an exception as a city, there are a number of abandoned buildings in city territory, and a small part of them are considered in this article: the Infidel tower, N.I. Tifontal mill, distillery of merchant Bogdanov, estate of merchant Bogdanov. Possible options of these buildings usage are proposed, taking into account modern trends in the development of urban space.

Key words: *Khabarovsk, social space, architecture, urbanism, abandoned building*

For citation: Klitsenko M.V., Tseluiko D.S. Khabarovsk abandoned buildings in urban space structure // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 100–113. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Введение

Любой исторический этап связан с трансформацией, которая касается буквально всех сфер жизни. Меняются институты (как формальные, так и не формальные), меняются механизмы взаимодействия власти и гражданского общества, меняется культура, привычки, традиции. Наконец, меняются люди. Среди упомянутых процессов важно разглядеть, что город, а вернее, городское пространство, тоже меняется. Эти изменения выражаются не только во взаимоотношениях людей, но и в буквальном смысле – происходит реконструкция зданий и улиц. Неудобные сооружения сносятся, а нужные здания реконструируются и расширяются. В этой бесконечной череде перемен в городском пространстве остаются здания, которые остались без внимания. Они не эксплуатируются, т.е. не используются по прямому назначению, но и не сносятся для освобождения места под строительство новых объектов. Об этих забытых зданиях ("заброшках") и пойдет речь в настоящем исследовании.

На сегодняшний день сменилось достаточное количество эпох (страниц в истории), что практически в любом городе можно найти "заброшки". Следовательно, в широком смысле эта тема не является новой, есть примеры городов, где "заброшки" не просто получили внимание, но вдохнули новую жизнь. Приведем подходящие примеры реноваций заброшенных зданий в современных условиях: музей на заброшенной фабрике в Риме; арт-галерея в банков-

ском офисе в Берлине; ночной клуб в здании церкви в Амстердаме; автономный культурный центр в военной части Люблины, арт-центр в здании банка в Париже; фабрика культуры в трамвайном депо в Хельсинки; бар в руинах в Будапеште; клуб в здании электростанции в Берлине¹. Примеров по всему миру достаточно количество, что говорит об актуальности и прикладном характере рассматриваемой темы. В связи с этим, для настоящего исследования новизна определяется географическим контекстом. Для Хабаровска тема "заброшек" изучена слабо, поэтому авторами ставилась основная задача – ввести в научный оборот объекты ("заброшки"), расположенные на территории города Хабаровска, которые игнорируются научным сообществом.

Теория и методология

Специфика объектов, т.е. "заброшек", предполагала использование методологии case study, суть которой заключается в анализе социального феномена на примере отдельного эмпирического объекта². Использование этой методологии предполагает применение инструментария качественных исследований.

В первую очередь речь идет о наблюдении, т.к. являясь жителями города Хабаровска, авторы неоднократно обращали внимание на "заброшки", вписанные в городское пространство и которые всячески избегаются местным сообществом.

Фотографирование, которое необходимо для фиксации изменений данных объектов со временем. Пользуясь открытыми источниками данных, авторам необходимо было самостоятельно зафиксировать нынешнее состояние рассматриваемых объектов. Т.к. здания находятся вне государственного и правового регулятора, фактическое состояние может существенно отличаться от предложенного в открытых источниках.

Общение с экспертами. В данном случае экспертами выступают не столько специалисты в области социологии и архитектуры (хотя их мнение, безусловно, имеет ценность для исследования), сколько местные жители и особенно старожилы, которые несут в себе уникальную информацию об объектах городского пространства.

Используемые методы относятся к разным научным сферам (что лишнее раз подчеркивает междисциплинарность объекта), но язык описания намеренно выбран социологический как основополагающий для описания такого рода объектов.

Анализ литературы

На современном этапе научный интерес основан на понимании и толковании микроурбанистики как междисциплинарного направления, сформировавшегося в рамках урбанистики, имеющего целью анализ городского пространства на микроуровне и предполагающего использование научных концепций и идей, а также аналитических инструментов, сложившихся в рамках других дисциплин и направлений. В связи с этим отметим фундаментальные труды зарубежных и российских авторов в микроурбанистике.

В первую очередь, стоит обратить внимание на концепцию городского пространства Чикагской школы социологии и Лос-Анджелесской школы урбанистики. В рамках их исследований объектами выступали не конкретные здания, а город, который имеет сложную структуру и который рассматривается не только как физическое, но и социальное пространство [12].

Дальнейшие исследования в этом направлении связаны с именем А. Лефера, и прежде всего с его концепцией производства социального пространства [8]. Дуалистический подход в заданной теме принадлежит Дж. Джейкобс [6] и Я. Гейлу [4] которые, с одной стороны, продолжают традиции и Чикагской, и Лос-Анджелесской школ, а с другой – А. Лефевра и его последователей.

¹ Все примеры из источника: 10 заброшенных объектов по всему миру. <https://34travel.me/post/zabrosheno>

² См. подробнее: Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании / А.В. Ваньке, Е.В. Полухина, А.В. Стрельникова; Нац. иссл. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020 – 256 с.

Нельзя не отметить и работы Р. Ольденбурга, который описывает новые (третьи в интерпретации Р. Ольденбурга) места для встреч на территории современного города [10]. При этом говорится о том, что это не обязательно должны быть новые отстроенные здания. Наоборот, здание, которое хранит в себе историю, будет более востребовано в качестве общественного пространства.

В российских исследованиях, в первую очередь, стоит отметить фундаментальные исследования Нефедовой Т.Г. о городских и сельских пространствах, об особенностях формальных и неформальных практик внутри этих пространств [9], а также исследования Трейвиша А.И., рассматривающего проблемы урбанизации в российских городах, а также динамику развития региональных пространств [13].

Здесь же отметим исследования А.Н. Демьяненко, посвященные декомпозиции городского пространства Хабаровска [5], а также статью А.Ф. Гарнага и И.Ф. Ярулина о вернакулярном районировании города Хабаровска [19]. Это исследования, на основании которых возможно представить позиционирование рассматриваемых "заброшек" Хабаровска.

Отметим исследования, касающиеся российских "заброшек". В научных изданиях в разделах урбанистики (см. Микроурбанизм. Город в деталях) все чаще обращают внимание на эти объекты городского пространства. Например, в исследовании Шевелева Е.В. обозначается значимость заброшенных зданий на территории города [18], или исследования Абрамова Р.Н., которое описывает заброшенные здания с позиции интереса туристов³ [1].

Важно заметить, что сумма отечественных и зарубежных исследований не приводит к синтезированию проблем города к проблеме города. Чаще всего это отдельные сюжеты, которые встроены в городское пространство, но которые не решают проблему городского пространства. Отсутствует некая объединяющая сила, позволяющая говорить о методологической готовности рассматривать "заброшки".

Объекты

"Заброшка" как объект исследования может быть достаточно простым, если смотреть с точки зрения отдельной науки. Например, с точки зрения архитектуры многие здания не представляют интереса и их исчезновение не станет утратой, в равной степени, как и для социологов, многие здания не интересны в качестве объекта исследования, несмотря на их уникальный орнамент или расписной фасад.

Если "заброшки" становятся объектом междисциплинарного исследования, они приобретают гибридный характер и объединяют в себе социальный и природный аспекты. Такая комбинация позволяет увидеть в "заброшке" уникальность, которую можно использовать для изучения социального городского пространства.

Однако, прежде чем проводить анализ уникальности гибридного объекта, нужно его идентифицировать в городском пространстве, и в данном случае наибольшую эффективность дает метод экспертного интервью. В качестве экспертов могут выступать краеведы, архитекторы, социологи, старожилы города, которые обладают уникальной информацией. Уникальность определяется не только архивными знаниями, но и опытом взаимодействия с городским пространством, что характерно только для местных жителей. Здесь же отметим, что рассматриваемые объекты в силу своей специфики не входят в реестры архитектурных и/или исторических зданий города, не охраняются государством, т.е. не имеют признаков типичных памятников. Из этого следует два важных следствия. Во-первых, невозможно составить полный перечень таких зданий, во-вторых, понимание уникальности объектов хранится внутри городского пространства.

Все это неизбежно приводит нас к использованию метода кейс стади, т.е. анализа конкретных объектов, а также к интервью с экспертами, которое позволило выделить наиболее яркие "заброшки" города Хабаровска. Оговоримся, что приведенный список не является исчерпывающим, на данном этапе

³ Под туристами подразумеваются и местные жители, которые пытаются разнообразить свой отдых в черте города

Фото 1. Башня Инфиделя.

Photo 1. The Infidel Tower.

Источник: URL: <https://telegra.ph/file/218aea5e2877dc298f783.jpg>

Source: URL: <https://telegra.ph/file/218aea5e2877dc298f783.jpg>

Фото 2. Мельница Н.И. Тифонтая.

Photo 2. N.I. Tifontai mill.

Источник: URL: <https://aviamaniya.ru/wp-content/uploads/2017/12/Habarovskdostoprimechatelnosti-foto-s-opisaniem-4.jpg>

Source: URL: <https://aviamaniya.ru/wp-content/uploads/2017/12/Habarovskdostoprimechatelnosti-foto-s-opisaniem-4.jpg>

Фото 3. Спиртзавод купца Богданова.
Photo 3. Distillery of merchant Bogdanov.

Источник: URL: https://primamediamts.gcdn.co/f/big/2549/2548885.jpg?bb7f6c70655_a78e095ca194_bf12eab40
Source: URL: https://primamediamts.gcdn.co/f/big/2549/2548885.jpg?bb7f6c70655_a78e095ca194_bf12eab40

Фото 4. Усадьба купца Богданова.
Photo 4. Estate of merchant Bogdanov.

Источник: URL: http://opkhv.ru/files/styles/view/public/images/nodes/2021/7328_13170.jpg?itok=yrcXPcrj
Source: URL: http://opkhv.ru/files/styles/view/public/images/nodes/2021/7328_13170.jpg?itok=yrcXPcrj

исследования основная задача состояла в постановке проблемы "заброшек" города Хабаровска на конкретных примерах.

Объекты, выбранные для исследования.

Объекты были выбраны как участки с потенциалом для урбанистического развития и имеющейся культурной ценностью. Они являются яркими примерами популярных архитектурных стилей конца XIX – начала XX в.в. Это касается не только элементов здания (декора), но и объемно-пространственного решения комплексов [20; 22; 23].

Мельница Н.И. Тифонтая расположена в исторической части города, в то время как башня Инфиделя, усадьба купца Богданова, спиртзавод купца Богданова расположены в северной части города, которая менее заселена и обладает свободными территориями. Спиртзавод и мельница расположены на пересечении крупных транспортных артерий города, а усадьба и башня Инфиделя спрятаны от массового потока горожан и посетителей. Общая черта всех выделенных объектов – все они расположены недалеко от береговой линии Амура (фото 1).

Каждый из объектов обладает уникальной историей и является культурным объектом в пространстве города. Происхождение башня Инфиделя (дом архитектора) до сих пор вызывает много споров: некоторые утверждают, что это был секретный военный объект, можно найти версию что это чьё-то частное здание (от сюда и происходит название Дом архитектора), но одна из наиболее распространённых говорит о том, что сооружение было построено как часть технических зданий для железнодорожного туннеля под рекой Амур.

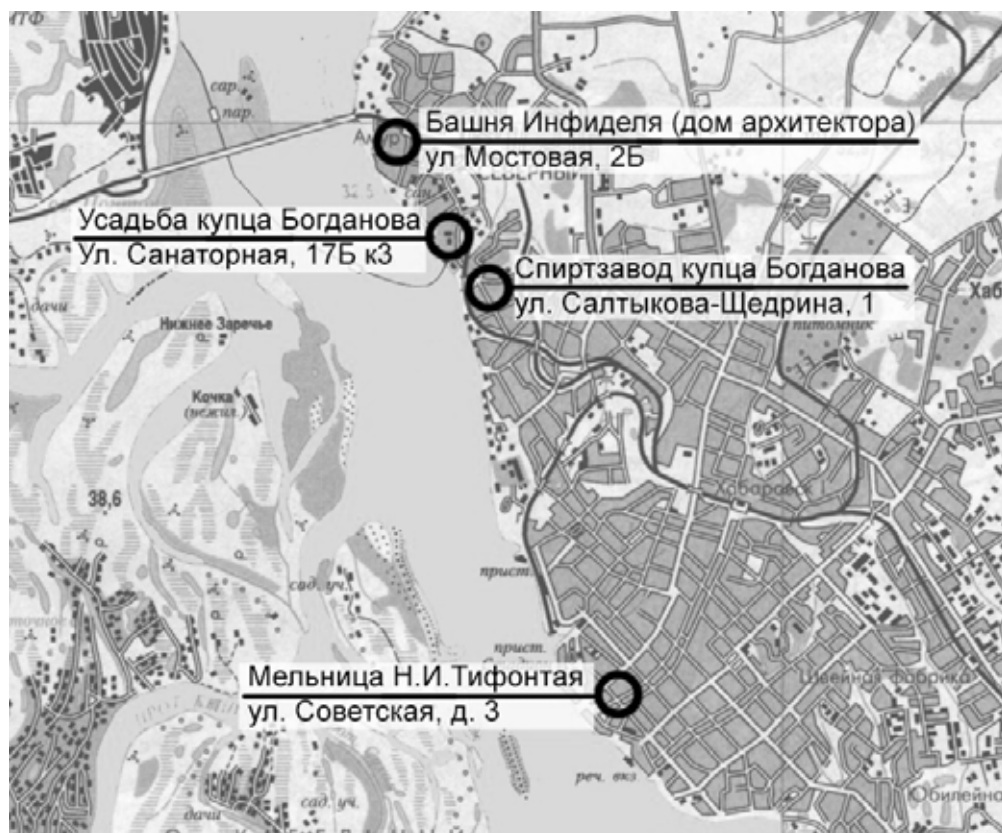

Рис. 1. Расположение объектов на территории города Хабаровска.

Fig. 1. Object setting in Khabarovsk.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

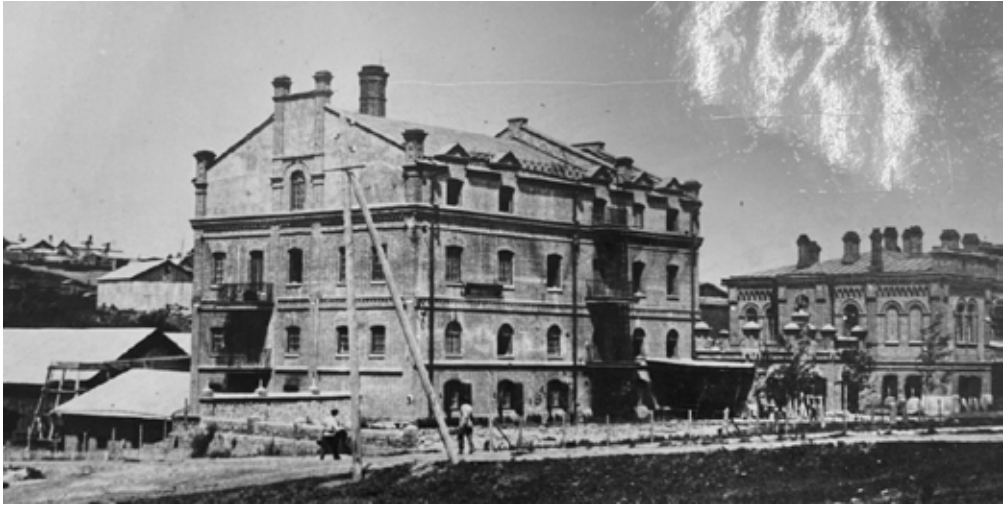

Фото 5. Мельница Н.И. Тифонтая.

Photo 5. N.I. Tifontai mill.

Источник: URL: https://khabarovsk.md/uploads/posts/2021-07/1625296099_melnica-tifontaj-sejchas-na-ee-meste-ruiny-min.jpg

Source: URL: https://khabarovsk.md/uploads/posts/2021-07/1625296099_melnica-tifontaj-sejchas-na-ee-meste-ruiny-min.jpg

Большое количество городских легенд, а также тот факт, что именно с этого здания была сделана фотография для банкноты номинала пять тысяч рублей. Все это делает данное здание культовым в рамках города, не смотря на отсутствие какой-то выразительной архитектуры и его недостроенное состояние.

Мельница Н. И. Тифонтая (фото 5) и спиртзавод купца Богданова (фото 6), выполненные в русском архитектурном стиле, являются бывшими промышленными сооружениями, но в XXI веке при пожаре они полностью пришли в негодность. На данный момент они представляют собой только наружные стены, без межэтажных перекрытий и кровли. Внутри так же отсутствует какое-либо оборудование. Будучи около ста лет назад центрами производства, в 2022 году от них остались только архитектурные "декорации". Усадьба купца Богданова (фото 7) представляет собой комплекс зданий и сооружений на большой территории, выполненных в стиле классицизм. Территория некогда принадлежала рядом расположенному санаторию, но несколько лет назад администрация продала ее частному лицу и с тех пор она меняет владельцев, которые даже не приступают к процессу реконструкции здания.

Все здания расположены в северной и центральной частях города Хабаровска вдоль Амура.

В Хабаровске существует много исторических мест, к сожалению, далеко не все находятся в первоначальном состоянии. Функции, которые исполняли объекты (паровая мельница, спиртзавод, загородная усадьба, инженерные сооружения), более не актуальны. Ввиду своей технической отсталости и конструктивного износа, рассматриваемые объекты стали играть иную роль, которая связана с сохранением истории, культуры и архитектуры.

Вопрос о реставрации памятников архитектуры очень остро стоит как для инвестора, так и для администрации города. Так как здание может быть воссоздано только в первоначальном облике и только строительными компаниями со специальной лицензией, что зачастую выходит дороже строительства нового здания. Ярким примером является усадьба купца Богданова, проданная на аукционе частному лицу в 2019 году, но по состоянию на май 2022 года никаких работ на объекте не ведется.

Необходимо отметить, что в Хабаровске есть примеры успешной приватизации архитектурно значимых зданий для реставрации и дальнейше-

Фото 6. Входная группа спиртзавода купца Богданова.

Photo 6. Entrance group distillery of merchant Bogdanov.

Источник: URL: <https://primamediamts.gcdn.co/f/big/1033/1032442.jpg>

Source: URL: <https://primamediamts.gcdn.co/f/big/1033/1032442.jpg>

го использования. Например, доходный дом С.Д. Таболова и А.А. Битарова (фото 8), который в 2021 году получил вторую жизнь. Реставрация фасада позволила сохранить исторический облик здания, однако, функциональное наполнение здания изменилось и сегодня внутри расположено предприятие общественного питания. Авторами не поднимается вопрос целесообразности расположения ресторана в таком здании, отметим лишь, что этот подход позволяет как минимум сохранить архитектуру, а это совсем не мало.

Перспективы использования

Для решения поставленной проблемы авторами предлагается отталкиваться от интересов местного сообщества – важно ли сохранить облик здания или необходимо сделать полную реконструкцию, важно ли сохранить имя че-

Фото 7. Летний дом в усадьбе купца Богданова.

Photo 7. Summer house in estate of merchant Bogdanov.

Источник: URL: https://primamediamts.gcdn.co/f/big/2549/2548864.jpg?1fc2b81647b49_55784e57270_082a1a18

Source: URL: https://primamediamts.gcdn.co/f/big/2549/2548864.jpg?1fc2b81647b49_55784e57270_082a1a18

Фото 8. Доходный дом С.Д. Таболова и А.А. Битарова после реконструкции.

Photo 8. Apartment house of S.D. Tabolov and A.A. Bitarov after reconstruction.

Источник: URL: https://snob.ru/indoc/attachments/snob2/53/e0/53e04c006c6d3ae5f43c95_944ef8_c432c8bfe3ed46cb1f3fb7a5a9b00a1a4acf.jpg

Source: URL: https://snob.ru/indoc/attachments/snob2/53/e0/53e04c006c6d3ae5f43c95_944ef8_c432c8bfe3ed46cb1f3fb7a5a9b00a1a4acf.jpg

ловека, построившего здание или необходимо сохранить заложенные функции здания и т.д.

В связи с этим рассматриваются следующие аспекты:

Сбор информации и оценка технического и конструктивного состояния объекта.

Данный этап позволит понять вектор дальнейших работ с объектом и оценить окружающее пространство комплекса.

Подбор комплексных мер для консервации здания.

В зависимости от состояния несущих конструкций здания будут разработаны различные проекты работ по объекту. Это могут быть как просто работы по сохранению текущего состояния с помощью нанесения различных растворов на конструктивные элементы или же работы, направленные на изменение конструктивной системы или отдельных ее узлов, что позволит предотвратить дальнейшее разрушение памятника, а также обеспечит безопасность на объекте.

Опрос населения для выявления наиболее востребованной общественной функции (спортивная, рекреационная, общественная, культурная и т. д.) позволит сделать проектируемый объект полезнее для местного населения.

Спортивная функция подразумевает устройство спортивных площадок, тренажеров, и прочих комплексов для активных видов отдыха. Будут предусмотрены как индивидуальные, так и командные тренажеры, и площадки.

Рекреационная функция будет представлена несколькими парковыми участками, состоящих из мест для пассивного отдыха и различных каменных растительных скульптурных и архитектурных композиций.

Общественная функция подразумевает под собой создание комьюнити центров: мест встречи и общения между людьми. Рассматривая функцию с архитектурной точки зрения, она будет отчасти пересекаться с рекреационной, но также иметь и свои собственные формы выражения, к примеру, амфитеатр, сцена и т. д.

Организация исторической среды в пространстве здания будет отводиться культурной функции. Она будет представлена в каждом из объектов, но ее так же можно развить в нечто большее чем просто баннеры с информацией и зданиями.

Каждый из рассматриваемых памятников архитектуры обладает своим стилем, который можно будет повторить в малых архитектурных формах и сооружениях на территории комплекса. Создание скульптурных композиций, рассказывающих о владельцах здания и их вклад в развитие города, также является культурной функцией.

Оценка градостроительной ситуации объекта и расположение функциональных блоков на территории. Данный пункт позволит выявить основные транспортные и пешеходные маршруты на участке, особенности рельефа, расположенные коммуникации и прочие характеристике местности. Это будет необходимо для грамотного вписывания проекта территории участка в городскую среду, что позволит составить более комфортные пешеходные и прогулочные пути для горожан, невольно погружая их в историю и атмосферу здания.

Создание проекта территории, направленного на сохранение памятника архитектуры и развития общественных пространств.

Планируется создать четыре проекта, каждый будет выполнен, учитывая особенности местности, результаты градостроительного анализа и социологического опроса, а также конструктивные, стилистические и исторические характеристики памятника.

Включение объекта в активную жизнь города (проведение городских и краевых мероприятий) и в туристические маршруты.

Возможно проведение как познавательных мероприятий регионального масштаба, так и культурных событий в зависимости от направленности комплекса.

Вопрос о придании необходимой функции территории памятника взамен утраченной.

Направленность комплекса будет выбрана с учетом градостроительного анализа (наличие функциональных зон близости и их качество) и социологического опроса (каким это место видят местные жители.)

Стилистический аспект. Гармония старой и новой архитектуры.

В данной ситуации можно пойти несколькими путями, результат будет зависеть от предпроектных анализов. Первый вариант – это создать аутентичное пространство, полностью повторяя архитектурный стиль здания, используя аналогичные элементы и материалы для наружной отделки малых архитектурных форм и сооружений на участке. Второй – это адаптация современной архитектуры под объемно-планировочную модель существующего здания. Каждый из объектов обладает своей объемной моделью, то есть это те основные архитектурные формы, на которые уже адаптируются элементы конкретного стиля. В данном случае на этапе анализа необходимо будет выявить этот объем и уже упрощенно его представить в различных архитектурных формах. Стилистически это будет выглядеть иначе, но в каждом элементе будет читаться общая концепция всего участка. Этот же прием можно использовать при воссоздании планировки комплекса, выбора открытых площадок и пешеходных дорожек.

Важным условием реализации проектов по реновации или восстановлению этих зданий является их социальная значимость. Важно сделать так, чтобы они не только приобрели исконный вид, но и могли бы использоваться в процессе развития социальных коммуникаций. Превратить эти здания исключительно в объекты созерцательного характера не отвечает современным требованиям развития городского пространства.

Заключение

Тема заброшек в городском пространстве является актуальной для многих городов России и мира. Однако за формальными признаками необходимости реноваций заброшек, о которых говорилось ранее, есть ряд социальных трудностей. Например, нежелание местного сообщества сохранять или как минимум консервировать заброшки на территории города в пользу "урбанизации" (под которой нередко понимают строительство высокоэтажных зданий). Действительно, если общий вектор развития города исходит из строительства современных зданий, подчеркивающих масштабность и функциональность городского пространства, то речи о сохранении небольших заброшенных зданий идти не может. Другой пример – комьюнити признает ценность "заброшки" с архитектурной или культурной точки зрения, но стремительное инфраструктурное развитие города нивелирует эту ценность.

Будучи жителями города Хабаровска, многолетний опыт наблюдения за рассматриваемыми объектами, а также фото фиксации объектов, позволили сделать вывод о том, что "заброшки" практически не подвержены антропогенному влиянию. Безусловно, все приведенные примеры заброшек изначально были разрушены людьми, но после того, как они перестали быть интересны даже вандалам, их дальнейшие разрушения связаны исключительно с влиянием природных факторов. В связи с этим существенная разница между фотографиями объектов разных лет практически отсутствует.

Общение с краеведами и другими экспертами позволило идентифицировать наиболее ценные заброшки города Хабаровска. При этом вопрос ценности был связан с рядом методологических трудностей. Если с архитектурной точки зрения специалисту нетрудно определить наличие или отсутствие архитектурного стиля здания, то есть признать значимость, то с точки зрения социологии значимость определяется ценностными ориентирами общества в определенный период⁴, уровнем гражданственности местного сообщества⁵, а также уровнем комфорта проживания и качества жизни в городе⁶.

⁴ Яркие примеры – драпировка мавзолея В.И. Ленина на Красной площади во время празднования дня Победы 9 мая, аналогичная драпировка памятника В.И. Ленина в Хабаровске в 2022 г. Переименование улиц и городов России в разные исторические периоды

⁵ Имеется в виду готовностью участвовать в публичных обсуждениях будущего "заброшек", проявлять заявительный характер требований в отношении этих зданий

⁶ Если местное население утопает в мусоре из-за отсутствия механизма уборки или не может избавиться от воды после дождя из-за отсутствия ливневок, или стонет из-за разваливающихся жилых домов, то сомнительным видится внимание к "заброшкам".

Предложен алгоритм восстановления рассматриваемых заброшек в Хабаровске. Первым этапом сохранения описанных объектов является консервирование их в текущем состоянии, а также разработка проекта среды вокруг зданий, создав объекты благоустройства в виде открытых общественных пространств, парковых зон, малых архитектурных форм и небольших комьюнити центров. Данный подход позволит создать неординарные исторические объекты в пространстве города, где можно встретить постройки различных периодов в хорошем состоянии, что и будет привлекать внимание не только к объекту, но и к проблеме сохранения культуры своего региона.

Отметим, что вопреки российскому тренду предлагать универсальные решения для многих проблем, авторы оставили за собой право этого не делать. Предложенные варианты, вероятнее всего, не будут подходить для других, даже схожих по формальным признакам, зданий. Рассматриваемые здания принадлежат разным по функции, времени постройки, градостроительным характеристикам, окружающей застройке объектам. Несмотря на то, что предложенный алгоритм схож для всех рассматриваемых заброшек, не стоит его рассматривать как унифицированный. Т.к. использовался метод кейс-стади, каждый конкретный случай с реновацией не является реверансом к другому.

Предложенный алгоритм нельзя масштабировать на региональный или тем более на всероссийский уровень. Данная проблема лежит в плоскости микроурбанистики⁷ и должна решаться внутри городского пространства. Это позволит определить культурный код социального пространства города, станет критерием самоопределения местного сообщества, повысит уровень аутентичности, а также станет триггером для посещения города туристами. Попытка унифицировать механизм уничтожит саму идею сохранения "заброшек", приведет к ложному выводу о бесполезности работы с ними.

Литература

1. Абрамов Р.Н. "Забытые в прошлом": освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // В кн.: Микроурбанизм. Город в деталях. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 231–255.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
4. Города для людей / Ян Гейл; Изд. на русском языке – Концерн "КРОСТ", пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
5. Демьяненко, А. Н. Особенности формирования городского пространства Хабаровской агломерации / А. Н. Демьяненко // Тихоокеанская география. 2021. № 3(7). С. 51–63.
6. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2015. – 512с.
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 40 с.
8. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
9. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М., ЛЕ-НАНД, 2013. 456 с.
10. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места "тусовок" как фундамент сообщества / Рэй Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
11. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования / Л. Е. Бляхер, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1(56). С. 67–76.
12. Соя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3 (66). С. 130–140.
13. Трейвиш, А. И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа / А. И. Трейвиш; Российская академия наук, Институт географии. Москва: Новый хронограф, 2009. 372 с.
14. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
15. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 215–236.

⁷ См. подробнее: Demyanenko A.N., Klitsenko M.V., Ukrainsky V.N. Microurbanism: In the Search of Analytical Tools for the Study of Transformation Processes in Urban Spaces. Khabarovsk Example. March 2021IOP Conference Series Materials Science and Engineering 1079(2):022070

16. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
17. Хилл П. Рынки как места торговли // Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 517–523.
18. Шевелев Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // В.О. Бредникова, О. Запорожец (ред.). Микроурбанизм. Город в деталях. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.42–63.
19. Ярулин, И. Ф. Особенности взаимодействия населения города Хабаровска с городской средой / И. Ф. Ярулин, А. Ф. Гарнага // Регионалистика. 2019. Т.6. №1. С.40–50.
20. Bazilevich M.E. and Tceluiko D.S. The Influence of professional activities of railway engineers on the development of architecture in the Far East at the turn of the 19th–20th centuries // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 753 022070. doi:10.1088/1757-899X/753/2/022070
21. Demyanenko, A.N., Klitsenko, M.V., Ukrainsky V.N. Microubanism: In the Search of Analytical Tools for the Study of Transformation Processes in Urban Spaces. Khabarovsk Example // International Science and Technology Conference (FarEastCon 2020).
22. Tceluiko D.S. The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945) // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 962 032078.
23. Tceluiko D.S. The Architecture of Banking Institutions in Changchun City (first third of the 20th century) // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2021. 1079 022046.

References

1. Abramov R.N. Forgotten in Past: reclaiming abandoned spaces and the phenomenon of new urban tourism. Moscow: New Literary Review, 2014. P. 231–255 (In Russ.)
2. Bakhmann-Medik D. Cultural turns. New orientations in the study of culture. Moscow: New Literary Review, 2017. 504 p. (In Russ.)
3. Weber M. The City. Moscow: Strelka Press, 2017. 252 p. (In Russ.)
4. Gehl, J. Cities for people. Moscow: Albina Publisher, 2012. 276 p. (in Russ.)
5. Demyanenko A.N. Formation features of urban space in Khabarovsk agglomeration. Vladivostok: Pacific Geography. 2021. No 3(7). P. 51–63. (In Russ.)
6. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. Moscow: New Publishing, 2015. 512 p. (In Russ.)
7. Simmel G. The Metropolis and Mental Life. Moscow: Strelka Press, 2018. 40 p. (in Russ.)
8. Lefebvre H. The Production of Space. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. (in Russ.)
9. Nefedova T.G. Ten Topical Issues about Rural Russia. A Geographer's Viewpoint. Moscow: Lenand, 2013. 456 p. (In Russ.)
10. Oldenburg R. The great good place: Cafes, coffee shops, bookstores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community. Moscow: New Literary Review, 2014. 456 p. (in Russ.)
11. Blyakher L.Y., Demyanenko A.N., Kireev A.A. Region: problems of conceptualization, identification and construction // Ojkumena. Regional researches/ 2021. No 1(56). P. 67–76. (In Russ.)
12. Soja E. Writing the City Spatially // Logos/ 2008. No 3 (66). P. 130–140 (In Russ.)
13. Treivish A.I. City, Region, Country and World. Development of Russia through the Eyes of a Country Expert. Moscow: New Chronograph, 2009. 372 p. (In Russ.)
14. Urry J. Mobilities. Moscow: Praksis, 2012. 576 p. (In Russ.)
15. Foucault M. Of other Spaces // Intellectuals and power: Selected politic articles, performance and interview. Moscow: Praksis, 2006. Issue 3. P. 215–236. (In Russ.)
16. Harvey D. Social Justice and the City. Moscow: New Literary Review, 2018. 440 p. (In Russ.)
17. Hill P. Markets as Places of Trade. Moscow: Infra-M, 2004. P. 517–523 (In Russ.)
18. Shevelev E.V. City with(out) a person: practices of empty and abandoned spaces development. Moscow: New Literary Review, 2014. P. 42–63 (In Russ.)
19. Yarulin I.F., Garnaga A.F. Interaction features of Khabarovsk citizens with urban environment // Regionalistika, 2019. No 1. P. 40–50. (In Russ.)
20. Bazilevich M.E. and Tceluiko D.S. The Influence of professional activities of railway engineers on the development of architecture in the Far East at the turn of the 19th–20th centuries // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 753 022070. doi:10.1088/1757-899X/753/2/022070
21. Demyanenko, A.N., Klitsenko, M.V., Ukrainsky V.N. Microubanism: In the Search of Analytical Tools for the Study of Transformation Processes in Urban Spaces. Khabarovsk Example // International Science and Technology Conference (FarEastCon 2020).
22. Tceluiko D.S. The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945) // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 962 032078.
23. Tceluiko D.S. The Architecture of Banking Institutions in Changchun City (first third of the 20th century) // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2021. 1079 022046.

Информация об авторах

Максим Вадимович Клиценко, канд. социол. наук, директор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 007756@pnu.edu.ru
Дмитрий Сергеевич Целуйко, старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: dima123117@gmail.com

Information about the authors

Maksim V. Klitsenko, Candidate of Sociological Sciences, Director of Higher School of Media, Communication and Service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007756@pnu.edu.ru
Dmitriy S. Tseluiko, Senior Lecturer, Architecture and Urbanism Department, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: dima123117@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 30.06.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 05.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 339.564:378(571.63)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Народные знания об осоковых растениях у коренных малочисленных народов Севера: аксиологический аспект

Владимир Викторович Подмаскин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлён анализ ценностных установок, зафиксированных в народных знаниях об осоковых у коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Ценностные жизненные ориентиры о растениях, отражая в языке, истории и культуре региональные хозяйственные и духовные черты, стали основой менталитета этноса.

Ключевые слова: *аборигены, народные знания, осоковые, аксиологический аспект, Дальний Восток России*
Для цитирования: Подмаскин В. В. Народные знания об осоковых растениях у коренных малочисленных народов Севера: аксиологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 114–123. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Folk knowledge about sedge plants among the indigenous peoples of the North: an axiological aspect

Vladimir V. Podmaskin,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the value attitudes recorded in the folk knowledge about sedge among the indigenous peoples of the North (Indigenous Peoples of the North). Value life orientations about plants, reflecting regional economic and spiritual features in language, history and culture, became the basis of the mentality of the ethnic group.

Key words: *natives, folk knowledge, sedge plants, axiological aspect, Russian Far East*

For citation: Podmaskin V. V. Folk knowledge about sedge plants among the indigenous peoples of the North: an axiological aspect // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 114–123. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Многие исследователи (В.К. Арсеньев, Ю.А. Сем, В.С. Стариков, Н.М. Пржевальский, Л.И. Шренк и другие), изучая историю и культуру аборигенов Дальнего Востока России, отметили значимость осоковых в жизнеобеспечении и духовной культуре. Предметом специального анализа стало описание различных характеристик осоки у коренных малочисленных народов Севера (КМНС) (*фото 1*). Она лечила людей, служила пищей, традиционно описывалась в фольклоре и легендах, а также в магических заклинаниях и обрядах. В связи с этим наблюдается потребность в выявлении двух древних взаимосвязанных потоков – рационального и иррационального опыта с позиции ценностной ориентации.

Семейство осоковые включает около 100 родов и 4000 видов. В массовом количестве эта трава встречается в сырых и болотистых местах. Осока (*Carex*) и пушица (*Eriophorum*) характерны для умеренных и холодных областей. Пушица растёт преимущественно в тундре и на севере лесной зоны [5, с. 295]. На её старых кочках обильно разрастаются брусника, голубица, багульник. К настоящему времени на территории Дальнего Востока России произрастает около 400 видов осок рода (*Carex*) (*фото 1*) [5, с. 308].

В традиционном обществе особенность флоры воздействует на специфику повседневной жизни. Кормовая территория, животные, растения и минеральные вещества, действующие стихийные силы, живущие группы людей – всё это мыслилось как единое целое в тождестве с природой. Природе приписывались человеческие свойства. Подобные взгляды отразились в знаниях об осоковых. Генезис этих знаний связан с трудовой деятельностью и духовным совершенством их носителей [20, с. 193].

Фото 1. Болото с осокой на возвышенных кочках, с. Красный Яр, Пожарский район, Приморский край, март 2021 г.

Photo 5. Swamp with sedge on elevated hummocks, village Krasny Yar, Pozharsky district, Primorsky Krai, March 2021.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin.

Важную роль в жизнеобеспечении КМНС занимали собирательство готовых даров природы и переработка растительного сырья. Дикорастущие растения давали человеку пищу богатую белками и витаминами, лекарства, красители, дубильные вещества, кроме того, материал для пошива одежды, построек, изготовления средств передвижения, орудий труда и утвари [20, с. 207, 301–302; 6, с. 140–141, 187, 193, 211].

Знания об осоковых в сочетании с топонимикой стали своего рода символом этнической принадлежности КМНС. Например, названия гидронимов: Сахалян-Ула (р. Амур) [11, с. 575], Сунгари-Ула (приток р. Амура) [26, с. 126], в Приморье Тумань-Ула (Туманная), Улахе (Верховина), а также эвенкийское Унты (приток р. Самарги), нивхские и айнские Киуси (от ки – "обувь") на Сахалине, Кукси (приток р. Самарги), Киур в Приамурье обозначали места, где издавна охотники и рыбаки собирали сухую траву осоки для стелек в национальную обувь (фото 2) [21, с. 215; 2, с. 63; 15, с. 70].

Происхождения гидронимов Ула может быть связано с маньчжурским названием "река (большая)", удэгейским и ороческим ули – "река" [26, с. 260], а также в значении "вода, река" – с кетским ул, уль [16, с. 574].

Эвенкийский и удэгейский топоним Унты – "длинные сапоги из кожи оленя или лося" можно сравнить с подошвой или стелькой из травы для обуви [26, с. 257, 275]. В традиционном обществе обувь символизировала связь земли с человеком. Как видно из примеров, в номинации гидронимов нашли отражения географически особенности и хозяйственные формы природопользования.

Фото 2. Академик П.Г. Горовой с пучком осоки для стельки в обувь, с. Красный Яр, Пожарский район, Приморский край, март 2021 г.

Photo 2. Academician P.G. Gorovoy with a bunch of sedge for insoles in shoes, village Krasny Yar, Pozharsky district, Primorsky Krai, March 2021.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin

Удэгейцы и орочи осоковые растения называли хайкта, паякта [20, с. 221], различая по характеру стебля два вида: толстые и тонкие. Толстостебельную осоку называли вокто угокта, тонкую в зависимости от цвета делили на три подвида: вокто тагани – рыжая; сулаи гайтани – красная, похожая на цвет шерсти лисы; наму гайтани – зеленоватая, сравнимая с цветом морской воды [12, с. 102]. Эта "растительная шерсть" не ломается при сгибе, быстро высыхает. Её укладывали длинным пучком от пятки вдоль ступни. Заготовка осоки осуществлялась в октябре. Женщины запасали 10–20 снопов сухой травы на зимний сезон [21, с. 116].

Ю. А. Сем и Л.И. Сем, изучая лексику нанайского языка, связанную с растительным миром, отметили, что некоторые названия растений образуются при помощи суффиксов кта/ктэ, хта/хто. Кроме нанайского языка эти суффиксы для названий растений и ягод встречаются также в удэгейском, орочском, солонском, негидальском, орокском, ульчском, маньчжурском, эвенкийском и эвенском языках [24, с. 20–21], что, вероятно, характеризует длительные этногенетические и культурные связи.

У тунгусо-маньчжуров и эскимосов прослеживаются параллели в названии пушицы (Eriophorum). Нанайцы, уйльта (ороки), ульчи именовали это растение наокта, эскимосы нывук [-т] [25, с. 575; 26, с. 309], эвенки, эвены, солоны, негидальцы, орочи сухой осоке дали название орокто [26, с. 24]. Там также знакома осока улоцо. Это была та самая трава ула-цхао, которую маньчжуры считали в числе трёх благ (два других – соболь и женьшень), да-

рованных небом их родине [22, с. 112; 27, с. 93].

Общность названий осоковых сохранилась также в языке сахалинских айнов и нивхов. Например, айны именовали семейство осоковых ки, сухую траву для стельки в обувь называли сахтэ ки [4, с. 132], сахалинские нивхи всем видам осоковых дали названия киусь, амурские нивхи – киур [11, с. 473].

Тунгусо-маньчжуры и нивхи, чтобы сделать осоку пригодной для употребления, высушенные снопики предварительно обрабатывали, поколачивая каждый пучок деревянным молотком-колотушкой. Делали это на невысокой деревянной подставке – большом чурбане или коротком обрезке бревна. При такой обработке волокна осоки разбиваются – жёсткая трава становится эластичной. Пучок проколотенной осоки держался на ноге, не рассыпаясь, более недели [20, с. 222].

Применение осоки вместо стелек и для обёртывания ступни ног было характерно также для айнов [4, с. 34], нанайцев [17, с. 799], кетов, селькупов, ненцев, эвенков, хантов, манси, охотников хакасов и др. [1, с. 144]. Сухая осока обладала свойствами удалять запах пота ног и предохранять их от ушибов, не создавая шума во время передвижения, что было важно для охотника и рыбака. Употребление её в этой роли – свидетельство приспособленности быта КМНС к местным природным условиям.

Осоковые имеют большое значение в природе, выполняют очень важную роль в биосфере как аккумуляторы пресной воды. Кроме того, болота и берега водоёмов с зарослями осоковых служат местами обитания, убежищами и кормовыми угодьями для многих птиц и зверей [5, с. 310]. Чукчи и коряки заметили, что

Фото 3. Удэгейцы. Ритуальная скульптура из осоки от болезни ног. 1976 г.

Photo 3. Udege. Ritual sculpture from sedge for leg disease. 1976.

Источник: Музей института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, стенд 84, кол. № 31. Фото В.В. Подмаскина.

Source: Museum of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, stand 84, col. No. 31. Photo by V.V. Podmaskin.

Фото 4. Ботаник П.Г. Горовой и удэгейец В.Н. Кялунзига собирают осоку для химического анализа. С. Рошино, Красноармейский район, Приморский край, апрель 2020 г.

Photo 4. Botanist P.G. Gorovoy and Udege V.N. Kalunziga collect sedge for chemical analysis. Village Roshchino, Krasnoarmeisky district, Primorsky Krai, April 2020.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin.

осоки (ситник) – ценный ранневесенний корм для северного оленя и лося [5, с. 290] (фото 2).

Сохранились сообщения о пищевых свойствах осоковых у нанайцев и юкагиров. В.А. Туголуков отмечал, что юкагирские женщины съедобные корни осоки извлекали из запасов полевых мышей. Из промытых в тёплой воде корней и истолчённых вместе со свежей селёдочной икрой, они пекли блины – "барабаны" [18, с. 96]. На Нижнем Амуре распространён клубнекамыш приморский. Нанайцы размельчённые его клубни холгокта иногда применяли как примесь к муке [23, с. 111].

КМНС использовали ряд видов осок в народной медицине. Нивхи кожные заболевания успешно излечивали отваром из корня осоки кисью [10, с. 134]. При головной боли уйльта (ороки) вешали на волосы пучок осоки [6, с. 212]. У айнов изображению змеи из осоки приписывалось магическое воздействие на зрителя [9, с. 87]. Нивхи пучок крупноголовой осоки подвешивали при гриппе на косяк двери, чтобы отпугнуть духа болезни [10, с. 139]. Священным местом считалось кочковатое болото, на котором росла осока и ягоды. Ходить и играть детям здесь не разрешалось.

Некоторые растения (чаще всего лекарственные), по мнению КМНС, обладали чудодейственными свойствами, оберегали жизнь и здоровье людей. В "магический" список попали мухомор, шиповник, можжевельник, багульник болотный, ива, трутовик, морские водоросли и другие. Например, нанайцы и удэгейцы из сухой травы осоки изготавливали севохи – вместилище для болезнетворных злых духов (фото 3). По сообщению филолога С.Н. Оненко, во время неудачной рыбалки нанайцы мастерили из сухой осоки божка дяога;

Фото 5. Нанайцы. Вид временного посёлка Хормольдин (материалом для строительства использовалась осока). Нижний Амур, 1856 г. Художник Е.Е. Мейер.

Photo 5. Nanais. View of the temporary settlement of Khormoldin (sedge was used as construction material). Lower Amur, 1856. Artist E.E. Meyer.

Источник: [23, с. 92].

Source: [23, p. 92].

сначала его хорошо угощали, а потом избивали палками и выбрасывали, наказывая за то, что он будто бы мешал ловить рыбу, поднимал грузила у неводов и выпускал весь улов [18, с. 179].

Ительмены в любую обувь обязательно вкладывали мягкую осоку, растущую на кочках, называли её мьнхчал [28, с. 103]; в честь бога Дустехтич они ставили на ровных местах столб, обвязанный осокой. Проходя мимо такого столба, всегда бросали кусочки пищи в жертву, около этого места не собирали ягод и не убивали ни зверя, ни птицу [19, с. 128].

Удэгейец Виктор Кялунзига (1956 г. р.) сообщил нам, что у него болели лёгкие, старики посоветовали пить воду, где растёт трава осоки хаикта (фото. 4). Рекомендацию принял к сведению – болезнь прошла. Во время эпидемий гриппа люди уходили на карантин из стойбищ и отсиживались во временных посёлках (фото 5), построенных из осоки (**Полевые материалы автора, 2020 г., с. Рошино, Красноармейский район, Приморский край**). Врач А. Васильева для принятия мер по борьбе с эпидемиями в 1869 г. был направлен на Сахалин. Он обнаружил, что коренное население не болело грибковыми заболеваниями ног (РГИА ДВ. Ф. 1 Оп 1 Д. 240 Л. 10–14)¹.

В медицине осока используется как сырьё для получения алкалоида бревиколлина, который применяется в акушерско-гинекологической практике для стимуляции родовой деятельности, при маточных кровотечениях после родов и аборт [3, с. 461].

Удэгейцы и нанайцы сухими волокнами осоки набивали тканевые подушки, матрасы и одеяла [14, с. 145, 146]. Осоковые служили материалом для плетения, преимущественно связанного с важнейшим занятием женщин. Айны юрты строили из коры и досок, снаружи и сверху прикрывали тростником или осокой [4, с. 35]. Временные посёлки нанайцев состояли из каркасных жилищ с настилами из сухой осоки (фото 5) [23, с. 92].

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Ещё в начале XX в. нанайцы, удэгейцы, орочи и айны из осоки плели пояса, фитили для добывания огня, верёвки, циновки, решётки на окна, куклы для игр [8, с. 43, 44, 46, 85] и культовые предметы [8, с. 106, 113, 116, 122] (*фото 3*). В дождливую погоду айны пользовались оригинальным плащом, изготовленным из травы осоки или тонкого тростника [13, с. 62]. У тунгусо-маньчжуров и нивхов широко известны плетенные из этой травы сумки. Из осоки нивхи изготовляли верёвки, уйльта (ороки) – петли на птиц. Маньчжуры в древности при военных маршах из травы-осоки мастерили знамёна [26, с. 24].

Способ прядения связан исключительно с производством нитей из растительного волокна, шерсти и является большим достижением в развитии техники орудий труда, служащих для создания материальных ценностей, поскольку предшествует другому великому изобретению – ткачеству. Основные орудия прядения – веретено и прялка. Аборигены Нижнего Амура и Сахалина знакомы с различными видами веретён. Прялка, вероятно, заимствована у русских. Текстильное производство относилось к числу важнейших видов домашних занятий женщин.

Сахалинские айны во время медвежьего праздника для медведя изготовляли пояс из осоки и привязывали к нему угольки (символ огня), дорожную пищу: травяные мешочки с ягодой и съедобными кореньями [9, с. 87]. У удэгейцев, когда тигр убивал человека, согласно обычному праву, осуществлялась кровная месть. Если зверя, причинившего зло, не удавалось выследить, то протыкали копьём чучело из осоки, этим ритуалом месть завершалась [29, с. 119].

Уйльта (ороки) и нивхи Сахалина из листьев осоки, обитающей по морскому побережью, изготовляли музыкальные инструменты канга (древний тип варгана) [6, с. 283]. Нанайцам были известны свирель и флейта из камышовой трубки [17, с. 804].

У айнов и уйльта сохранились представления об осоковых в фольклоре и календаре. По данным М.М. Добротворского, айнский сезонно-хозяйственный календарь фиксировал период зелёной осоки киута (март–апрель). Такая первая травка называлась тооки [4, с. 132, 138] (*фото 2*). По сообщению Е.А. Бибиковой (1941 г. р.), уйльта (ороки) осоку наокта заготавливали впрок осенью, когда она принимала рыжевато-коричневый оттенок. Сравнивали волокна растения с человеческими волосами (*фото 1*). В загадке на уйльтинском языке говорится: "Гау-гау-гајаво. Хукпэйкки чакка паикта балзини. Хаигэк тари? Токсик уну. Ган-ган гаяво. Перевод: "На кочке полно травы выросло. Что это? Точно скажи". Ответ: "Нируктэ зилиду (Волосы на голове)" (ПМА, 1976 г., с. Вал, Ногликский район, Сахалинская область)².

В древнем сознании некоторые травы имитировали волосы человека, как очень важную часть человеческого тела. Поскольку волосы сосредоточены на голове "они символизировали духовные силы, их можно соотносить с символикой воды" [7, с. 101–102]. Волосы причислялись к оберегам, чтобы отпугивать злых духов (подобные функции выполнял и дым от их сжигания).

Одухотворённый образ растений нашёл также отражение в народной загадке удэгейцев: "У кого голова из травы осоки"? Ответ: "у ритуального чучела пуданку" [21, с. 187]. Негидальцы осоку именовали сэмкукони уктэнин ("волосы кочки") [20, с. 201]. Удэгейцам запрещалось дёргать осоку на болотных кочках (по их воззрению, это головы человека), а также заплетать в косу растущую траву [21, с. 112]. По представлению нивхов, душа умершего превращается в "красную траву" [11, с. 482]. Как видно из примеров, у КМНС об осоке сложилось убеждение, наделённое человеческими свойствами явлений природы.

В 2020–2021 гг. автор данной статьи и академик Российской академии наук П.Г. Горовой побывали в с. Красный Яр и п. Рошино Приморского края с целью исследования роли осоковых в жизнеобеспечении удэгейцев. В результате экспедиции был собран гербарий осоковых, применяемых в качестве стелек в обувь, для биохимического анализа (*фото 2, 4*). В Ботанический сад ДВО РАН впервые доставлен ряд осоковых для посадки на клумбы. Выяснилось, что раньше данные растения в хозяйственной деятельности удэгейцев

² ПМА – Полевые материалы автора

занимали важное значение, поэтому традиционные поселения были сосредоточены возле локальных зон зарослей осоковых (ПМА, 2020–2021 гг.).

Таким образом, традиционные народные знания о жизни осоковых, безусловно, сыграли важную роль в обеспечении жизнедеятельности и развитии духовной культуры не только КМНС, но и народов сопредельных областей. Её волокна, обладающие устойчивыми теплозащитными свойствами, издавна использовались в качестве материала для подстилок, ими конопатили щели, набивали подушки, матрацы и одеяла, из осоки делали трут, изготавливали верёвки, сумки, предметы культа, игрушки и музыкальные инструменты. Эта трава обеспечила высокую степень адаптации к среде обитания, служила материалом для плетения, что способствовало развитию ткачества как важнейшего занятия женщин. Широкое применение осоки нашла в народной медицине и культуре питания. В народных знаниях об этом растении проявились признаки ценностных этнических установок, связанных с сохранением здоровья, что является важной задачей современности в изучении её лечебных и пищевых свойств. Поэтому сегодня рациональные знания об осоковых нужны как ресурс ботаникам, охотоведам, оленеводам, медикам, биологам, специалистам по традиционным промыслам и парковой культуре.

Литература

1. Алексеев Е.А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 261 с.
2. Гальцев-Безюк С.Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992. 218 с.
3. Гончарова Т.А. Энциклопедия лекарственных растений: (лечение травами): В 2-х тт. М.: Изд. Дом МСП, 1999. Т. 1. 560 с.
4. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875. 487 с.
5. Жизнь растений / Под ред. А.Л. Тахтаджяна: В 6-ти т. М.: Просвещение, 1982. Т. 6. 543 с.
6. История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XX вв.) / отв. ред. В.В. Подмаскин. Владивосток: Дальнаука, 2021. 376 с.
7. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
8. Кобко В.В. Каталог коллекций Б.О. Пилсудского в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 2. Южно-Сахалинск, 1999. С. 3–152.
9. Колосовский А.С. Культ медведя и древняя одежда нивхов // Проблемы истории Сахалина, Курилы и сопредельных территорий: Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинский краеведческий музей, 2004. № 1. С. 64–115.
10. Колосовский А.С. Применение лекарственных растений аборигенами о. Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1990. № 4. Южно-Сахалинск: Сахалинский краеведческий музей. С. 120–142.
11. Крейнович Е.А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 494 с.
12. Леонтович С. Краткий русско-орочёнский словарь с грамматической заметкой // Зап. Императорского Русского географического об-ва. Владивосток, 1896. Т. 5. Вып. 2. 147 с.
13. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.). Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО АН СССР, 1988. 140 с.
14. Мельникова Т.В. Традиционные постельные принадлежности коренных народов юга Дальнего Востока России // Записки Гродековского музея. Археология и этнография. Вып. 3. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 133–141.
15. Меркушев И.Л. Нивхские топонимы как историко-этнографический источник // Первая науч. конф. "Арсеньевские чтения": Тез. докл. и сообщ. Хабаровск, 1984. С. 69–71.
16. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
17. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
18. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. 552 с.
19. Орлова Е.П. Верования камчадалов-ительменов (материалы) // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. Вып. 17. М.: Наука, 1975. С. 127–137.
20. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
21. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.
22. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае (1867–1869 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 332 с.

23. Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX –XX в.). Этнографические очерки. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР, 1973. 313 с.
24. Сем Ю.А., Сем Л.И. Лексика, связанная с растительным миром, в нанайском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Л.: ЛГПИ, 1988, с. 3–28.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
27. Стариков В.С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ: вопросы о самобытности материальной культуры маньчжуров // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого: культура народов зарубежной Азии и Океании. Л.: Наука, 1969. Т. 25. С. 74–114.
28. Старкова Н.К. Ительмены: Материальная культура. XVIII – 60-е годы XX века: этногр. очерки. М.: Наука, 1976. 166 с.
29. Старцев А.Ф. Погребальная обрядность удэгейцев // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв. Владивосток: Дальнаука, 1992. С.113–122.
30. Туголуков В.А. Кто вы, юагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

References

1. Alekseenko E.A. Kets: historical and ethnographic essays. L.: Nauka, 1967. 261 p.
2. Galtsev-Bezyuk S.D. Toponymic dictionary of the Sakhalin region. Yuzhno-Sakhalinsk, 1992. 218 p.
3. Goncharova T.A. Encyclopedia of medicinal plants: (herbal treatment): In 2 vols. M.: Ed. House of MSP, 1999. Vol. 1. 560 p.
4. Dobrotvorskii M.M. Ainu-Russian dictionary. Kazan, 1875. 487 p.
5. Plant life / Ed. A.L. Takhtadzhyan: In 6 volumes. M.: Education, 1982. Vol. 6. 543 p.
6. History and culture of the Uilta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XX centuries) / ed. V.V. Podmaskin. Vladivostok: Dalnauka, 2021. 376 p.
7. Kirlo KH. Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history / Trans. from English. F.S. Kapitsa, T.N. Kolyadich. M.: ZAO Tsentropoligraf, 2007. 525 p.
8. Kobko V.V. Catalog of B.O. Pilsudskii in the Primorsky State United Museum. VC. Arsenyev // Proceedings of the Bronislav Pilsudskii Heritage Institute. No. 2. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999. P. 3–152.
9. Kolosovskii A.S. The cult of the bear and the ancient clothes of the Nivkhs // Problems of the history of Sakhalin, the Kuriles and adjacent territories: Local history bulletin. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Museum of Local Lore, 2004. No. 1. P. 64–115.
10. Kolosovskii A.S. The use of medicinal plants by the natives of Sakhalin // Local Lore Bulletin. 1990. No. 4. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Museum of Local Lore. pp. 120–142.
11. Kreinovich E.A. Nivkhgu: mysterious inhabitants of Sakhalin and Amur. M.: Nauka, 1973. 494 p.
12. Leontovich S. Brief Russian-Orochen Dictionary with a Grammar Note // Notes of Imperial Russian Geographic Society. Vladivostok, 1896. V. 5. Issue. 2. 147 p.
13. Materials of B.A. Zherebtsov on the ethnography of the Ainu of South Sakhalin (1946–1948). Preprint. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGIG DVO AS USSR, 1988. 140 p.
14. Melnikova T.V. Traditional bedding of the indigenous peoples of the south of the Russian Far East // Notes of the Grodekovsky Museum. Archeology and ethnography. Issue. 3. Khabarovsk: Khabarovsk Museum of Local Lore, 2002. P. 133–141.
15. Merkushev I.L. Nivkh toponyms as a historical and ethnographic source // First scientific conference "Arsenyev Readings": Reports and messages. Khabarovsk, 1984, pp. 69–71.
16. Murzaev E.M. Dictionary of popular geographical terms. M.: Mysl', 1984. 653 p.
17. Peoples of Siberia. Ethnographic essays / ed. M.G. Levin, L.P. Potapov. M., L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 1083 p.
18. Onenko S.N. Nanai-Russian dictionary. Moscow: Russkii yazyk, 1980. 552 p.
19. Orlova E.P. Beliefs of the Kamchadals-Itelmens (materials) // Countries and peoples of the East: Countries and peoples of the Pacific basin. Book 3. Issue 17. Moscow: Nauka, 1975. P. 127–137.
20. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 540 p.
21. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Udege: a historical and ethnographic study based on materials from the XIX–XX centuries. Vladivostok: FEB RAS, 1998. 228 p.
22. Przhevalskii N.M. Journey in the Ussuri region (1867–1869). Vladivostok: Far Eastern publishing house, 1990. 332 p.

23. Sem Yu.A. Nanais. Material culture (second half of the XIX–XX centuries). Ethnographic essays. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Scientific Center of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 313 p.
24. Sem Yu.A., Sem L.I. Vocabulary related to the plant world in the Nanai language // Questions of vocabulary and syntax of the languages of the peoples of the Far North. L.: LGPI, 1988, P. 3–28.
25. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / comp. V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. L.: Nauka, 1975. Vol. 1. 672 p.
26. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / comp. V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. L.: Nauka, 1977. Vol. 2. 992 p.
27. Starikov V.S. Household items and tools of labor of the Manchus in the collections of the MAE: questions about the originality of the material culture of the Manchus // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great: culture of the peoples of foreign Asia and Oceania. L.: Nauka, 1969. Vol. 25. P. 74–114.
28. Starkova N.K. Itelmeny: Material culture. XVIII – 60s of the XX century: ethnogr. essays. M.: Nauka, 1976. 166 p.
29. Startsev A.F. Funeral rituals of the Udege // Culture of the Far East in the XIX–XX centuries. Vladivostok: Dalnauka, 1992, pp. 113–122.
30. Tugolukov V.A. Who are you, Yukagirs? M.: Nauka, 1979. 152 p.

Информация об авторах

Владимир Викторович Подмаскин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir V. Podmaskin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.04.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Подростки об экологических привычках (на примере города Биробиджан)

Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexgen77@list.ru

Александр Леонидович Калинин
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия, kalinin140912@yandex.ru

Ирина Владимировна Калинина
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия, gaevaiv@yandex.ru

Сергей Александрович Соловченков
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия, solovchenkov@yandex.ru

Аннотация. Экологические проблемы являются неотъемлемой частью развития общества. Изменение экологических привычек позволяет минимизировать вред, нанесенный экологии планеты, и предотвратить ухудшение сложившейся ситуации. Статья направлена на изучение экологических привычек у молодежи. Авторами было проведено десять интервью. В процессе интервью было поднято три крупных темы: отношение к экологическим проблемам, выяснение понимания экопривычек и, собственно, формирование экопривычек. Было выявлено, что подростки рассматривают экологические проблемы в большей степени как некоторое событие, удаленное от них во времени. При этом они понимают всю важность и ответственность за сложившуюся экологическую ситуацию живущего в настоящее время населения, в том числе и собственную. Немногие из респондентов смогли определить понятие "экологическая привычка". Среди факторов, оказывающих влияние на формирование экопривычек, многие указали не только на родительский авторитет и семейные ценности, но и на собственное окружение (школы и разнообразные общественные организации, друзья, одноклассники), и даже моду.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экологические привычки молодежи, Биробиджан
Для цитирования: Филипова А. Г., Калинин А. Л., Калинина И. В., Соловченков С. А. Подростки об экологических привычках (на примере города Биробиджан) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 124–134. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/124-134>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/124-134>

Ecological habits of young people in an average city (on the example of the city of Birobidzhan)

Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, alexgen77@list.ru

Alexander L. Kalinin
Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS,
Birobidzhan, Russia, kalinin140912@yandex.ru

Irina V. Kalinina
Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS,
Birobidzhan, Russia, e-mail: gaevaiv@yandex.ru

Sergey A. Solovchenkov
Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS,
Birobidzhan, Russia, e-mail: solovchenkov@yandex.ru

Abstract. Environmental problems are an integral part of the development of society. Changing ecological habits allows you to minimize the damage done to the ecology of the planet and prevent the situation from worsening. The article is aimed at studying the environmental habits of young people. The authors conducted ten interviews. During the interview, three major topics were raised: attitudes towards environmental problems, understanding of eco-habits, and, in fact, the formation of eco-habits. It was found that adolescents consider environmental problems to a greater extent as some event removed from them in time. At the same time, they understand the importance and responsibility for the current ecological situation of the currently living population, including their own. Despite the fact that not many of the respondents can clearly articulate the concept of "environmental habit", however, among adolescents there is an awareness of the importance and significance of this phenomenon for the outside world and society in particular. Among the factors influencing the formation of eco-habits, many indicate not only parental authority and family values, but also their own environment (schools and various public organizations, friends, classmates), and even trends.

Key words: *video blogs, rating, questioning, interviews, children, teenagers, internet, blogs*
For citation: Filipova A. G., Kalinin A. L., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Ecological habits of young people in an average city (on the example of the city of Birobidzhan) // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 124–134. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/124-134>

Введение

Вопросы охраны природы впервые появляются в научном дискурсе на рубеже XIX – XX веков и до настоящего времени они остаются не просто актуальными, а выходят на первый план. Это связано с тем, что научно-технологический прогресс, несмотря на отсутствующее ему осознание необходимости принимать меры защиты природы, создает все больше предпосылок для ухудшения общего экологического состояния планеты.

В настоящее время складывается вполне объективное понимание того, что повышение экологического самосознания, экологической культуры населения должно являться одной из приоритетных задач современного общества. Тем не менее, стоит признать, что, несмотря на заметные усилия, прилагаемые для формирования экологической культуры, фронт работ продолжает оставаться весьма обширным.

Угрозы, создаваемые жизнедеятельностью современных людей, носят глобальный характер и требуют устранения путем массового изменения бытовых привычек населения всей планеты. Бытовые привычки являются одной из основных проблем ухудшения экологической ситуации [7].

Не требует особых доказательств тот факт, что активная человеческая жизнедеятельность в современном мире не является безвредной для природы, да и для самого человечества. Мы приходим к пониманию, что настало время задуматься о внесении изменений в свой жизненный уклад. И самой естественной основой для этого может стать отказ от неблагоприятных, с экологической точки зрения, привычек и выработка новых экопривычек, призванных снизить негативное воздействие на экологию планеты, а, возможно, и полностью нейтрализовать его.

В последние десятилетия все большее количество исследователей приходят к выводу, что решением сложившейся ситуации может стать кардинальная смена существующего потребительского отношения к окружающей природе на природоохранное [2; 12; 14–17]. Основным инструментом подобной смены должно стать формирование, в первую очередь, среди подрастающего поколения, новой экологической культуры, результатом которого должно явиться широкое распространение экологического поведения (экоповедения, экопривычек).

Большинство отечественных и зарубежных социально-экологических исследований выявляют различия между экологическими установками и практиками субъектов, показывают, что экологические установки могут перерасти в экологическое поведение [3; 13; 22].

Одним из недавних является исследование департамента психологии НИУ ВШЭ, в ходе которого были изучены психологические, социальные и политические факторы проэкологического поведения россиян, и выявлены гендерные различия в экологическом поведении, а также то, что мотивация для экологического поведения не всегда связана с беспокойством об окружающем мире [19].

В глобальном смысле, каждый из жителей планеты причастен к ее спасению при условии осознания своей гражданской позиции, ответственности за будущее. И для того, чтобы произошло массовое осознание данных процессов необходимо воспитывать и обучать жителей планеты с самого раннего детства, то есть в культурно-образовательную среду жизни индивидуума следует внедрять экологическое образование и воспитание.

Экологическое образование – непрерывный процесс обучения, воспитания и развития, направленный на формирование общей экологической культуры и ответственности. Под экологическим воспитанием понимается специально организованный, целенаправленный процесс педагогического воздействия на личность, обеспечивающий формирование навыков рационального взаимодействия с природой, способствующего ее сохранению и устойчивому развитию. Главной задачей экологического воспитания является формирование потребности в экологическом самовоспитании, мерилom оценки которого выступает высокий уровень личной ответственности за состояние среды обитания [10].

Говоря об экологическом самовоспитании, А.И. Колесник считает, что наиболее важным его этапом необходимо считать глубокое усвоение закономерностей и принципов развития природы, взаимовлияния людей на среду

обитания и природы на общество. Именно на этом этапе, по ее мнению, формируются устойчивые привычки природоохранной и природозащитной деятельности, т.е. те самые экопривычки и экоповедение [10].

Одним из видимых результатов экологического воспитания и образования служат сформированные у населения экологические привычки, которые, как обособленные нравственные нормы, появились на мировой повестке около 30-ти лет назад. В самом начале 1990-х годов, на очередном заседании Римского клуба было высказано мнение о значительном изменении "роли ценностей и нравственных норм в различных сферах мировой проблематики, ... и именно это представляет собой основу решения проблем". Именно в этом докладе на первых позициях была озвучена "этика природы – определяющая глобальные проблемы окружающей среды" [8].

Экологические привычки – "это принципы экологически обоснованных действий. Экопривычки не придуманы, они подсказаны самой Природой" [11].

При этом не вызывает сомнения тот факт, что формирование экопривычек нужно начинать с детей, в силу их открытости и восприимчивости к новому. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации педагогов на тему формирования экологической культуры и экологического воспитания дошкольников, младших школьников и подростков. Авторы обращаются к разным урочным и внеурочным формам эковоспитания – тематическим урокам, экскурсиям, проектной деятельности, экволонтерству и пр. Тем не менее, экопроблемы зачастую воспринимаются детьми и подростками как что-то отдаленное, непосредственно их не затрагивающее.

В этой связи целью нашего разведывательного социологического исследования стало выяснение интерпретаций подростками термина "экопривычки", определение степени их распространенности среди респондентов, а также влияния экологической ситуации в регионе на экологическое поведение респондентов.

Методология исследования

Теоретические основания исследования представлены мотивационными моделями поведения – теорией запланированного поведения (Theory of Planned Behavior) [20] и теорией активации нормы (Norm Activation Theory) [24]. С одной стороны, основы проэкологического поведения закладываются обществом, поддерживаются его социальными институтами (в первую очередь, семьей и образованием), а с другой – необходимы условия для того, чтобы экологические установки переросли в проэкологическое поведение.

Согласно теории запланированного поведения на проэкологичность поведения индивида оказывают влияние знание об экологической проблеме, убежденность в существовании соответствующих общественных норм и ожиданий других и общественный контроль.

Теория активации нормы объясняет процесс конструирования норм экологического поведения: считается, что экологическая установка трансформируется в экологическое поведение тогда, когда выполняются следующие условия: присутствует чувство обеспокоенности экологической проблемой (awareness of the environmental problem), чувство личной причастности к ее возникновению (awareness of behavioral relevance) и осознание своих возможностей изменить ситуацию (awareness of abilities) [4, с. 328].

Методами сбора эмпирических данных стали индивидуальные интервью с подростками 15–17 лет (N=10). Критериями отбора респондентов стали – регион их проживания (г. Биробиджан) и возраст (старший подростковый). Вопросы касались отношения к экологическим проблемам в целом и в регионе, в частности; определения экопривычек; наличия экопривычек у респондентов и способов их формирования.

Результаты исследования

Экологическая ситуация в Биробиджане

Биробиджан – административный и промышленный центр Еврейской автономной области, относится к категории средних городов юга Дальнего Востока. В настоящее время Биробиджан является урбанизированной терри-

торией с выраженной полифункциональной структурой, обладает достаточными площадями свободных (не застроенных) пространств (51% от общей площади города), в том числе зеленых насаждений (21,3%) [1].

Предприятия в границах города расположены концентрированно, внутри или рядом с селитебной зоной, что увеличивает объемы выбрасываемых веществ на жилые районы. В городе функционируют предприятия машиностроения и металлообработки, строительной индустрии, легкой и пищевой промышленности. Здесь отмечаются интенсивные транспортные потоки вдоль жилых домов. В зоне воздействия автотранспорта находится значительная часть городской территории – 182,47 км², что составляет 91,2% от общей площади Биробиджана [6].

Отсутствие полигонов, оборудованных в соответствии с санитарно-эпидемиологическими требованиями, приводит к их неконтролируемому накоплению, в связи с чем, на территории города насчитывается более 30 стихийных свалок, зачастую находящихся вблизи водоемов и жилых зон. Сформировавшаяся система обращения с отходами в городе сводится к валовому сбору отходов и перевозке их специализированным автотранспортом на городскую свалку. Твердые бытовые (90%) и жидкие (10%) отходы вывозятся на санкционированную свалку, функционирующую с 1975 г. [1].

В городе отмечается загрязнение поверхностных водных объектов сточными водами, не отвечающими нормативам очистки, что связано, в первую очередь, с физическим и моральным износом оборудования действующих очистных сооружений канализации и отсутствием систем очистки ливневых сбросов [9]. Подытоживая знакомство с экологической обстановкой в городе, можно сделать вывод, что основными проблемами территории города являются загрязнение поверхностных вод и атмосферного воздуха, утилизация отходов.

Подростки об экологических проблемах

Большинство респондентов, отвечая на вопрос о том, волнуют ли их экологические проблемы, дали положительный ответ. Хотя в некоторых случаях ответы ребят выглядели не очень убедительно, были похожи на слоганы и в них не чувствовалась личная позиция (тревога, переживания по этому поводу), а скорее желание дать социально одобряемый ответ:

...экологическая проблема может наступить в любое время дня и года... да, это проблема, которой нужно заниматься здесь и сейчас. Она не будет ждать, медлить. И мы должны как-то справляться с этой проблемой... (Елизавета, 15 лет)

При этом, отдельные респонденты, подкрепляя свою точку зрения, приводили примеры с экологической ситуацией в месте своего проживания – г. Биробиджане:

На примере нашего города Биробиджана мы можем видеть огромную проблему с загрязнением воздуха, которая вызвана ТЭЦ, которая абсолютно не экологична и производит огромное количество выбросов. Ну, я думаю, что очень распространена проблема загрязнения пресной воды, потому что я лично могу это видеть даже на своем примере, когда некоторые компании и предприятия в том месте, где я живу... сливают различные выбросы, скидывают мусор в озера и в реку Биру... ну, их ничего не останавливает, и даже когда обращаются с этой проблемой никто на нее не реагирует. (Савелий, 17 лет).

Также подростки выделяют другие экопроблемы места своего проживания. Одна девушка отметила проблему пожаров и наводнений:

Более катастрофичными проблемами являются пожары и наводнения. Все экологические проблемы по-своему ужасны, но для нашей области больший вред наносят именно пожары и наводнения, т.к. мы, как раз, находимся рядом с водами (Марина, 17 лет) (здесь подразумевается именно ЕАО, так как наводнения и пожары в нашей области – это бедствия, даже в городе они не редки).

... трасса вот от Биробиджана до Хабаровска, потому что сколько раз я замечала, когда там ездили к врачу и обратно, вокруг дороги может просто идти стена огня и огромное количество деревьев...эти маленькие лесочки и их с каждым годом все меньше и меньше (Ирина, 17 лет).

В выборке оказались и те подростки, кто не видит экологические проблемы в настоящем, но связывает их проявление с ближайшим будущим, воспринимают себя, молодежь, как то поколение, которое на себе испытывает последствия пренебрежительного отношения к природе:

... мы живем в мире как бы, ну само собой это всех касается... И, ну они может и не наступят сегодня, завтра, ну мы все равно, есть шанс, что мы их увидим, увидим их последствия... Тем более мы подростки, то есть нам еще жить и жить... (Александр, 16 лет).

Я всё-таки считаю, что да, экологические проблемы, они, могут проявиться в будущем, но рождаются-то они и происходят в настоящий момент. Такая вот как мина замедленного действия (Никита, 17 лет).

Экопривычки

Респондентам задавался вопрос о том, что такое экологические привычки. Он вызвал основные затруднения, т.к. большинство подростков не соотносят ежедневные, по сути своей банальные, действия с экопривычками. Это может свидетельствовать как о том, что данные действия настолько привычные, что не воспринимаются подростками как что-то необычное, так и о том, что не все выполняют данные действия, и, собственно, имеют экопривычки:

Относится ли к экологическим привычкам, ну, выбрасывать мусор там, сортировать его как-то? Ну, если это относится, тогда это в моем понимании экологические привычки, там, субботники всякие разные (Никита, 17 лет).

Ну, экологические привычки – это, скорее всего, привычки... Типа выбрасывать мусор в урны... Или перерабатывать, отправлять пластмассу на переработку и тому подобное. Ну, то есть, в основном полезные привычки, которые, ну, лучше, чтобы они были (Александр, 16 лет).

... экологические привычки – это какой-то свод действий, который ты должен выполнять ежедневно, который помог бы нам сделать нашу жизнь лучше и продлить жизнь нашей планете..., это рациональное использование ресурсов, ну, как воды, так и, ну, различных товаров, которые мы покупаем, потому что производство также очень неэкологично (Савелий, 17 лет).

Могу только предположить, что это привычки, которые мы проявляем по отношению к природе (Артем, 16 лет).

Для меня экопривычки — это когда человек старается не нарушать гармонию природы, везде: в парках, в лесу, в водоемах. И старается сохранить все, как было (Лиза, 15 лет).

Я так понимаю, это убирать за собой, выкидывать мусор в положенные места, перерабатывать его, разделять, сортировать (Андрей, 16 лет).

Чтобы "повседневные поведенческие практики перешли в феноменологическое поле экологических практик субъекта, необходимо осуществить переход из "что-то, что я обычно делаю" в "что-то, что я обычно делаю в области экологии". Данный переход возможен при условии повышения общего уровня экологического знания субъекта, экологической культуры" [4, с. 335].

Однако в ходе интервью было замечено, что те или иные экопривычки все-таки присутствуют у молодежи, получена следующая статистика: все респонденты говорили о привычке "не мусорить", "убирать за собой мусор на природе", три респондента добавили привычку экономии ресурсов – воды и электроэнергии, еще один подросток собирает батарейки и сдает на утилизацию.

Очень часто диалог "исследователь – респондент" строился вокруг темы мусора по схеме: проблематизация, действия подростка, способы решения проблемы. Отдельные респонденты выходили на тему сортировки мусора. Вероятно, это связано с тем, что проблема мусора – видимая проблема, последствия которой переживаются здесь и сейчас.

Почему-то подростков в меньшей степени волнуют качество воды и воздуха, качество продуктов питания, несмотря на то, что для Биробиджана данные проблемы весьма актуальны. Так, гидрохимические наблюдения реки Бира в створе у города Биробиджана позволяют констатировать, что за последние годы качество воды ухудшилось и соответствует 3-му классу, разряду "б" – "очень загрязненная". Увеличилась периодичность загрязненности воды легкоокисляемыми органическими веществами от устойчивого содержания в

24% до характерной загрязненности в 81%. В целом, характерна загрязненность соединениями железа общего, меди, алюминия и марганца [5].

По данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, в 2020 году объем выбросов от стационарных источников в атмосферный воздух в городе Биробиджан составил 7,2 тыс. тонн (в основном, бенз(а)пирен и сажа), однако, основную опасность данные выбросы представляют в зимний период времени, что обусловлено неблагоприятной метеорологической обстановкой, характеризующейся большим количеством инверсий и штилевых ситуаций, которые способствуют высокому уровню загрязнения атмосферы [5].

На наш взгляд, проблемы качества воздуха, воды и продуктов питания меньше волнуют подростков, в связи с тем, что они не настолько заметны в своем проявлении, а сведения о них не находятся в свободном доступе.

Формирование экопривычек

Многие респонденты на примере проблемы мусора рассказывали о семейном воспитании экопривычек:

... изначально меня учили родители, они, прежде всего, учили меня, что нужно поддерживать чистоту (Артем, 16 лет).

Этому [про привычку убирать за собой мусор на природе] поспособствовали мои родители, которые так же соблюдают это правило (Елизавета, 15 лет).

Семья как агент первичной социализации оказывает очень сильное влияние на последующее экоповедение детей:

Во-первых, родители, потому что всегда объясняли мне, что нужно бережно и аккуратно относиться к тому, что есть вокруг тебя и думать немного дальше, чем на завтрашний день... (Савелий, 17 лет).

В некоторых случаях в качестве источника экопривычек респонденты называли школу, приводя примеры с субботниками, экоуроками, акциями по сбору батареек, пластика, макулатуры и т.п.

Однако часто школьные мероприятия не приносят желаемого эффекта, поскольку являются обязательными, регламентированными, не учитывают желания и мнение самого подростка. Школьники очень часто становятся бесплатным/доступным инструментом для реализации школьных акций, учителя не объясняют, почему это важно, не приводят какие-то убедительные примеры и доводы, не вдохновляют личным примером, а просто используют властный ресурс. Поэтому один из респондентов озвучивает мысль о вознаграждении за участие в субботниках:

Для начала это как-то должно поощряться, ну хотя бы шоколадкой какой-то или оценкой хорошей, для тех, кто пошёл в свой свободный день убираться и всё это делать... (Никита, 17 лет).

Трое респондентов озвучили мысль о как можно более раннем начале экологического просвещения, например, в детском саду:

Показывать видеоролики там, в детских садах, например, вот детям уже которые понимают, с 5 лет, чтоб все формировалось уже там (Софья, 15 лет).

Подходящим вариантом проговаривания с детьми экологических проблем являются мультфильмы, как, к примеру, отдельные серии "Фиксиков" или "Смешариков".

В соответствии с теорией запланированного поведения сильнее всего у подростков проявляются экопривычки, сформированные под влиянием референтной группы в детстве (семья, школа). Но, если про школу респонденты говорили мало и преимущественно в контексте школьных субботников, то семья звучала очень часто в репликах информантов, и, в целом, семейное воспитание касалось привычки "не мусорить" или "убирать мусор за собой".

Одна из девушек-участниц исследования сказала про чувство сопричастности группе, которая что-то делает для решения экопроблем: *Ну, то есть человек принадлежит к этой группе и у него возникает некоторое чувство. Вот, что я принадлежу к этой группе, я делаю что-то хорошее, полезное для общества (Ирина, 17 лет).*

Подростков очень вдохновляет пример ближайшего окружения – сверстников, именно они являются референтной группой, к чьему мнению подростки прислушиваются, чьего одобрения ждут. Референтная группа может

демонстрировать как положительный, так и отрицательный пример отношения к природе:

Как я начал батарейки, как минимум, складировать? Потому что я знаю, один из моих друзей делает это. Я это заметил и подумал: "А почему бы не присоединиться?" (Савелий, 17 лет).

Как по мне, это возможно освещение того, как молодёжь поддерживает, участвуя в каких-то акциях, это будет помогать, поддерживать, возможно, экологическую привычку (Ирина, 17 лет).

Активация нормы, по Шварцу, это процесс восприятия субъектом неблагоприятных последствий собственного поведения, и как следствие — изменение своего поведения исходя из норм референтных для субъекта групп [24]. Об этом же говорит один из наших респондентов:

... мотивация появляется, когда человек видит сам, своими глазами, что из этого может получиться ... потому что он должен сам это понять и осознать и внести это в свой образ жизни (Иван, 16 лет).

В случае с отрицательным примером ближайшего окружения, как справедливо заметила одна из участниц исследования, авторитет родителей не всегда перевешивает авторитет друзей:

Мешают негативные примеры... К примеру, это может быть влияние друзей. Полностью человека это не ломает, но может зародиться сомнение: а нужно ли мне так стараться, если другие не заботятся об этом так, как я (Евгения, 17 лет).

Для молодежи экопривычки — это отчасти дань моде, быть экологичным сегодня в тренде, об этом говорят и это демонстрируют многие блогеры, другие медийные персоны. Об этом говорил Никита (17 лет), когда приводил пример экодвижения на Западе, рассказывал о зарождении "Зеленой повестки" снизу, о "массовых модных тенденциях" в западном обществе.

Для перехода экологических установок в экологическое поведение (экопривычки) важен социальный контроль. Это отмечают участники исследования:

Экологические привычки должны вырабатываться обществом в целом. Это должен быть симбиоз родителей, школы, каких-то организаций и когда, ну, когда человека это со всех сторон окружает, то так или иначе он в это вклинивается, потому что, ну... Небрежное отношение будет порицаться, и объясняться, почему так плохо, и что это за собой ведет (Савелий, 17 лет).

Биробиджан: формирование экопривычек у населения

До недавнего времени заметных (и постоянных) экологических практик в городе не наблюдалось. Только с 2019 года в Биробиджане появились энтузиасты, собирающие пластиковые крышки для переработки.

В качестве самой заметной экопрактики, реализуемой на территории Биробиджана, можно назвать Экофестиваль "Берега Биры и Биджана". Его инициаторами в 2020 году выступили молодежные организации "Биробиджан Молодой" и "Молодая Гвардия", а в 2022 году Экофестиваль уже реализовывался "Ассоциацией активных граждан ЕАО" при поддержке Федерального агентства по делам молодежи "Росмолодежь" [13].

Проект направлен на повышение экологической грамотности жителей Еврейской автономной области, тиражирование успешного опыта по разделному сбору мусора, практик разумного потребительского поведения

В рамках фестиваля проходили дискуссионные площадки, презентации успешных практик экоактивистов, плоггинг (экологическое движение, при котором бег трусцой сочетается со сбором мусора). Увеличивающееся, с каждым годом, количество собранных для дальнейшей переработки пластиковых крышечек и отработанных элементов питания, явно указывает на то, что в эти экопрактики вовлекается все больше и больше жителей города.

В городе недостаточное количество контейнеров для раздельного сбора мусора, и зачастую они незначительной емкости. Как правило, их устанавливают у крупных торговых центров в качестве урн для сортировки стекла, бумаги и пищевых продуктов. Одно время в двух частях города существовали достаточно объемные контейнеры для сортировки пластиковых бутылок (прозрачный и непрозрачный пластик) и сбора жестяных банок. Однако вывоз

данных контейнеров осуществлялся редко, в сторону городской свалки, а не перерабатывающих заводов. Следует отметить, что данные контейнеры были очень востребованными среди горожан, что свидетельствует о готовности сортировки мусора, при наличии необходимых условий:

Это не часто, но просто в городе сейчас убрали эти мусорки [про контейнеры для сортировки мусора]. Я не знаю, где они находятся. Я бы очень хотела, чтобы их установили гораздо больше. Вот (Софья, 15 лет).

Подростки говорят об отсутствии информации о пунктах приема батареек. Один из респондентов назвал только DNS. Также в городе нет пунктов приема макулатуры. Один раз в год у горожан появляется возможность сдать накопившееся (пластиковые крышки, макулатура, батарейки) во время проведения экофестиваля. Так в 2019 г. было собрано около двух тонн макулатуры и 100 кг отработанных батареек, а в 2020 – 206 кг старых элементов питания [13].

В исследовании Baldassare M., Katz C. отмечается, что если у субъекта есть желание сортировать отходы, но отсутствует доступная инфраструктура раздельного сбора, то, согласно теории запланированного поведения, общественный контроль низкий, а самоограничения индивида высоки, следовательно, экологические установки могут не перерасти в проэкологическое поведение [21].

Определенная часть современной молодежи, особенно проживающей в европейской части России, поддерживает концепцию разумного потребления, это касается одежды, которую можно покупать в секонд-хендах, продуктов питания, исходя из текущих потребностей, а не про запас и прочее. Однако ни один из наших респондентов не отметил у себя экопривычки, связанные с разумным потреблением, а в двух случаях речь зашла об обратной ситуации:

Присутствуют большие вредные экологические привычки. Например, зачастую, мы покупаем какие-либо вредные продукты или покупаем что-то вообще нам ненужное, либо используем для покупки одноразовые пакеты, в общем, покупаем одноразовую посуду, а это для природы очень невыгодно (Артем, 16 лет).

У подростков, как правило, больше всего мусора. Потому что, как правило, это газировки. От них бутылки остаются... Пачки чипсов, кириешек, всяких вот этих сладостей. Это все в основном делается из целлюлозы и пластика (Андрей, 16 лет).

В Биробиджане слабо представлена экопродукция, лишь в виде продуктов питания, реализуемых в двух специализированных магазинах и на рынках сельскохозяйственных товаров. В городе существуют комиссионные магазины, принимающие, как правило, технику и товары длительного пользования.

Одним из факторов проэкологических изменений поведения является повышение осведомленности об экологической ситуации в Биробиджане. Специализированных изданий, посвященных данной проблеме, в городе не существует. Но ведется достаточно активная работа со школьниками как на базе школ, так и общественных организаций (в музеях, заповеднике).

Выводы

Несмотря на то, что вопросы экопривычек и экоповедения это, вне всякого сомнения, выбор каждого конкретного человека, в современных условиях государству придется брать на себя основную роль в их формировании, поддержании и стимулировании. А это, в свою очередь, требует достаточно серьезных решений в сфере образования всех уровней, управления общественным мнением, экономической политики, и, в конце концов, правоохранительной деятельности. Формирование экологических привычек должно стать обязательной и планомерной работой образовательной системы государства, начиная с самых ранних ее ступеней – дошкольного образования.

Экопривычки подростков-участников исследования, согласно типологии измерения проэкологического поведения [19], касаются преимущественно двух групп – управление личными отходами (например, раздельный сбор, сокращение потребления) и ресурсосбережение (экономия воды, электроэнергия). По-видимому, действия участников исследования, которые можно было бы отнести к группе "социальное поведение (подписание петиций в защиту

окружающей среды, участие в субботниках)" сложно отнести к экопривычкам в силу принудительного характера участия в экологических мероприятиях (к примеру, организуемых школой).

Для подростков-участников исследования важными факторами формирования экопривычек выступает пример сверстников, медийных персон, становление экоповедения модной тенденцией. При этом влияние таких важных институтов социализации, как семья и школа, в сфере экологии оценивается неравнозначно – с явным доминированием первого с положительной эмоциональной окраской и, чаще всего, негативной или нейтральной эмоциональной окраской влияния второго.

Вероятным барьером формирования проэкологического поведения у подростков выступает отношение общества к детям/подросткам как к личностям "находящимся в процессе становления", еще не взрослым, недостаточно социально и психически зрелым. Это приводит к тому, что подростки не принимают на себя социальную ответственность за неэкологичное поведение. При этом необходимый общественный контроль в сфере экологии также не развит, как не развита и сама инфраструктура природосбережения (контейнеры для сортировки мусора в шаговой доступности, современные очистные сооружения, разветвленная сеть пунктов приема батареек и макулатуры и др.).

В настоящее время в городе Биробиджане начинает формироваться экологическая культура, обусловленная в том числе, экологическим просвещением, реализуемым в школах, общественных организациях, в семьях биробиджанцев. Дальнейшее развитие экокультуры возможно при создании необходимых условий, как-то организация постоянных пунктов сбора макулатуры, сортированного мусора, отработанных элементов питания и прочего, в чем сейчас город ограничен.

Литература

1. География Еврейской автономной области: общий обзор / отв. ред. Е.Я. Фрисман. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2018. 406 с.
2. Гильмиярова С.Г. Непрерывное экологическое образование будущих учителей в России и США: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.08 / Уфа, 2002. 39 с.
3. Ермолаева П.О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества // Вестник Института социологии. 2011. Т. 2. № 2. С. 236–253.
4. Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323–346. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>. (дата обращения: 04.07.2022).
5. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Еврейской автономной области в 2021 году. URL: <https://xn----7sbaabfccxb8bmtkobobe0axplm4w8bj.xn--p1ai/o-eao/obshchie-svedeniya/ekologicheskaya-situatsiya-v-oblasti/> (дата обращения: 06.07.2022).
6. Калманова В.Б., Коган Р.М., Зайков Д.В. Влияние промышленно-транспортного комплекса на загрязнение снежного покрова г. Биробиджана. // Экология и безопасность жизнедеятельности промышленно-транспортных комплексов: материалы I Международного экологического конгресса. Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т. 2007. Т.1. С. 251–256.
7. Касьянова А.Д., Фроленок В.В., Чекрыгин М.А. Изменение бытовых привычек людей в связи с текущей экологической ситуацией // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. № 2. С. 65–67.
8. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс-Пангея, 1991. 344 с.
9. Клинская Е.О., Кравцов И.А. Качество атмосферного воздуха, поверхностных вод и почв Еврейской автономной области и оценка степени их опасности для здоровья населения автономии с помощью расчета интегрального показателя функционального отклика организма человека // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2010. №2. С. 26–40.
10. Колесник А.И. Теоретическое и методологическое обоснование значимости экологического самовоспитания учащейся молодежи // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. Т.10. №1. С. 71–79.
11. Красавина К.В., Макарова Т.Н. Формирование экологических привычек как основы мировоззрения подрастающего поколения // Труды БрГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. Т. 1. С. 34–36.
12. Мамедов Н.М. Культура, экология, образование. М.: Издательско-полиграфический комплекс РЭФИА. 1996. 52 с.

13. Мысли экологичнее. URL: <https://www.gazetaeao.ru/mysli-ekologichnee/> (дата обращения: 06.07.2022).
14. Назаренко А.В. Методологическое обоснование совершенствования профессиональной подготовки педагогов к формированию навыков природосбережения // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2013. №3 (28). С. 146 – 152.
15. Папуткова Г.А. Компетентностно-ориентированное профессиональное экологическое образование студентов в ВУЗе: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.08 / Нижний Новгород, 2008. 51 с.
16. Пистунова Л.Е. Формирование экологической компетентности студентов вуза: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Кемерово, 2006. 22 с.
17. Роговая О.Г. Становление эколого-педагогической компетентности: теоретический и методический аспекты: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 280 с.
18. Рыбакова М.В., Гоманова С.О. Основные факторы социализации детей в условиях экоселений России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 135–143.
19. Ученые выяснили, что помогает человеку быть экологичным. URL: <https://www.hse.ru/news/science/563123228.html> (дата обращения: 06.07.2022).
20. Ajzen I. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50. No. 2. P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).
21. Baldassare M., Katz C. The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices // *Environment and Behavior*. 1992. Vol. 24. No. 5. P. 602–616. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916592245002>.
22. Corraliza, J.A., Berenguer, J. Environmental values, beliefs and actions // *Environment and Behavior*. 2000. Vol. 32. No. 6. P. 832–848. DOI: <https://doi.org/10.1177/00139160021972829>
23. Schwartz S.H. Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1973 Vol. 9. No. 4. P. 349–364. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(73\)90071-1](https://doi.org/10.1016/0022-1031(73)90071-1).
24. Schwartz S.H. Normative influences on altruism // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1977. Vol. 10. No. 1. P. 221–279. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5)
25. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.

References

1. Geography of the Jewish Autonomous Region: a general overview / resp. ed. Frisman E.Ya. Birobidzhan: ICARP FEB RAS, 2018. 406 p. (In Russ.)
2. Gilmiyarova S.G. Continuous environmental education of future teachers in Russia and the USA: Abstract of the thesis. ... doctors of pedagogical sciences: 13.00.08 / Ufa, 2002. 39 p. (In Russ.)
3. Ermolaeva P.O. Ecological way of life of Russian and American students // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 236–253. (In Russ.)
4. Ermolaeva P.O., Ermolaeva Yu.V. Critical analysis of foreign theories of environmental behavior // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019. No. 4. P. 323–346. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>. (accessed 04.07.2022) (In Russ.)
5. Report on the state and protection of the environment in the Jewish Autonomous Region in 2021. URL: <https://xn----7sbaabfccxb8bmtkobobe0axplm4w8bj.xn--p1ai/o-eao/obshchie-svedeniya/ekologicheskaya-situatsiya-v-oblasti/> (accessed 06.07.2022) (In Russ.)
6. Kalmanova V.B., Kogan R.M., Zaikov D.V. Influence of the industrial and transport complex on the pollution of the snow cover in Birobidzhan // *Ecology and safety of life of industrial and transport complexes: materials of the I International Ecological Congress*. Togliatti: Togliatti State University. un-t, 2007. Vol.1. P. 251–256. (In Russ.)
7. Kasyanova A.D., Frolenok V.V., Chekrygin M.A. Changes in people's everyday habits due to the current environmental situation // *Business education in the knowledge economy*. 2020. No. 2. P. 65–67. (In Russ.)
8. King A., Schneider B. The First Global Revolution. Report of the Club of Rome. Moscow: Progress-Pangeya, 1991. 344 p. (In Russ.)
9. Klinskaya E.O., Kravtsov I.A. The quality of atmospheric air, surface waters and soils of the Jewish Autonomous Region and assessment of the degree of their danger to the health of the population of the autonomy by calculating the integral indicator of the functional response of the human body // *Bulletin of PSU named after Sholom Aleichem*. 2010. No. 2. P. 26–40. (In Russ.)
10. Kolesnik A.I. Theoretical and methodological substantiation of the importance of environmental self-education of student youth // *Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sports*, 2015. Vol.10. No.1. P. 71–79 (In Russ.)
11. Krasavina K.V., Makarova T.N. Formation of environmental habits as the basis of the worldview of the younger generation // *Proceedings of Bratsk State University. Series: Humanities and social sciences*. 2020. Vol. 1. P. 34–36. (In Russ.)

12. Mamedov N.M. Culture, ecology, education. M.: Publishing and printing complex REFIA. 1996. 52 p. (In Russ.)
13. Thoughts are greener. URL: <https://www.gazetaeao.ru/mysli-ekologichnee/> (accessed 06.07.2022).
14. Nazarenko A.V. Methodological rationale for improving the professional training of teachers for the formation of environmental conservation skills // Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sports. 2013. No. 3 (28). P. 146 – 152. (In Russ.)
15. Paputkova G.A. Competence-oriented professional environmental education of students at the university: Abstract of the thesis. ... doctors of pedagogical sciences: 13.00.08 / Nizhny Novgorod, 2008. 51 p. (In Russ.)
16. Pistunova L.E. Formation of environmental competence of university students: Abstract of the thesis. ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.08 / Kemerovo, 2006. 22 p. (In Russ.)
17. Rogovaya O.G. Formation of ecological and pedagogical competence: theoretical and methodological aspects: monograph. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2007. 280 p. (In Russ.)
18. Rybakova M.V., Gomanova S.O. The main factors of socialization of children in the conditions of Russian ecovillages // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2014. No. 1. P. 135–143. (In Russ.)
19. Scientists have found out what helps a person to be environmentally friendly. URL: <https://www.hse.ru/news/science/563123228.html> (accessed 06.07.2022). (In Russ.)
20. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. No. 2. P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).
21. Baldassare M., Katz C. The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices // Environment and Behavior. 1992. Vol. 24. No. 5. P. 602–616. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916592245002>.
22. Corraliza, J.A., Berenguer, J. Environmental values, beliefs and actions // Environment and Behavior. 2000. Vol. 32. No. 6. P. 832–848. DOI: <https://doi.org/10.1177/00139160021972829>.
23. Schwartz S.H. Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test // Journal of Experimental Social Psychology. 1973. Vol. 9. No. 4. P. 349–364. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(73\)90071-1](https://doi.org/10.1016/0022-1031(73)90071-1).
24. Schwartz S.H. Normative influences on altruism // Advances in Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 10. No. 1. P. 221–279. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5).
25. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.

Информация об авторах

Александра Геннадьевна Филипова, д-р. социол. наук, зав. лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexgen77@list.ru

Александр Леонидович Калинин, старший инженер Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия, e-mail: kalinin140912@yandex.ru

Ирина Владимировна Калинина, канд. геогр. наук, заведующая лабораторией Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия, e-mail: gaevaiv@yandex.ru

Сергей Александрович Соловченков, канд. социол. наук, ученый секретарь Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия, e-mail: solovchenkov@yandex.ru

Information about the authors

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Head of Complex Research Laboratory for Study of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: alexgen77@list.ru

Alexander L. Kalinin, Senior Engineer, Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS, Birobidzhan, Russia, e-mail: kalinin140912@yandex.ru

Irina V. Kalinina, Candidate of Geographical Sciences, Head of Laboratory, Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS, Birobidzhan, Russia, e-mail: gaevaiv@yandex.ru

Sergey A. Solovchenkov, Candidate of Sociology, Scientific Secretary, Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems, FEB RAS, Birobidzhan, Russia, e-mail: solovchenkov@yandex.ru

Поступила в редакцию

Одобрена после рецензирования

Принята к публикации

(Received) 08.07.2022

(Revised) 09.08.2022

(Accepted) 22.08.2022

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/135-142>

К вопросу о противостоянии Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море: история и современность

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru
Владислав Олегович Зайцев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zaitcev.vo@students.dvfu.ru

Аннотация. На протяжении десятилетий ситуация со спорными территориями в Южно-Китайском море остается напряженной. Несмотря на различные варианты решения проблемы, выработки единой платформы для последующего перевода конфликта в русло конструктивного решения так и не случилось. Сохраняющиеся противоречия вокруг принадлежности Парасельского архипелага и островов Спратли между непосредственными участниками затяжного конфликта опасны тем, что вносят диссонанс в региональные процессы, а с учётом экономической и стратегической значимости акватории ЮКМ делают высокой вероятность превращения её в объект острого геополитического противостояния. В статье рассматривается история территориального спора в Южно-Китайском море через призму интересов Китая и Вьетнама, затронуты позиции сторон в отношении конфликта, отражено современное состояние проблемы. Методологической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов.

Ключевые слова: *Территориальные споры, Южно-Китайское море, конфликт, острова, спорные воды, геополитика, международное сотрудничество*

Для цитирования: Золотухин И. Н., Зайцев В. О. К вопросу о противостоянии Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море: история и современность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 135–142. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/135-142>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/135-142>

On the issue of confrontation between China and Vietnam in the South China Sea: past and present

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru
Vladislav O. Zaytcev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zaitcev.vo@students.dvfu.ru

Abstract. For decades the situation over the disputed territories in the South China Sea has remained tense. Despite various options for solving the problem, the development of a common platform for the subsequent transfer of the conflict into the mainstream of a constructive solution did not happen so far. The remaining contradictions around the ownership of the Paracel Archipelago and the Spratly Islands between the direct participants in the protracted conflict are dangerous because they bring dissonance into regional processes, and, taking into account the economic and strategic importance of the South China Sea, make it highly probable that it will become an object of an acute geopolitical confrontation. The article examines the history of the territorial dispute in the South China Sea through the prism of the China's and Vietnam's interests. It contains the positions of the parties concerning the conflict as well as the bilateral confrontation and reflects the current state of the problem. The article is based on the analysis of previous researches and findings of Russian and foreign authors.

Key words: *Territorial disputes, South China Sea, conflict, islands, disputed waters, geopolitics, international cooperation*

For citation: Zolotukhin I. N., Zaytcev V. O. On the issue of confrontation between China and Vietnam in the South China Sea: past and present // Ojkumena. Regional researches. 2022. No.3. P. 135–142. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/135-142>

Морские территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) остаются в фокусе внимания мировой общественности как один из ключевых факторов нагнетания международной обстановки. Наиболее острые разногласия вокруг территорий и акватории в ЮКМ, имеющие историческую подоплёку, существуют между Вьетнамом и Китаем. Корни конфликта уходят в глубокую древность, но его актуализация происходит в XIX веке, когда Китай, попавший в полукOLONиальную зависимость от великих европейских держав, пытался отстоять свои национальные интересы. Вопрос об островах был затронут в 1880-х гг. при делимитации приграничных территорий между южными китайскими провинциями и находящимся под французским управлением Вьетнамом [5, с. 121], однако серьёзные внешнеполитические поражения Китая и внутриполитические проблемы в стране после Синьхайской революции по-

ставили на паузу китайские амбиции в акватории ЮКМ. Лишь в 1920-е гг. пользуясь слабостью Франции после Первой мировой войны, гоминдановское правительство начинает проявлять активность в ЮКМ. В частности, уже в 1921 г. военные власти провинции Гуандун издали декрет, по которому подконтрольные Франции Парасельские острова (Хоангша) были объединены с уездом острова Хайнань [5, с. 124]. Периодические рейды Китая на Параселы, несмотря на ноты протеста со стороны Франции, стали причиной предложения со стороны Парижа рассмотреть спор между сторонами в международном суде, на что Пекин ответил отказом. С конца 1930-х гг. территории ЮКМ оккупирует Япония, после поражения которой во Второй мировой войне Китай еще более усиливает свои притязания на острова. В 1945 г. Китай и французская администрация Вьетнама направили в ЮКМ свои военно-морские экспедиции, в результате чего на Парасельских островах были выставлены военные гарнизоны [10, с. 192]. Тем самым острова оказались фактически разделёнными между Китаем и французской администрацией Вьетнама.

В 1947 г. на картах Китая для определения территории китайских владений в ЮКМ появляется так называемая "девятипунктирная линия", включающая свыше 80% акватории ЮКМ и простирающаяся от Хайнаня на севере до Брунея и Малайзии на юге (во Вьетнаме девятипунктирную линию называют *Đường lưỡi bò*, что в переводе означает "линия коровьего языка") [14, р. 57]. Параллельно всем островам, входящим в зону влияния Китая, давались китайские названия, и все они были включены в состав Хайнаньского административного региона. В этом же году гоминдановские войска захватывают один из крупнейших из Парасельских островов – Фулам, вернуть который силовым путём у Франции не получилось.

После ухода Франции из Индокитая, последняя передала острова в ЮКМ Республике Вьетнам, что, однако, не поставило точку в разногласиях по поводу их окончательной принадлежности. Опираясь на положение Каирской (1943), Потсдамской (1945) деклараций и Сан-Францисского мирного договора (1951), подписав который Япония отказалась от всех территориальных захватов, совершенных в имперский период, Китай заявляет о своих правах на архипелаги Парасельский и Спратли (по-китайски Наньша, по-вьетнамски Чыонгша), однако суверенитет Китая над островами в этих документах не был официально подтвержден. Таким образом, острова стали яблоком раздора между располагавшимися вблизи от них государствами. Права на острова заявили Китай, Тайвань, Южный Вьетнам, а также недавно получившие независимость Филиппины и Малайзия.

Происходящая в 1950-80-е гг. оккупация островов привела в том числе к кровопролитным столкновениям между КНР и Вьетнамом. В 1974 г. Китай, воспользовавшись слабостью Сайгона и благоприятной для себя международной обстановкой, полностью взял под контроль Параселы, вытеснив оттуда войска южновьетнамского режима и открыв себе путь к архипелагу Спратли, из-за которого в 1988 г. произошёл инцидент между вооруженными силами КНР и СРВ. В итоге Китай оккупировал часть островов архипелага, а в феврале 1992 г. объявил и Параселы и Спратли частью провинции Хайнань. Через 20 лет Вьетнам принимает закон о "Морском праве", в котором данные острова включены в его территорию. Провозгласив суверенитет над островами, стороны показали готовность отстаивать свои позиции, тем самым усложнив решение конфликта.

После разработки Конвенции по морскому праву в 1982 г. (вступившей в силу в 1994 г.), участники спора получили право расширить своё территориальное море до 12, а исключительную экономическую зону (ИЭЗ) до 200 морских миль. ИЭЗ позволяла государству, которому она принадлежала, вести в ней экономическую деятельность различного рода, начиная от рыбной ловли и заканчивая добычей полезных ископаемых на её дне. Это ещё более усугубило противоречия в ЮКМ, однако если Вьетнам был настроен на многосторонний диалог с целью урегулирования ситуации, то Китай занял куда более жёсткую позицию и категорически отказался рассматривать варианты уступок в отношении территорий, над которыми признаёт свой суверенитет.

В настоящее время Китай де-факто контролирует все Парасельские острова, а также 9 рифов Спратли (в т.ч. и самый крупный на сегодняшний момент объект ЮКМ – Файр кросс), 7 из которых искусственно превращены

в острова. На четырёх построены аэропорты двойного назначения. В июне 2012 на острове Юнсин (Вуди) был организован городской округ Сانشа, в который, по замыслу руководства КНР, были включены все острова ЮКМ. Вьетнам контролирует 5 островов архипелага Спратли (в т. ч. остров Спратли (Чыонгша)), 16 рифов, 3 отмели, обладая десятком наблюдательных постов в других частях спорной зоны.

Нерешённость территориального спора создаёт препятствия для ведения экономической деятельности в водах ЮКМ. Между Китаем и Вьетнамом систематически происходят столкновения по вопросу разработки энергетических ресурсов и ведению рыболовного промысла. Инциденты в ЮКМ затрагивают не только интересы непосредственных участников спора, но и их зарубежных партнёров [8, с. 67].

На сегодняшний день ситуация вокруг островов остаётся камнем преткновения в китайско-вьетнамских отношениях. Стороны стараются не доводить ситуацию до прямого военного столкновения, демонстрируя вместе с тем неизменность своих позиций касательно суверенитета над спорными островами.

Вьетнам продолжает следовать курсом удержания Китая в рамках переговорного процесса, придерживаясь дипломатического решения территориальных споров. Вьетнам активно, хотя и безрезультатно, продвигает свою позицию по ситуации в ЮКМ на площадке Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Через АСЕАН Вьетнам стремится добиться принятия Кодекса о поведении сторон в ЮКМ (рамочный проект документа был подготовлен в 2017 г.), который, в отличие от принятой 20 лет назад Декларации, будет иметь обязывающий для участников территориального спора характер касательно выполнения прописанных в нём норм. Переговоры по документу должны были подойти к финальной стадии в 2021 г., однако были поставлены на паузу в 2020 г. Формальным поводом стала пандемия COVID-19.

Несмотря на чёткое понимание необходимости использования дипломатических методов в решении территориальных разногласий с Китаем, Вьетнам предпринимает и иные действия в данном направлении, что связано, помимо прочего, с неудачными обращениями Ханоя в структуры ООН с целью признать китайские действия в ЮКМ нарушающими международное право.

Одним из инструментов воздействия на Китай можно назвать стратегию "хеджирования рисков" [12, р. 10], которая направлена на сдерживание китайской экспансии путём интернационализации конфликта через вовлечение в него крупных международных игроков, которые своими действиями могут уравновесить Китай и удержать его от агрессивных действий в Южно-Китайском море. С другой стороны, Вьетнаму нужно проявлять осторожность в применении данной стратегии, которая вызывает раздражение Китая, заинтересованного в защите своих военно-политических интересов и масштабных геоэкономических проектов.

Косвенной формой влияния на ситуацию вокруг спорных территорий является вьетнамская политика "трёх нет", которая включает три базовых правила: 1) нет иностранным войскам во Вьетнаме; 2) нет союзам с иностранными державами против другой державы; 3) нет военным альянсам [12, р. 11]. Тем самым Ханой сигнализирует Пекину о своей самостоятельности в принятии внешнеполитических решений, позиционируя себя стороной, с интересами которой необходимо считаться.

Экономический и военно-политический потенциал Китая и его роль в глобальных процессах делают неоспоримым доминирование Поднебесной в ЮКМ, что позволяет Пекину проводить свои интересы. Контроль над большей частью акватории ЮКМ представляется Китаю стратегически важным условием обеспечения национальной безопасности. Искусственное расширение Китаем площади подконтрольных островов с последующим размещением на них элементов военной инфраструктуры (ВВС, ВМФ, подводного флота), а также патрулирование спорных вод позволило ему заметно укрепить свое положение в акватории ЮКМ. В ноябре 2015 г. Китай впервые разместил на нескольких островах Спратли боевые ракетные батареи, способные поражать воздушные цели в радиусе 200 км [3], а в апреле 2018 г. – противокорабельные ракеты и ракеты класса "земля-воздух". По данным американских СМИ, Народно-освободительная армия Китая (НОАК) устанавливает на островах

Спратли оборудованное, позволяющее глушить радиопереговоры потенциального противника" [7, с. 178].

Заявляя об уважении принципов международного права, Китай вместе с тем продолжает занимать бескомпромиссную позицию по вопросам, относящимся к сфере его национальных интересов. Вскоре после обращения Вьетнама, Малайзии и Филиппин в Комиссию ООН по границам континентального шельфа и исключительным экономическим зонам в ЮКМ, Китай выдвинул "девятиточтирную линию", обозначив сферы своих интересов над более 80% акватории ЮКМ (попутно отобрав у Филиппин контроль над рифом Скарборо). В 2016 г. Пекин не признал решение Гаагского арбитражного суда о необоснованности территориальных претензий Китая на риф Скарборо и на острова Спратли [2, с. 208].

В отношении территориального спора Китай также исходит из принципа "трех нет": нет – интернационализации конфликта, нет – многосторонним переговорам, нет – обозначению территориальных требований в ЮКМ [6, с. 96]. Между тем усремления Китая в сторону силовой парадигмы вызывают опасения его соседей, создавая дилемму безопасности. Вьетнам, как и Китай, наращивает обороноспособность, вкладывает значительные средства в модернизацию своих вооруженных сил. В августе 2016 г. Ханой на некоторых контролируемых островах разместил EXTRA – израильскую артиллерию расширенного радиуса действия. Также Вьетнам закупил партию российских многофункциональных истребителей Су-30 и 6 подводных лодок проекта 636.1 "Варшавянка" [1]. На данный момент вьетнамская армия является одной из самых боеспособных и самых сильных армий в Юго-Восточной Азии [13].

Хотя военные потенциалы двух стран по-прежнему несопоставимы, вооруженный конфликт в ЮКМ может серьезно подорвать репутацию Китая как сильной, но миролюбивой державы. Оценивая характер угрозы и ущерб от прямого военного конфликта в ЮКМ, Пекин продолжает выступать за сохранение повестки территориальной проблемы в дипломатическом поле, хотя стороны ни на йоту не продвинулись в её разрешении. В то же время Китай демонстрирует серьёзность намерений в защите суверенных прав. За последние годы можно было наблюдать, как повышение градуса напряженности вблизи границ Китая ведёт к обострению отношений последнего со своими соседями (недавними примерами являются японо-китайский конфликт вокруг островов Сенкаку/Дяойюдао и пограничные столкновения между китайскими и индийскими войсками).

Перед Вьетнамом стоит сложная задача сохранить добрососедские отношения со своим ведущим экономическим партнёром, параллельно предпринимая шаги по ограничению китайской экспансии в спорных водах. Однако для перевода территориальной проблемы в плоскость конструктивного диалога сторонам необходимо вынести на повестку вопросы доверительных отношений и взаимовыгодного сотрудничества. Странам мог бы пригодиться международный опыт определения зон рыбной ловли, разработки решений в сфере экологических проблем, проведения совместных научных изысканий в области морских исследований. Снижение напряженности вокруг островов делает возможным переход к принятию совместного документа регламентирующего характера. Коллеги из ЦКЕМИ НИУ ВШЭ видят вариант решения конфликта через создание договора о разграничении морских пространств в зоне ЮКМ, положения которого определяют географические границы и координаты, а также позволяют провести делимитацию морских границ на спорных территориях и определяют зоны ответственности, зоны сотрудничества и зоны суверенитета для каждой из стран-участниц [4, с. 14].

Препятствием для реализации сценария решения территориальной проблемы посредством укрепления и диверсификации сотрудничества между участниками конфликта является геополитический фактор, существенно ограничивающий возможности переговорного процесса. Китай не готов идти на уступки, способные ослабить его позиции в стратегически важных для его безопасности зонах.

С другой стороны, для Вьетнама претензии Китая на острова в ЮКМ и 80 % его акватории носят характер экзистенциальной угрозы. Сила и напоистость Китая вызывают ответную реакцию внешних игроков, что приносит

Вьетнаму дополнительные очки. Вместе с тем вовлечение в территориальный конфликт сторонних участников с весомыми геополитическими амбициями создаёт предпосылки для масштабной эскалации проблемы и включения её в более широкий региональный контекст.

За последнее десятилетие территориальные споры в ЮКМ стали объектом пристального внимания со стороны внерегиональных игроков, поддерживающих Вьетнам в его стремлении отстаивать свои позиции и добиваться решения застарелой проблемы. США, Индия, Австралия и Япония оказывают Вьетнаму поддержку через дипломатические и военно-политические каналы, публично отвергая притязания Китая на ЮКМ. Однако интересы партнёров Вьетнама связаны не с установлением исторической справедливости в его пользу. Их риторика о примате международного права и приверженности дипломатическим механизмам направлена против китайского влияния.

Ситуация вокруг спорных территорий вписывается в парадигму расширенного сдерживания Поднебесной со стороны США, их союзников и партнёров. Противостояние китайскому доминированию в ЮКМ происходит посредством масштабных контрдействий, охватывающих более широкий географический диапазон. С началом пандемии Covid-19 "китайская угроза" находилась в повестке структур безопасности QUAD и QUAD+¹, где США играют ведущую роль. В сентябре 2021 г. создаётся новый военно-политический альянс AUKUS², антикитайский по своей сути, а в июне 2022 г. был запущен неформальный механизм по укреплению тихоокеанского регионализма – Partners in the Blue Pacific (РВР)³, ставший продолжением политики Вашингтона активизировать свое участие в ИТР для решения проблем XXI века (в т.ч. безопасность). Показательно, что заявление о создании РВР было сделано вскоре после того, как Китай заключил с Соломоновыми островами договор о безопасности, позволяющий ему размещать на территории архипелага объекты военной инфраструктуры [9].

Вовлечённость Вьетнама в подобные структуры (в частности, участие в диалоге QUAD+) налагает на Ханой обязательства перед партнёрами, чьи установки вносят диссонанс в китайско-вьетнамские договорённости касательно укрепления двустороннего стратегического партнёрства, в основе которого лежат принципы соблюдения мира и безопасности [15].

Взаимодействуя с внерегиональными игроками по вопросам безопасности, Вьетнам, с одной стороны, стремится позиционировать свою субъектность касательно территориального спора, с другой же – использовать своё геополитическое положение для достижения собственных национальных интересов. К сожалению, в условиях нагнетания обстановки вокруг ЮКМ (прежде всего в случае обострения тайваньской проблемы) Вьетнаму будет непросто сохранить баланс в отношениях между Китаем и антикитайской коалицией, что чревато его превращением в объект внешних геополитических сценариев с негативным для себя исходом.

В ситуации эскалации напряженности в отношениях с Китаем, Вьетнаму будет сложно заручиться поддержкой со стороны АСЕАН, которая долгое время сохраняла за собой статус основного многостороннего института, выступающего за сохранение регионального порядка в ЮВА. "Метод АСЕАН", вполне себе уместный в условиях отсутствия серьёзной конфронтации между Пекином и Вашингтоном, показывает несостоятельность в решении региональных проблем, в том числе споров вокруг ЮКМ. Возникновение новых структур безопасности, таких как Quad и AUKUS, стали тревожным сигналом для организации, сумевшей за 55 лет своего существования стать образцом сглаживания региональных противоречий, что во многом помогло ей заслужить кредит доверия со стороны внерегиональных партнёров. В стремлении

¹ QUAD – стратегический диалог по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе между США, Японией, Австралией и Индией. QUAD+ является форматом привлечения к сотрудничеству с "четвёркой" других стран (Корея, Новая Зеландия, Вьетнам, Филиппины и др.).

² AUKUS - трёхсторонний пакт, созданный Австралией, Великобританией и США (по составу участников получивший своё название).

³ РВР (Partners in the Blue Pacific) – организация по продвижению сотрудничества в Тихом океане, куда вошли США, Великобритания, Япония, Австралии, Новая Зеландия.

сохранить статус-кво в ЮВА АСЕАН может оказаться перед угрозой раскола, поскольку в настоящий момент организации всё сложнее ограничивать вмешательство великих держав в региональные дела.

В заklючении хотелось бы затронуть актуальность китайско-вьетнамского территориального конфликта для России, которая, несмотря на ещё большее экономическое и политическое сближение в Китае, продолжает придерживаться в отношении него нейтральной позиции, не вмешиваясь в ход территориальных разногласий и выступая за формат мирного урегулирования в соответствии с нормами международного права. Параллельно Москва выступает против интернационализации спора, осознавая, что это несёт урон её долгосрочным интересам в ЮВА. Серьёзным вызовом для российского присутствия в ЮВА станет расширение военно-политического сотрудничества Вьетнама с внешними игроками.

За последнее десятилетие наблюдается эскалация конфликта в ЮКМ, где Китай и Вьетнам выступают как наиболее заинтересованные стороны. Вьетнам придерживается курса на последующую интернационализацию конфликта, с целью заручиться поддержкой крупных внерегиональных игроков для противодействия экспансии со стороны Китая. В свою очередь, Китай, расширяя диапазон контроля над ЮКМ, продолжает настаивать на том, что переговоры по спорным территориям должны носить двусторонний характер, а ЮКМ не является ни сафари-парком для внерегиональных стран, ни полем битвы для великих держав [11].

Китаю важно сохранить данный формат, потому что при помощи него ему легче отстаивать свои стратегические интересы. В то же время ожидается виток противостояния между США и Китаем в стремлении Вашингтона ограничить возможность последнего решить тайваньский вопрос. Тем самым ЮКМ становится объектом геополитических интересов антикитайски настроенных внерегиональных игроков (США и их партнёров), здесь сохраняется опасность крупномасштабного военного конфликта с участием ведущих держав мира и региональных стран.

Литература

1. Во Вьетнам доставлена последняя из шести заказанных у РФ подлодок "Варшавянка" // ТАСС.ру. Международная панорама. 20.01.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3956476> (дата обращения: 12.07.2022)
2. Капустин Н. А. Территориальный конфликт в Южно-Китайском море: причины и варианты развития // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 6. С. 206–216.
3. Карабанов К. Чем грозит Китаю решение Гаагского суда? // Вести.ру. 12.07.2016. URL <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2775395> (дата обращения: 15.05.2022)
4. Королёв А.С., Стрельникова И.А. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта // Аналитический бюллетень ЦКЕ-МИ. 2021. 18 с.
5. Кхань Чан. Исторические и правовые основы определения и реализации вьетнамского суверенитета в Восточном море: этапы истории // Вьетнамские исследования. 2015. №5. С.119–137.
6. Локшин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. №21. С. 77–99.
7. Локшин Г. М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография. М.: ИД "ФОРУМ", 2019. 296 с.
8. Скирута П.А., Золотухин И. Н. Территориальный спор в Южно-Китайском море в энергетическом измерении: позиции Китая, Вьетнама и России // Известия Восточного института. 2020. № 1. С. 64–72.
9. Тен Д.И. Китай и Соломоновы острова подписали договор о допуске китайских кораблей и оружия в южную часть Тихого океана. // The Epoch Times. 03.04.2022. URL: <https://www.epochtimes.ru/china/voennyj-kitaj/kitaj-i-solomonovy-ostrova-podpisali-dogovor-o-dopuske-kitajskih-korablej-i-oruzhiya-v-yuzhnyu-chast-tihogo-okeana-150741/> (дата обращения: 15.07.2022)
10. Тхю Чан Чьонг. Территориальные проблемы в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2004. №1(4). С.186–208.
11. China says South China Sea not a 'fighting arena' for major powers. // Reuters.com. July 25, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-says-south-china-sea-not-fighting-arena-major-powers-2022-07-25/> (дата обращения: 18.08.2022)
12. De Gurung Ananta S. B. China, Vietnam, and the South China Sea // Indian Journal of Asian Affairs. 2018. Vol. 31. №1/2 (June - December). P. 1–20.

13. Military Strength Ranking 2022. . URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 15.07.2022)
14. Raditio Klaus H. Understanding China's Behaviour in the South China Sea: A Defensive Realist Perspective. - University of Sydney, NSW, Australia. - Palgrave Macmillan, 2019. 209 p.
15. Việt Nam, China should respect each other's legitimate interests in South China Sea issue: Foreign minister. // Vietnam News. July 5, 2022. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/1266058/vietnam-china-should-respect-each-other-s-legitimate-interests-in-south-china-sea-issue-foreign-minister.html> (дата обращения: 18.08.2022).

References

1. The last of the six Varshavyanka submarines ordered from the Russian Federation was delivered to Vietnam // TASS.ru. International panorama. 20.01.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3956476> (accessed 12.07.2022)
2. Kapustin N.A. Territorial conflict in the South China Sea: causes and development options // Theories and problems of political research. 2017. №6. P. 206–216. (In Russ.)
3. Karabanov K. What threatens China with the decision of the Hague court?// Tidings.ru. 12.07.2016. URL <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2775395> (accessed 15.05.2022)
4. Korolyov A.S., Strel'nikova I.A. Королёв А.С., Стрельникова И.А. Territorial Dispute in the South China Sea: Is There Light at the End of the Tunnel or Prospects for Conflict Resolution // CCEMI Analytical Bulletin. 2021. 18 p. (In Russ.)
5. Tran Khanh. Historical and Legal Basis for the Definition and Implementation of Vietnamese Sovereignty in the East Sea: Stages of History // Vietnam Studies. 2015. №5. P.119–137. (In Russ.)
6. Lokshin G.M. Vietnamese-Chinese relations: the tyranny of geography and common sense // Southeast Asia: actual development problems. 2013. N 21. P. 77–99. (In Russ.)
7. Lokshin G.M., Kobleev E.V., Mazyrin V.M. The ASEAN Community in the modern world: a monograph. - M.: Publishing House "FORUM", 2019. 296 p. (In Russ.)
8. Skiruta P.A., Zolotukhin I.N. The energy dimension of the territorial dispute in the South China Sea through the positions of China, Vietnam and Russia // Oriental Institute Journal. 2020. № 1. P. 64–72. (In Russ.)
9. Ten D.J. China and the Solomon Islands signed an agreement on the admission of Chinese ships and weapons to the South Pacific Ocean // The Epoch Times. 04/03/2022. URL: <https://www.epochtimes.ru/china/voennyj-kitaj/kitaj-i-solomonovy-ostrova-podpisali-dogovor-o-dopuske-kitajskih-korablej-i-oruzhiya-v-yuzhnuyu-chast-tihogo-okeana-150741/> (accessed 15.07.2022)
10. Thuy Chan Truong. Territorial problems in the South China Sea // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2004. №1(4). P.186–208. (In Russ.)
11. China says South China Sea not a 'fighting arena' for major powers // Reuters.com. July 25, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-says-south-china-sea-not-fighting-arena-major-powers-2022-07-25/> (accessed 18.08.2022)
12. De Gurung Ananta S. B. China, Vietnam, and the South China Sea // Indian Journal of Asian Affairs. 2018. Vol. 31. №1/2 (June - December). P. 1–20.
13. Military Strength Ranking 2022. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed 15.07.2022)
14. Raditio Klaus H. Understanding China's Behaviour in the South China Sea: A Defensive Realist Perspective. University of Sydney, NSW, Australia. Palgrave Macmillan, 2019. 209 p.
15. Việt Nam, China should respect each other's legitimate interests in South China Sea issue: Foreign minister // Vietnam News. July 5, 2022. URL: [https:// vietnamnews.vn/politics-laws/1266058/vietnam-china-should-respect-each-other-s-legitimate-interests-in-south-china-sea-issue-foreign-minister.html](https://vietnamnews.vn/politics-laws/1266058/vietnam-china-should-respect-each-other-s-legitimate-interests-in-south-china-sea-issue-foreign-minister.html) (accessed 18.08.2022).

Информация об авторах

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru
Владислав Олегович Зайцев, бакалавр Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zaitcev.vo@students.dvfu.ru

Information about the authors

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru
Vladislav O. Zaytcev, Bachelor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zaitcev.vo@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Revised) 09.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Региональная повестка Эфиопии в современных геополитических реалиях Африки

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolvivnik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается активизация роли Эфиопии в региональных процессах путём акцентирования внимания на решение внутривнутриполитических и международных проблем. Уделено внимание современному состоянию и перспективам разрешения межэтнического конфликта в регионе Тыграй, ситуации вокруг развития конфронтации Эфиопии с Египтом по поводу запуска плотины "Хидасэ (Возрождение)", попыткам внешних игроков усилить своё влияние в Эфиопии. Также затронуты действия России по наращиванию позиций в Эфиопии. На основе анализа событий и фактов, обозначены результаты деятельности эфиопского руководства по укреплению своего международного положения и избеганию превращения в объект чуждых геополитических интересов.

Ключевые слова: Эфиопия, Россия, Китай, конфликт, Тыграй, плотина "Хидасэ", международное сотрудничество

Для цитирования: Золотухин И. Н. Региональная повестка Эфиопии в современных геополитических реалиях Африки // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 143–150. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/143-150>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/143-150>

The Ethiopia's regional agenda in the contemporary Africa's geopolitical realities

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolvivnik@mail.ru

Abstract. The article examines the process of emerging Ethiopia's active role in regional processes. The Ethiopian government pays attention on the solution of domestic political and international issues. The current state and prospects for resolving of the interethnic conflict in the region of Tigray, as well as the situation around the development of confrontation between Ethiopia and Egypt over the launch of the Hidase (Renaissance) dam, and attempts by external players to increase their influence in Ethiopia are researched. Russia's actions to build up its position in Ethiopia were also outlined. Based on the analysis of events and facts, the results of the activities of the Ethiopian government to strengthen the country's international position and avoid converting into an object of external geopolitical interests are indicated.

Key words: Ethiopia, Russia, China, conflict, Tigray, the Hidase dam, international cooperation

For citation: Zolotukhin I. N. The Ethiopia's regional agenda in the contemporary Africa's geopolitical realities // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 143–150. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/143-150>

События последних десятилетий существенно меняют укоренившиеся (особенно в западном политическом дискурсе) представления об Африке как о континенте, расположенном на периферии глобальных геополитических процессов. Богатые природные ресурсы африканских стран (нефть, драгоценные камни, металлические руды) привлекают внимание ведущих мировых и региональных держав (США, Китай, ЕС, Турция); государственные структуры зарубежных государств и транснациональные корпорации инвестируют крупные инфраструктурные проекты, благодаря которым Африка активно вовлекается в трансконтинентальные экономические связи. В то же время африканские страны обладают не только колоссальным ресурсным, но и конфликтным потенциалом, что сохраняет угрозу безопасности и создаёт серьезные препятствия для плодотворного международного сотрудничества на континенте.

Положение дел в регионе Африканского Рога¹ давно находится в центре внимания международного сообщества. Характерной чертой этой части Африки является напряженная политическая обстановка: практически во всех странах идут затяжные вооруженные конфликты, да и сами страны неоднократно становились участниками военных столкновений друг с другом. За последние 30 лет здесь произошли масштабные геополитические изменения:

¹ Другое название Сомалийского полуострова, четвертого в мире по площади территории, на котором расположены Эфиопия, Эритрея, Джибути, Сомали [16]. Encyclopædia Britannica, inc, Jacob E. Safra, The New Encyclopædia Britannica, (Encyclopædia Britannica: 2002), p. 61: "The northern mountainous area, known as the Horn of Africa, comprises Djibouti, Ethiopia, Eritrea, and Somalia."

независимость получили Эритрея и Южный Судан; Сомали превратилось в failed state, фактически распавшись на ряд квази-государств; в Эфиопии продолжается вооружённый конфликт между федеральными властями и движением "Народный фронт освобождения Тыграя" (НФОТ).²

Внутриполитическая нестабильность в странах Рога, вызванная межэтническими противоречиями, усугубляется нерешёнными экономическими и социальными проблемами, которые приобрели катастрофический характер. Помимо бедности, отсутствия коммунальных услуг и качественного медицинского обслуживания, жизни населения угрожают боевые действия, высокая преступность и голод. По заявлениям Международного комитета спасения, к сентябрю 2022 г. число голодающих в Восточной Африке (Эфиопии, Кении и Сомали) может превысить 20 млн. человек. Прогнозы НКО учитывают рекордную засуху и проблемы с импортом зерна из России и Украины [20].

Однако на фоне кажущихся бесконечными трудностей, с которыми сталкиваются восточноафриканские страны, за последние годы на международной арене активизируется роль Эфиопии. Руководство второго по численности населения в Африке государства предпринимает шаги для преодоления кризисных ситуаций и реализации планов самостоятельного развития с учётом имеющегося у страны потенциала.

Полыхает гражданская война...

На гербе Эфиопии расположена пятиконечная золотая звезда, которая символизирует единство населяющих страну народов. В реальности межэтнические конфликты продолжают определять внутри и внешнеполитическую повестку государства. Столкновения на этнической почве, происходившие ещё в ходе гражданской войны 1974–1991 гг., унесшей жизни более 250 тыс. чел. [13], носят затяжной характер.

Не является исключением нынешнее вооружённое противостояние между правительством и НФОТ, выступающего за контроль над территорией (фактически за её независимость), большинство которой составляет население тиграи, этнически отличающиеся от амхара и оромо, составляющих 63% населения Эфиопии. Сепаратизм в регионе Тыграй является серьёзным вызовом для правительства, тем более что не так давно, в 1993 г., от Эфиопии отделилась Эритрея, где более 30 лет вооружённые формирования противостояли федеральным властям.

Напряжённые отношения между НФОТ и премьер-министром Эфиопии Абий Ахмедом Али (удостоенным в 2019 г. Нобелевской премии мира за разрешение пограничного конфликта с Эритреей, против отделения которой в 1980-90-е гг. выступал НФОТ), вылились в вооружённый конфликт после того как Аддис-Аббеба не признала победу НФОТ на выборах в Совет представителей Тыграя, сославшись на то, что они проходили в период пандемии Covid-19 и нарушали постановление федерального правительства. Против НФОТ, который более 30 лет являлся правящей в Тыграе партией, была провозглашена военная операция. Поводом для начала боевых действий стало нападение вооружённых формирований автономии на военных федерального правительства, осуществлявших контроль над границей с Эритреей.

Боевые столкновения между эфиопской армией и вооружёнными формированиями НФОТ сразу приобрели ожесточённый характер. Вооружённые силы НФОТ, численно превосходящие правительственные войска, наносили авиа и артиллерийские удары не только по позициям армейских формирований Эфиопии в различных регионах страны, но и по территории Эритреи. 28 ноября 2020 г. премьер-министр Эфиопии заявил о победе над сепаратистами и о взятии города Мэкэле (административный центр Тыграя) под полный контроль правительственной армии. В ответ глава НФОТ Дебрецеон Гебремикаэль заявил о продолжении войны [15].

² НФОТ – созданная в 1970-х гг. политическая организация, принимавшая участие в гражданской войне (1974–1991) на стороне противников Менгисту Хайле Мариам [12]. До 2019 г. входила в правящие структуры Эфиопии, затем перешла в оппозицию, сохранив статус ведущей партии в регионе Тыграй, за независимость которого выступала с 1970-х гг. Во многом потеря позиций НФОТ на общенациональном уровне способствовала усилению тыграйского сепаратизма, что привело к вооружённому противостоянию между организацией и правительством Эфиопии.

Боевые действия вышли за пределы мятежного автономного региона, охватив близлежащие территории Афар и Амхара. В конфликт на стороне Аддис-Абебы вмешалась Эритрея при поддержке Джибути, Кении, Сомали, а также ОАЭ, Турции и Ирана. НФОТ, активно противодействуя вооруженным силам Эфиопии, создаёт в ноябре 2021 г. коалицию Объединённого фронта федералистских и конфедералистских сил Эфиопии, куда вошли вооружённые антиправительственные формирования из 8 регионов страны [15]. В конце 2021 г. правительственным войскам после серии неудач удалось начать контрнаступление, в результате которого антиправительственная коалиция распалась. Федеральные силы получили тактический перевес, но конфликт до сих пор не завершён, причём высока вероятность дислокации повстанческих контингентов в соседних странах (Судан, Кения, Сомали). Также в соседних государствах существуют проблемы с беженцами, число которых возрастает (беженцы из Сомали, Эфиопии и Эритреи нелегально въезжают на территорию Йемена).

Несмотря на усилия правительства, объявившего весной 2022 г. бессрочное гуманитарное перемирие с повстанческими силами, население регионов Афар, Амхара и Тыграй испытывают острую нехватку продовольствия и медицинской помощи. Всего же в стране более 25 млн. чел. нуждаются в гуманитарной помощи и защите.

От того, насколько эффективными будут действия правительства в проведении общенационального диалог с целью урегулирования политической ситуации, зависит успех реализации масштабного "проекта тысячелетия" – плотины "Хидасэ".

Дамба преткновения или краеугольный камень новых горизонтов?

В феврале 2011 г. правительство объявило о запуске строительства грандиозного сооружения – дамбы "Хидасэ" или "Плотины великого возрождения Эфиопии". За пафосным названием скрывались амбициозные планы эфиопского руководства создать мощную гидроэлектростанцию (ГЭС), эксплуатация которой позволит решить социально-экономические проблемы не только в самой стране (в том числе благодаря притоку поступлений за счёт экспорта электроэнергии за рубеж), но и за её пределами, посредством помощи соседям, страдающим от дефицита электричества.

В феврале 2022 г. был запущен первый электрогенератор. Проект, в реализацию которого за 10 лет вложено более 5 млрд. \$, в том числе западных инвестиций (США, Италия, Франция), готов более чем на 80%. Строительство дамбы планируется завершить в конце 2023 г. [6]. Однако ГЭС на реке Голубой Нил с запланированной мощностью более 5 ГВт остаётся камнем преткновения между Эфиопией с одной стороны и Египтом с Суданом с другой. Страны, расположенные в нижнем течении Нила, воспринимают дамбу как угрозу своим национальным интересам, заявляя о том, что функционирование ГЭС "Хидасэ" приведет к экологической катастрофе с тяжелыми последствиями для их экономики и населения. Каир и Хартум опасаются, что в результате заполнения эфиопской плотины, запасов воды Нила окажется недостаточно для функционирования их собственных ГЭС и обеспечения экономических потребностей.

Наиболее непримиримую позицию в отношении дамбы занимает руководство Египта, который на протяжении 100 лет с момента обретения независимости почти безраздельно господствовал на Ниле. В 1929 г. Египет и Великобритания заключили соглашение, провозгласившее "исторические права" Египта на Нил, которое давало Лондону возможность сохранить влияние на стратегически важных территориях. Через 30 лет был подписан договор между Каиром и Хартумом, разделявший объёмы потребления нильской воды (70% забирал Египет, а 20% полагалось Судану [5]), и почти сразу Египет, при содействии СССР, начал строительство Асуанской плотины, ввод в эксплуатацию которой состоялся в 1971 г. [2, с. 40] Асуанский гидроузел до сих пор остаётся крупнейшим в Египте гидротехническим сооружением.

Действия Эфиопии затронули проблему пересмотра квот на использование водных ресурсов Нила, что вызвало негативную реакцию Египта, потребности которого в нильской воде с годами возросли и для которого Нил является безальтернативным источником пресной воды. Опираясь на меж-

дународные соглашения, дававшие Египту право монополии на воды Нила, Каир неоднократно блокировал попытки создания плотин в верховьях реки. Благодаря дипломатическим усилениям и давлению на потенциальных инвесторов руководством Египта удавалось лишить эфиопский проект международного финансирования [4, с. 56]. После того, как Эфиопия заявила о серьезности своих намерений, Каир перешёл к агрессивной риторике, угрожая уничтожить дамбу, однако, заинтересованность в эфиопской плотине со стороны стран нильского бассейна и поддержка проекта со стороны крупных международных игроков – России, Китая, Турции, заставили Египет вернуться к переговорному формату.

Эфиопия настаивает на том, что опасения соседей по Нилу беспочвенны, а ГЭС жизненно необходима не только стране, но также имеет значение для всей Африки и не является инструментом геополитического давления. Египет продолжает отстаивать позицию необходимости согласованных действий, выступая за выработку резолюции, которая бы учитывала интересы всех сторон. В итоге диалог зашел в тупик, безрезультатными оказались попытки Каира и Хартума решить вопрос через Совбез ООН, а затем посредством переговоров под эгидой Африканского союза [17]. Проблема упирается в противоречивость международного права, признающего разные концепции в области потребления водных ресурсов [3, с. 16]. Опасения сторон понести потери делают невозможным компромиссные варианты решения вопроса, тем самым превращая его в конфликт с нулевой суммой.

Продвижение проекта "Хидасэ", безусловно, является дипломатической победой Эфиопии, демонстрирующей умение Аддис-Абебы виртуозно использовать слабости оппонента в лице Египта и получить поддержку извне. В то же время цена этой поддержки в условиях нагнетания обстановки вокруг запуска проекта может оказаться слишком высокой для эфиопского руководства, превращая последнего в объект геополитических манёвров внешних игроков, стремящихся укрепить своё присутствие на Африканском континенте.

Эфиопия в геополитических интересах внешних игроков

Китай, нарастивший миллиардные инвестиции в инфраструктурные (транспортные, социальные, энергетические) проекты на территории Эфиопии, выступает как наиболее влиятельный выгодоприобретатель и потенциальный союзник Аддис-Абебы, сотрудничество с которым определяет контуры её международной повестки.

Благодаря взаимоотношениям с Китаем, Эфиопия получила не только доступ к кредитному финансированию, но и выход к морю. "Морскими воротами" в Эфиопию являются Джибути, где у Китая есть военная база и порт Дорале, обладающий терминалами для хранения нефти, навалочного груза и контейнеров. Китайский Exim Bank вложил 2,4 млрд. \$; в создание железной дороги Аддис-Абеба – Джибути [18]. Китай выразил готовность вложиться в строительство магистрального газопровода из Эфиопии. Тем самым Китай делает ставку на Эфиопию как один из элементов инициативы "Пояса и Пути". Для Китая важна стабильность в стране, где он является главным инвестором, поэтому Пекин выступает на стороне эфиопского руководства на международных площадках и ковенно поддерживает его в борьбе с антиправительственными силами (в частности, поставляя через ОАЭ беспилотники) [14].

Ещё одним сторонником укрепления Эфиопии выступает Турция, занимающая второе место по объему инвестиций в африканскую страну, оказывающая ей гуманитарную и военно-техническую помощь. Помимо этого, Анкара реализует в Эфиопии инструменты "мягкой силы", продвигая через Турецкую организацию сотрудничества и координации образовательные проекты, а также развивая культурные связи с эфиопскими регионами, где проживает исламское население [19]. Важной для Турции остаётся разведывательная деятельность в Эфиопии. Укрепляя связи с Эфиопией, Турция активизирует присутствие в этой стране, напрямую не конкурируя с китайскими капиталами. Анкара заинтересована в усилении Эфиопии как в противовесе позиции Судана и Египта, чем, в частности, объясняется турецкая поддержка проекта "Хидасэ".

Вашингтон по-прежнему намерен продолжать развивать отношения с Эфиопией, прежде всего по гуманитарной и экономической линии, однако

в его планы не входит усиление влияния Эфиопии в регионе Африканского Рога, что воспринимается американцами как нарушение баланса сил. В интересах Вашингтона, с одной стороны, не допустить эскалации конфликтов с участием Эфиопии, с другой – ограничить политические и экономические возможности Аддис-Абебы в реализации амбициозных проектов. В связи с этим США посредством международных площадок и поддержки соседей Эфиопии, стремятся оказывать давление на политику эфиопского правительства. На недавно прошедшем саммите в г. Джидда (Саудовская Аравия) Президент США Байден высказался в поддержку водной безопасности Египта [1]. Однако такая политика вряд ли сможет противостоять сближению Эфиопии и Китая, с которым Вашингтону на ближайшую перспективу предстоит конкурентная борьба за позиции на Африканском Роге.

Что касается России, то за последнее десятилетие наша страна прилагает усилия в наращивании своих позиций в Эфиопии. Москва списала Эфиопии многомиллионные долги, поддерживает Аддис-Абебу на заседаниях ООН (российская делегация оказалась на стороне Эфиопии по вопросам запуска "Хыдасе" и конфликта с НФОТ (который Москва признала внутривнутриполитическим), укрепляет оборонный потенциал страны, осуществляя в неё поставки оружия [10]. Товарооборот между РФ и Эфиопией по сравнению с 2020 г. вырос на 359% (экспорт в Эфиопию на 633%), хотя его объёмы остаются небольшими – 225 млн. \$ [11]. Качнувшийся в сторону Эфиопии маятник интересов России связан с желанием Москвы создать противовес американскому влиянию в Африке. Этим фактом продиктованы в том числе устремления создать вблизи Эфиопии пункт материально-технического обеспечения российского военно-морского флота в Красном море (на территории Судана). В то же время поддерживая Эфиопию, России важно не допустить разногласий с другими африканскими странами, а стремиться к укреплению взаимовыгодного сотрудничества с ними. В качестве примера приведем недавний эпизод из российско-египетских отношений. В прошлом году Каир, недовольный позицией России по проекту "Хыдасе", заявил о заморозке строительства совместного с российской компанией "Росатом" проекта АЭС в Эд-Дабаа, инвестиционной стоимостью 30 млрд. \$ [7]. Однако летом этого года работы были возобновлены [8], что показывает значимость для египетского руководства решения энергетических проблем страны, где очень важен опыт России. Кроме того, использование АЭС способно сгладить разногласия вокруг плотины "Хыдасе".

Здесь стоит упомянуть о том, что Россия и Эфиопия также сотрудничают в области использования атомной энергии, подписав в 2017 г. соответствующий меморандум, а в 2019 межправительственное соглашение [9]. При содействии "Росатома" планируется создание в стране двухблоковой АЭС. "Ядерная карта" в перспективе может стать козырной в африканской политике РФ, особенно если Москва выразит готовность занять энергетическую нишу с прицелом на долгосрочное партнёрство и вовлечение в решение проблем безопасности.

На краткосрочную перспективу Россия планирует развивать отношения с Эфиопией, избегая конкурентной борьбы с влиятельными внешними игроками; дальнейшие шаги Москвы будут продиктованы корреляцией стратегических интересов в Африке. Наращивание российского влияния (прежде всего посредством военного сотрудничества) будет сопряжено с повышением уровня нестабильности в регионе Африканского Рога, а также продиктовано изменениями на мировой арене в целом.

Заключение

Аддис-Абеба заинтересована в преодолении внутривнутриполитической нестабильности и политических разногласий с государствами нижнего течения Нила по поводу "Хыдасе", поскольку решение этих проблем способно придать импульс темпам экономического роста Эфиопии и укрепить её региональные позиции.

От умения политического руководства выстроить долгосрочную стратегию развития, в основу которой будет заложено прекращение вооруженного конфликта, наращивание энергетических мощностей и обеспечение продовольственной безопасности, зависят и внешнеполитические успехи страны.

Возрастание роли Эфиопии на международной арене существенно расширяет диапазон возможностей африканского государства, а интеграция страны в мировые хозяйственные связи позволит ей извлекать дополнительные выгоды от участия в реализации масштабных проектов. В то же время для Аддис-Абебы открытым остаётся вопрос, как сохранить самостоятельность во внешнеполитическом курсе и избежать вовлечения в чужие геополитические сценарии.

Ответ на данный вопрос коренится в способности эфиопского правительства сохранить сбалансированный подход в отношениях с ведущими международными игроками, что в условиях зависимости страны от иностранной финансовой помощи и кредитов будет сделать нелегко. Потенциал Китая и США делает их главными участниками борьбы за Африку, в которой Эфиопии выгодно держаться в стороне от разногласий ведущих геополитических акторов и стремиться расширять контакты с новыми и старыми партнёрами. На этом фоне перспективным для укрепления внешнеполитической субъектности Эфиопии может стать сближение с Россией.

Литература

1. Байден поддержал Египет по вопросу эфиопской плотины на Голубом Ниле // ИА Красная Весна (сайт). URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c135fffd4> (дата обращения: 18.07.2022)
2. Беляков В.В. Укрощение строптивого. "Золотой юбилей" перекрытия Нила // Азия и Африка сегодня. 2014. №9. С. 40–41.
3. Борисова Е.А. Плотины "Возрождение" в Эфиопии: геополитический контекст и международное право // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 12–16.
4. Брагин А.Н. Эфиопия: великая дамба возрождения // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С. 56–58.
5. Ефимова М. Деление воды // Коммерсантъ Власть (сайт). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978858> (дата обращения: 16.07.2022)
6. Лабутина Д. Алемайеху Тегену: нужно создать механизм для свободного обмена рубля // РИА Новости (сайт). URL: <https://ria.ru/20220614/efiopiya-1795089289.html> (дата обращения: 18.06.2022)
7. Президент Египта распорядился заморозить до конца года любое строительство в 32-километровой зоне безопасности вокруг АЭС "Эль-Дабаа" // Атомная Энергия (сайт). URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/08/19/116604> (дата обращения: 25.06.2022)
8. Росатом залил "первый бетон" на первом энергоблоке ВВЭР-1200 египетской АЭС "Эль-Дабаа" // Атомная Энергия (сайт). URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/07/20/126602> (дата обращения: 21.07.2022)
9. Россия и Эфиопия подписали межправсоглашение о сотрудничестве в мирном атоме // ТАСС.ру (сайт). URL: https://tass.ru/ekonomika/7033986?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.07.2022)
10. Салех О.М. Соглашение о российско-эфиопском военном сотрудничестве. Какие интересы оно отвечает обеим сторонам? // Al Jazeera // ИноСМИ (сайт). URL: <https://inosmi.ru/20210725/250187957.html> (дата обращения: 28.06.2022)
11. Торговля между Россией и Эфиопией в 2021 // Внешняя торговля России (сайт). URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-efiopiye-v-2021-g/> (дата обращения: 14.07.2022)
12. Aregawi B. A Political History of the Tigray People's Liberation Front (1975–1991): Revolt, Ideology and Mobilisation in Ethiopia. - Vrije Universiteit. Amsterdam 2008. 426 p.
13. Ethiopian Civil War 1974-1991 // Armed Conflict Events Data. URL: <http://www.onwar.com/aced/nation/eat/ethiopia/fethiopia1974.htm> (дата обращения: 15.07.2022)
14. Gatopoulos A. How armed drones may have helped turn the tide in Ethiopia's war // Al Jazeera. com. 10.12.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2021/12/10/how-armed-drones-may-have-helped-turn-tide-in-ethiopia-conflict> (дата обращения: 12.07.2022)
15. Global Conflict Tracker. Conflict in Ethiopia // CFR.org. 24.02.2022. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-ethiopia> Conflict in Ethiopia // (дата обращения: 18.03.2022)
16. Misachi J. The Horn of Africa/ J. Misachi // World Atlas. 04.06.2021. URL: <https://www.worldatlas.com/geography/horn-of-africa.html> (дата обращения: 10.07.2022)
17. Saied M. With world attention on Ukraine, Nile dam conflict escalates/ M. Saied // Al Monitor. 02.03.2022. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/world-attention-ukraine-nile-dam-conflict-escalates> (дата обращения: 30.03.2022)

18. Tarrosy I., Vörös Z. China and Ethiopia, Part 2: The addis-Ababa-Djibouti Railway // *The Diplomat*. 22.02.2022. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/china-and-ethiopia-part-2-the-addis-ababa-djibouti-railway/> (дата обращения: 14.07.2022)
19. Turkey Reaffirms Support To Ethiopia's Commitment To Solve GERD Issue Through African Solution // *Fana Broadcasting Corporate*. 16.09.2021. URL: <https://www.fanabc.com/english/turkey-reaffirms-support-to-ethiopias-commitment-to-solve-gerd-issue-through-african-solution/> (дата обращения: 18.04.2022)
20. Winsor M. Millions could die without 'urgent' funding as 'catastrophic famine' looms in East Africa, IRC says/ M. Winsor // *ABC NEWS*. 20.07.2022. URL: <https://abcnews.go.com/International/millions-die-urgent-funding-catastrophic-famine-looms-east/story?id=87050102> (дата обращения: 21.07.2022).

References

1. Biden supports Egypt over Ethiopian Blue Nile dam // *Information Agency "Krasnaya Vesna (Red Spring)"* (web-site). URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c135ffd4> (accessed 18.07.2022) (In Russ.)
2. Belyakov V.V. Taming of the Shrew. "Golden Jubilee" of the blocking of the Nile // *Asia and Africa today*. 2014. №9. P. 40–41. (In Russ.)
3. Borisova E.A. The dam "Renaissance" in Ethiopia: geopolitical context and international law // *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*. 2018. № 5 (174). P. 12–16.
4. Bragin A.N. Ethiopia: the great dam of renaissance // *Asia and Africa today*. 2012. № 1. P. 56–58. (In Russ.)
5. Efimova M. Water sharing // *Kommersant Vlast (Businessman and Power)* (web-site). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978858> (accessed 16.07.2022) (In Russ.)
6. Labutina D. Alemayehu Tegenu: it is necessary to create a mechanism for the free exchange of the ruble // *RIA News* (web-site). URL: <https://ria.ru/20220614/efiopiya-1795089289.html> (accessed 18.06.2022) (In Russ.)
7. The President of Egypt ordered to freeze until the end of the year any construction in the 32-kilometer security zone around the El Dabaa nuclear power plant // *Atomic Energy* (web-site). URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/08/19/116604> (accessed 25.06.2022) (In Russ.)
8. Rosatom poured "first concrete" at the first VVER-1200 power unit of the Egyptian El-Dabaa NPP // *Atomic Energy* (web-site). URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/07/20/126602> (accessed 21.07.2022) (In Russ.)
9. Russia and Ethiopia signed an intergovernmental agreement on cooperation in the peaceful atom // *TASS.ru* (web-site). URL: https://tass.ru/ekonomika/7033986?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 12.07.2022) (In Russ.)
10. Agreement on Russo-Ethiopian military cooperation. What interests does it serve for both parties? // *Al Jazeera // Foreign Mass Media* (web-site). URL: <https://inosmi.ru/20210725/250187957.html> (accessed 28.06.2022) (In Russ.)
11. Trade between Russia and Ethiopia in 2021 // *Foreign Trade of Russia* (web-site). URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-efiopiye-v-2021-g/> (accessed 14.07.2022) (In Russ.)
12. Aregawi B. A Political History of the Tigray People's Liberation Front (1975–1991): Revolt, Ideology and Mobilisation in Ethiopia. - *Vrije Universiteit*. Amsterdam 2008. 426 p.
13. Ethiopian Civil War 1974–1991 // *Armed Conflict Events Data*. URL: <http://www.onwar.com/aced/nation/eat/ethiopia/fethiopia1974.htm> (accessed 15.07.2022)
14. Gatopoulos A. How armed drones may have helped turn the tide in Ethiopia's war // *Al Jazeera*. com. 10.12.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2021/12/10/how-armed-drones-may-have-helped-turn-tide-in-ethiopia-conflict> (accessed 12.07.2022)
15. Global Conflict Tracker. Conflict in Ethiopia // *CFR.org*. 24.02.2022. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-ethiopia> Conflict in Ethiopia // (accessed 18.03.2022)
16. Misachi J. The Horn of Africa/ J. Misachi // *World Atlas*. 04.06.2021. URL: <https://www.worldatlas.com/geography/horn-of-africa.html> (accessed 10.07.2022)
17. Saied M. With world attention on Ukraine, Nile dam conflict escalates/ M. Saied // *Al Monitor*. 02.03.2022. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/world-attention-ukraine-nile-dam-conflict-escalates> (accessed 30.03.2022)
18. Tarrosy I., Vörös Z. China and Ethiopia, Part 2: The Addis-Ababa-Djibouti Railway // *The Diplomat*. 22.02.2022. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/china-and-ethiopia-part-2-the-addis-ababa-djibouti-railway/> (accessed 14.07.2022)
19. Turkey Reaffirms Support To Ethiopia's Commitment To Solve GERD Issue Through African Solution // *Fana Broadcasting Corporate*. 16.09.2021. URL: <https://www.fanabc.com/english/turkey-reaffirms-support-to-ethiopias-commitment-to-solve-gerd-issue-through-african-solution/> (accessed 18.04.2022)

20. Winsor M. Millions could die without 'urgent' funding as 'catastrophic famine' looms in East Africa, IRC says/ M. Winsor // ABC NEWS. 20.07.2022. URL: <https://abcnews.go.com/International/millions-die-urgent-funding-catastrophic-famine-looks-east/story?id=87050102> (accessed 21.07.2022)

Информация об авторе

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Information about the author

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 28.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Revised) 07.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022

Рецензия
УДК 101.9
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/151-165>

Михаил Бахтин и формирование современной парадигмы гуманитарного знания в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Аналитический обзор публикаций

Ячин Сергей Евгеньевич
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yachin.se@dvfu.ru
Деменчук Павел Юрьевич
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия demenchuk.pyu@dvfu.ru
Чернявина Юлия Андреевна
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия chernyavina.ya@dvfu.ru
Дженжера Денис Владимирович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия dzhenzhera.dv@students.dvfu.ru
Гуршалов Никита Александрович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия gurshalov.na@students.dvfu.ru
Наделяев Анатолий Олегович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия nadelyaev.ao@dvfu.ru
Чосов Дмитрий Викторович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия chosov.dv@students.dvfu.ru
Свидин Руслан Дмитриевич
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия svidin.rd@students.dvfu.ru
Маньковский Кирилл Леонидович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия mankovskii.kl@students.dvfu.ru
Иванченко Марина Александровна
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия ivanchenko.ma@students.dvfu.ru

Аннотация: В докладе представлен обзор публикаций учёных стран Восточной и Юго-Восточной Азии, содержание которых обусловлено идеями М.М. Бахтина, раскрывается эвристический потенциал концептов Бахтина. Установлено, что М.М. Бахтин является наиболее востребованным российским мыслителем для мировой и, в частности, азиатской гуманитарной науки. В докладе дается анализ 67 статей, опубликованных с 2005 по 2021 год в реферативной базе SCOPUS. Дан обобщенный анализ ответов авторов относительно причин их интереса к Бахтину. Показано, каким образом основные концепты Бахтина – диалогизм, гетероглоссия, карнавализация, хронотоп – позволяют исследователям интерпретировать сложные явления социальной жизни, выходя за рамки социолингвистического или литературоведческого дискурсов.

Ключевые слова: Бахтин, гуманитарное знание, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, диалогизм, карнавализация, гетероглоссия, хронотоп

Исследование выполнено в рамках учебной практики магистрантов 1-го курса департамента философии и религиоведения ДВФУ

Для цитирования: Ячин С. Е., Деменчук П. Ю., Чернявина Ю. А., Дженжера Д. В., Гуршалов Н. А., Наделяев А. О., Чосов Д. В., Свидин Р. Д., Маньковский К. Л., Иванченко М. А. Михаил Бахтин и формирование современной парадигмы гуманитарного знания в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Аналитический обзор публикаций // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 151–165. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/151-165>

Review
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/151-165>

Mikhail Bakhtin and the formation of a modern paradigm of humanitarian knowledge in the countries of East and Southeast Asia. Analytical review of publications

Sergey E. Yachin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia yachin.se@dvfu.ru
Pavel Y. Demenchuk
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, demenchuk.pyu@dvfu.ru
Yuliya A. Chernyavina
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, chernyavina.ya@dvfu.ru
Denis V. Dzhenzhera
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dzhenzhera.dv@students.dvfu.ru
Nikita A. Gurshalov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gurshalov.na@students.dvfu.ru
Anatoly O. Nadelyaev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, nadelyaev.ao@dvfu.ru
Dmitrii V. Chosov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia chosov.dv@students.dvfu.ru
Ruslan D. Svidin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, svidin.rd@students.dvfu.ru

Kirill L.Mankovsky
 Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mankovskii.kl@students.dvfu.ru
 Marina A. Ivanchenko
 Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ivanchenko.ma@students.dvfu.ru

Abstract: The report provides an overview of the publications of scientists from East and Southeast Asia, the content of which is conditioned by the ideas of M.M. Bakhtin, reveals the heuristic potential of Bakhtin's concepts. It is established that M.M. Bakhtin is the most sought-after Russian thinker for the world and, in particular, Asian humanities. The report provides a thematic analysis of 67 articles published from 2005 to 2021 in the SCOPUS abstract database. A generalized analysis of the authors' responses regarding the reasons for their interest in Bakhtin is given. It is shown how the main concepts of Bakhtin: dialogism, heteroglossia, carnivalization, chronotope, allow researchers to interpret complex phenomena of social life, going beyond the sociolinguistic or literary discourse.

Key words: *Bakhtin, humanitarian knowledge, East Asia, Southeast Asia, dialogism, carnivalization, heteroglossia, chronotope*

The research was carried out as part of the educational practice of 1st-year undergraduates of the Department of Philosophy and Religious Studies of FEFU

For citation: Yachin S. E., Demenchuk P. Yu., Chernyavina Yu. A., Dzhenzhera D. V., Gurshalov N. A., Nadyalyaev A. O., Chosov D. V., Svidin R. D., Man'kovskij K. L., Ivanchenko M. A. Mikhail Bakhtin and the formation of a modern paradigm of humanitarian knowledge in the countries of East and Southeast Asia. Analytical review of publications // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 151–165. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/151-165>

Введение

Михаил Бахтин является одним из тех мыслителей и ученых советского периода российской истории, который получил широкое мировое признание. Поскольку Бахтин отчетливо продолжает интеллектуальную традицию "серебряного века" русской культуры, то мы в его лице можем судить и о том, какое влияние отечественная мысль оказала на всю интеллектуальную атмосферу мирового сообщества. В этом обзоре мы коснемся только стран Восточной и Юго-Восточной Азии, поставив своей целью дать аналитически развернутое представление, как идеи Бахтина находят свое выражение в современной гуманитарной литературе этих стран.

Методика и инструментарий аналитического обзора

Используемые в обзоре методика и инструментарий направлены на тематический анализ научных статей, представленных в реферативной базе SCOPUS. Поиск статей велся по ключевым словам. Исследование проходило в два этапа. На первом мы выяснили, что среди выдающихся русских философов, внёсших неоценимый вклад в развитие мировой философской мысли, имя М. М. Бахтина является абсолютным лидером, и по количеству упоминаний значительно опережает такие популярные в зарубежном научном пространстве фигуры, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Ю.М. Лотман.

Таблица 1. Результаты поиска документов в реферативной базе SCOPUS по ключевым словам
 Table 1. Search results for documents in the SCOPUS abstract database by keywords

Ключевое слово	Результат поиска документов в реферативной базе SCOPUS
Бахтин	3121
Достоевский	1302
Толстой	1237
Лотман	492
Исайя Берлин	444
Булгаков	442
Вернадский	419
Леонтьев	390

Лосев	240
Кропоткин	214
Соловьёв	207
Бердяев	193
Розанов	190
Фёдоров	170
Кожев	165
Шпет	136
Флоренский	128
Бакунин	115
Шестов	113

Источник: составлено авторами по данным, представленным в реферативной базе SCOPUS.

Source: compiled by the authors according to the data presented in the SCOPUS abstract database.

На втором этапе мы сосредоточились на журнальных статьях учёных стран Азии, в которых топика Бахтина является фундаментальной для движения основных положений исследования. Поиск велся по ключевым словам: Бахтин (Bakhtin), страна азиатского региона (Китай, Таиланд, Республика Корея, Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Индонезия и т.д.), дисциплина. Так как исследования, базирующиеся на идеях Бахтина, выходят за рамки чисто философской и лингвистической проблематик и чаще являются междисциплинарными, то мы включили в поисковую область и такие сферы, как педагогика, социология, психология и другие.

Распределение проанализированных работ по предметному и региональному критериям

На данный момент в нашей выборке представлено 67 журнальных статей, которые были полностью прочитаны и проанализированы. Наибольшее количество работ опубликовано по философии и лингвистике, на третьем месте – литературоведение, далее в порядке убывания – теология, этика, педагогика, социология, культурология, психология, туризм и маркетинг.

Таблица 2. Распределение статей, представленных в выборке, по дисциплинам в реферативной базе SCOPUS на 11.11.2021

Table 2. Distribution of articles presented in sample by disciplines in the SCOPUS abstract database as of November 11, 2021

Дисциплина	Процент
Философия	28
Лингвистика	26
Литературоведение	10
Теология	8
Этика	7
Педагогика	6
Социология	6
Культурология, психология	4
Туризм	1
Маркетинг	1

Источник: составлено авторами по данным, представленным в реферативной базе SCOPUS.

Source: compiled by the authors according to the data presented in the SCOPUS abstract database.

Наибольший интерес к Бахтину проявляют учёные Малайзии (25%), второе место делят Китай и Тайвань (14%), Япония занимает третье место (12%). Далее в порядке убывания следуют Гонконг, Таиланд, Республика Корея, Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Монголия, Бангладеш.

Таблица 3. Распределение количества статей, представленных в выборке, по странам на 11.11.2021
Table 3. Distribution of the number of articles presented in sample by country as of November 11, 2021

Страна	Процент
Малайзия	25
Китай	14
Тайвань	14
Япония	12
Гонконг	8
Таиланд	6
Республика Корея	6
Сингапур	5
Филиппины	5
Вьетнам	3
Индонезия	2
Монголия	1
Бангладеш	1

Источник: составлено авторами по данным, представленным в реферативной базе SCOPUS.

Source: compiled by the authors according to the data presented in the SCOPUS abstract database.

Также мы проанализировали, к каким книгам или эссе Бахтина, переведенным на английский язык, авторы обращаются чаще всего. Лидеры списка: "The dialogic imagination: Four essays", опубликованная в 1981 году под редакцией Holquist M., Emerson C., и "Problems of Dostoevsky's Poetics", опубликованная в 1984 году под редакцией Emerson C.

Таблица 4. Процентное распределение наиболее часто цитируемых книг и эссе Бахтина, представленных в выборке
Table 4. Percentage distribution of the most frequently cited books and essays by Bakhtin presented in sample

Книга / эссе	Процент
The dialogic imagination: Four essays	31
Problems of Dostoevsky's Poetics	31
Speech Genres and Other Late Essays	17
Rabelais and His World	11
Art and Answerability: Early Philosophical Essays	6
Discourse In the Novel	5
Toward a Philosophy of the Act	5

The Formal Method in Literary Scholarship	1
Toward a Methodology for the Human Sciences	1
Questions of Literature and Aesthetics	1
The Reader	1
Word, dialogue and novel	1
The Question of Dostoevsky's Poetics	1
Toward a Reworking of the Dostoevsky Book	1
Epos i roman	1
Author and hero in aesthetic activity	1
The Problem of the Text in Linguistics, Philology, and the Human Sciences: An Experiment in Philosophical Analysis	1

Источник: составлено авторами по данным, представленным в реферативной базе SCOPUS.
Source: compiled by the authors according to the data presented in the SCOPUS abstract database.

Тематический анализ статей

В первом приближении очевидно, что все статьи можно классифицировать по базовому концепту Бахтина: диалогизм, карнавализация, хронотоп, гетероглоссия – используемому для исследования явления или процесса. Поэтому дальнейший анализ мы построили на выяснении, как базовый концепт Бахтина встраивается в выбранный дискурс: социальный, политический, постколониальный, феминистский – и какие новые аналитические возможности открывает для углубления понимания сути исследуемого явления или процесса. В связи с ограниченным объемом обзора, в данной части мы представили анализ только 37 статей, в которых топика Бахтина является фундаментальной для выдвигания основных положений исследования

1. Диалогизм

Понятие диалогизма прочно вошло в международный гуманитарный дискурс после публикации в 1981 году книги "Диалогическое воображение: четыре эссе" (The dialogic imagination: Four essays), которую составили четыре эссе Бахтина, переведенных и отредактированных Майклом Холквистом и Кэрол Эмерсон. Ключевым открытием Бахтина здесь является природа языка, которая не монологична, а диалогична, не нейтральна, а "перенаселена намерениями других" [11]. Именно диалогичная природа языка (диалогизм) оказывается самым продуктивным концептом Бахтина и станет основанием для осмысления сложных явлений в различных дискурсах: политическом, социальном, постколониальном, феминистском.

1.1 Социальный дискурс

Понятие диалогизма использует Tsang N. (Гонконг) в статье "Reflection as dialogue" для обоснования необходимости введения рефлексивного диалога для социальных работников, посредством которого социальный работник может более полно выражать основные социальные ценности [31]. Там Р. (Гонконг) в статье "Transforming struggling reform implementers into effectual reform agents: Hong Kong preschool teachers' voices on process drama" применяет концепцию диалогизма для обоснования реформы образования, чтобы учитель мог нарастить преподавательский потенциал, поменять восприятие детства и роли учителей, улучшить личное благополучие [29]. Для Nguyen C. D., Nang D., Trent J. (Вьетнам) в статье "The Discursive Positioning of Primary School English Language Teachers: An Exploration of the Perspectives of Teachers in Vietnam" было важно сделать акцент на социальном факторе диалогизма в исследовании, касающемся причин профессионального выгорания учителей английского языка начальных классов. Ученые выдвинули гипотезу, что проблема – в столкновении дискурсов, где учителя пытаются придать своему дискурсу статус центрального [20].

1.2 Педагогический дискурс

Как теория диалогизма Бахтина применяется на уроках математики в многоязычных классах, рассматривает исследователь Chapsam L. (Малайзия)

в статье "Tensions in Teaching Mathematics in Contexts of Language Diversity" [6]. Цель работы – разрешить языковые противоречия с помощью диалогизма. Работа базируется на различении центробежных и центростремительных языковых сил у Бахтина. Центростремительные отвечают за унификацию, универсализацию и нормы языка. В данном контексте этому соответствует установка "английский ценен". Центробежные силы размывают нормы, придавая коммуникации живость и динамику. Здесь это означает "многоязычие ценно".

Концепция "диалогических уроков" и "триадных отношений между учениками, учебной темой и учителем", выдвинутая Miyazaki K. (Япония) в статье "Dialogic lessons and triadic relationship among pupils, learning topic, and teacher" [19], также меняет специфику взаимоотношений между учителем и учениками: учитель уже больше не владеет абсолютным правом на истинность высказывания (авторитарный дискурс), но участвует в диалоге наравне с учениками и может заново переоткрыть "правдивость материала".

Yi J. и Kellogg D. (Корея) в статье "Beneath higher ground: Vygotsky, volosinov, and an archaeology of reported speech in primary EFL writing" [35] изучают, как ребенок в процессе овладения языком через усваивание высказываний других поднимается в своих когнитивных возможностях на более высокий уровень абстракции. Kim Y. и Kellogg D. (Корея), отталкиваясь от ключевой идеи Бахтина, что за моментом сопереживания, должен следовать момент возвращения к собственной точке зрения, в статье "Learning "good" and "bad" from a North Korean monster movie: Bakhtin's early writing and children's early thinking" [14] пытаются понять, как у ребенка этические категории формируются из эстетических.

1.3 Политический дискурс

Теория диалогизма подчеркивает не только социальный характер языка, но и его идеологическую природу: язык насыщен властью и используется как ее инструмент. Вводя императивное различие между монологом и диалогом в политический дискурс, Yu T. и Wen W. (Китай, Тайвань) в статье "Monologic and Dialogic Styles of Argumentation: A Bakhtinian Analysis of Academic Debates between Mainland China and Taiwan" [32] решают внутренние проблемы противостояние материкового Китая и Тайваня, связывая диалогичность с демократическим обществом, а монологичность – с авторитарным. Делается вывод, что моногlossия/монолог связаны с коллективистской, единой и авторитетной социальной ориентацией, тогда как полигlossия/диалог и гетерогlossия связаны с релятивистской, плюралистической и индивидуалистической социальной ориентацией. Тайваньские авторы подчеркивают, что материковый Китай монологичен и авторитарен, а Тайвань диалогичен и плюралистичен.

Постулируя, что истина не рождается в голове отдельного человека, а создается между людьми коллективно в процессе их диалогического взаимодействия, Barani F., Yahya W.R.W. (Малайзия) в статье "Critical theories and polyphony: Towards a great global dialogue" [3] пытаются определить, в чем сегодня нуждается общество, и приходят к выводу, что это свободный мир общения, где люди могут свободно высказывать свое мнение. Концепция диалогизма Бахтина, фундирующая это исследование, помогает понять, как критические теории должны обеспечить "пространство для будущего диалогизированного мира" [3]. Ученые рассматривают дискуссии с другими людьми, придерживающимися противоположных точек зрения, как возможность научиться преодолевать односторонность идеологии.

Как понятие идеологического становления посредством языка, введенное Бахтиным, может быть полезным инструментом в изучении литературы, разбираются Bakar E.W., Amir A.F. (Малайзия) в статье "The use of ideological becoming in English literature as a means to stimulate students' readiness to speak" и приходят к выводу, что состояние идеологического становления оказывает положительное влияние на изучение литературы, "поскольку учащимся рекомендуется проявлять критичность и настойчивость в защите и обосновании своих реакций на любые литературные тексты" [1].

1.4 Диалогизм в кросс-культурном дискурсе

Для ряда китайских исследователей фигура Бахтина является ключевой по степени влияния среди российских философов, и степень этого влия-

ния, по их мнению, необходимо оценить заново, чтобы "Китай смог не пассивно воспринимать русскую гуманистическую мысль, а включиться в диалог и осмысленно продолжить формирование своей собственной культуры", – указывает Wang Z. в статье "Reconstructing dialogue between Chinese and Russia humanisms: thought triggered by Russian Humanistic Thoughts and China" [34].

1.5 Диалогизм как предтеча постструктурализма и постмодернизма

Le Huy Bac, Dao Thi Thu Hang, Le Nguyen Phuong (Вьетнам) в статье "The Bakhtin Circle's dialog in Vietnam" также связывают теорию диалога с демократией и уточняют, что именно она "постепенно заменила социологическую критику в марксистском стиле, которая преобладала во Вьетнаме до этого" [16]. Исследователи употребляют термин "бахтинская лихорадка" и указывают, что Бахтин считался универсальным ключом к любому литературному исследованию, так что "любое исследование, в котором он не цитировался, рассматривалось как недостаточно квалифицированное с научной точки зрения" [16]. Для исследователей Вьетнама важно, что именно Бахтин оказал большое влияние на постмодернистов, они отмечают, что Барт, Деррида, Фуко и Кристева развивали впоследствии его концепты в дискурсах интертекстуальности и постструктурализма.

В книге Юлии Кристевой "Слово, диалог и роман" концепция полифонии Бахтина переосмыслена и трансформирована в "интертекстуальность". Zeng J. (Китай) в статье "Reference to and transformation of Bakhtin's theory in Kristeva's 'Word, Dialogue and Nove'" убежден, что именно через эту книгу Бахтин входит во французский академический мир, его теории вмещиваются во французское структуралистское движение: "Кристева вводит понятие интертекстуальности, которое изначально было описано Бахтиным, что художник имеет дело не только с действительностью, но и всем корпусом предшествующей литературы" [36].

1.6 Постколониальный дискурс

Диалогизм Бахтина используют Samuel M., Ng L.L. в статье "Articulation of medium of instruction politics in the Malaysian Chinese press" в целях освобождения от авторитарного дискурса и утверждения легитимного "многоголосия" в постколониальных странах: этническое меньшинство пытается позиционировать себя по отношению к национальной политике через бахтинскую "передачу речи других" [25].

Safei M., Hasan T. (Малайзия) применяют топику диалогизма и интертекстуальности в статье "Leaves as a mean of communication in Malay literature" к анализу исконно малайских прозаических жанров, в которых диалогизм устанавливается не только между человеком и человеком, но и между человеком и природой [24]. Doecke B., Anwar D., Illesca B. (Индонезия) в книге "Narrative Language and Literacy Education Research Within a Postcolonial Framework" применяют работу с "множественностью сознаний" для исследования языка и обучению грамоте в постколониальных условиях [8].

1.7 Феминистский дискурс

Через диалогизм Bakar E., Yusof N., Vengadasamy R. в статье "Reclaiming voices and disputing authority: A feminist dialogics approach in reading kee Thuan Chye's plays" пытаются осмыслить поведение женщин в пьесах современного автора и понять, как им удастся овладеть правом голосом и занять оппозиционное положение по отношению к легитимной власти [2].

1.8 Диалогизм в поэтике Достоевского

М.М. Бахтин описал особое речевое многоголосие романов Ф.М. Достоевского, введя термин "полифонический роман". Поэтому в исследованиях, затрагивающих непосредственно специфику романов Достоевского, например, "этноментальные компоненты" его произведений (Proskuriakov. M., Lanlan L. в статье "The ethnomentale components of F.M. Dostoevsky's works" [23]) или "православную концепцию соборности" (Guan Y. в статье "The Orthodox Conception 'Sobornost': From the Perspective of Polyphonic Novel and Structural Poetics Theory" [10]) исследователи обязательно обращаются к проблемам поэтики, постулированным и описанным Бахтиным. Но и сама теория полифонии Бахтина молодыми исследователями критически переоценивается и переосмысливается, чтобы в итоге восстановить исходную концепцию полифонии во всей ее полноте, которую Zhang J., Yu H. (Китай) в статье "Between interpretation and the subject: Revisiting Bakhtin's theory of polyphony" определяют как "гармония без единообразия" [38]).

1.9 Диалогизм в визуализации и организации пространства

Lloren G.S. (Филиппины) в статье "Immersive technology: Towards a kineiconic dialogism in challenging the myth of the frame" показывает, что концепция диалогизма продуктивна и для анализа методов технологии погружения, визуального языка и движущихся изображений. Исследователь использует теорию Бахтина для "расшифровки историографического диалога между образными средами от театрального/актерского представления на драматической/театральной сцене до его современных цифровых иммерсивных форм, таких как виртуальная реальность" [17].

Бахтинский смысл смешения социальных языков в пределах одного высказывания или столкновения двух разных языковых сознаний, как практику гибридности, Man E.K (Гонконг) в статье "A museum of hybridity: The history of the display of art in the public museum of Hong Kong, and its implications for cultural identities" применяет для организации пространства Музея, где коллекции китайского традиционного искусства и западные шедевры "выражают различные точки зрения на гибридные дискурсы и политику идентичности в материальных формах" [18].

2. Карнавализация

Еще одно важное понятие, концептуализированное Бахтиным в книге "Творчество Франсуа Рабле и смеховая культура Средневековья", - карнавализация. Исторически это процесс влияния средневековых обрядов зрелищных форм, организованных на смеховом начале и противостоивших официальным, на мышление человека Нового времени. Погружение в карнавал переворачивало существующую иерархию, останавливало социальный порядок, снимало культурные и религиозные табу.

Kaewruen K. (Таиланд) в статье "Understanding the human condition through the depiction of protagonists in crime and mystery novels" пытается применить описание этого перевернутого состояния к экзистенциальным выборам главных героев криминальных романов. Исследователь вводит понятие "лиминальности" [13] и связывает с концепцией карнавала Бахтина, которая представляет на время мир как хаотическое пространство: люди низкого ранга или отверженные, дураки и нищие играют роль интеллектуалов или лидеров, в то время как высокопоставленные лица, такие как короли и дворяне, играют униженные роли бедных, несчастных или безумных людей.

Через бахтинские концепты "гротеска" и "карнализации" Beng S.J., Termizi A.A., Talif R., Zainal Z.I. (Малайзия) в статье "Negotiating existential concerns of death and meaninglessness through the grotesque in Oscar Wilde's the Canterville Ghost" пытаются интерпретировать поведение главного героя сказки Оскара Уайльда "Кентервильское привидение". Здесь карнализация входит в дискурс экзистенциальной проблематики и связывается с решением проблем смерти, бессмысленности, свободы и экзистенциальной изоляции [5].

Концепция карнализации Бахтина оказывается плодотворна для изучения современных социально и политически ориентированных арт-практик, где художники могут высказать свою гражданскую позицию в форме арт-манифестации. Ojeda D. (Сингапур) в статье "I Shall Be Several—Cuban Socially Engaged Art Projects as "Author Pedagogies"" рассматривает два тематических исследования социально ориентированных художественных проектов, возглавляемых кубинскими художниками Рене Франсиско Родригесом и Лазаро Сааведрой в 1990-х годах в Гаване (Куба) и исследует методы работы проектов в аспекте диалогических и карнаваловых концепций Бахтина [22].

Еще один аспект карнализации, сложную целевую функцию которой Бахтин описал и обосновал, – это непристойность, связанная с материально-телесным низом. Nyuk-Chan K. (Гонконг) в статье "Whose voices are heard? a new approach to pyŏn kangsoe-KA interpretation" применяет этот аспект карнализации, чтобы легитимировать непристойность главного героя произведения Син Чэ Хе как протест против абсурдной социальной системы, его презрение к мелкому морализму и его безудержное стремление к эстетической ценности в эротике [12].

Карнализация переворачивает иерархию, изменяя властные отношения. В карнавале богатый надевает маску бедного, сильный – слабого. Карнавал всех уравнивает, освобождая от господствующей истины и установленного порядка, что в результате даёт выход накопившимся социальным противо-

речиям и может быть применено везде, где есть желание перераспределить власть, опрокинуть существующую иерархию, восстановить справедливость. Saber F. (Малазия) в статье "Bakhtin's carnivalesques voiced through gilman's carnivalized herland-ourland saga" исследуют, как концепция карнавала может быть использована в качестве средства дестабилизации существующих правил и положений [24].

Vitorio R. (Филиппины) в статье "Language, affect, and carnivalesque: tourism encounters and transgressive narratives on a party island" использует концепт карнавала, чтобы описать сущность интимных вечеринок для туристов, которые проявляют существующие на Филиппинах структуры неравенства. Исследователь описывает их как карнавалы – демонстрирующие жизнь, вывернутую наизнанку [34].

3. Хронотоп

Бахтин первым среди исследователей обратил внимание на смысловую важность организации пространства и времени в романских жанрах, введя понятие «хронотопа». Lafontaine A. (Япония) в статье «Democratic movement and the spaces of American modernity in early 1930s woman's films» применяют хронотопический анализ для конкретизации семиотических и феноменологических представлений американской жизни через фигуру женщины в голливудских фильмах начала 1930-х годов [15].

Концепцию хронотопа применяет Clontz T.L. (Япония) в статье «Wilderness City: The post-war II American Urban novel from Algren to Wideman» для изучения этнических социальных и культурных изменений в США, как они отражены в классической американской литературе [7].

Saxena V. (Малайзия) в статье «Carnivalesque Memoryscapes of Multiculturalism: History, Memory, Storytelling in Tash Aw's Harmony Silk Factory» концепцию карнавала использует для описания опыта прошлого в многокультурных постколониальных обществах, где официальная история складывается из множества нарративов: колониальных, националистических, мигрантских и тесно переплетается литературой [27].

4. Гетероглоссия

Согласно Бахтину, гетероглоссия – это разноречие в рамках одного языка, его расслаивание на множество голосов. Gabriel S.P. (Малайзия) в статье "The heteroglossia of home: Re-"routing" the boundaries of national identity in amitav ghosh's the shadow lines" исследует, как гетероглоссия может использоваться для борьбы с национализмом через анализ романа "Теневые линии" Амитава Гоша [9].

Бахтинское понимание гетероглоссии Sultana S. (Австралия), Dovchin S. (Бангладеш), Pennycook A. (Монголия) используют в статье "Transglossic language practices of young adults in Bangladesh and Mongolia" для разработки методологии осмысления привилегированных языковых жанров в речи студентов Бангладеша и Монголии [29].

Serrano V. (Филиппины) в статье "'Wedded in the association": Heteroglossic form and fragmentary historiography in nick Joaquin's Almanac for Manileños" исследует, как концепция гетероглоссии стала основой для альманаха об истории Манилы: альманах содержит множество разнородных жанров, в том числе гороскопы, рецепты и стихи, которые сталкиваются, но ассоциативно создают ощущение единства через линейные и эволюционистские способы изображения филиппинской истории и представления филиппинской нации [28].

Причины личного интереса исследователей к идеям Бахтина

Заключительным этапом исследовательской работы стало прямое обращение к авторам статей с просьбой ответить на два вопроса, касающихся личного интереса исследователя к работам Бахтина и осмысления вклада Бахтина в развитие общемировой гуманитарной мысли. Мы получили ответы шести исследователей. Все они отметили собственный индивидуальный выбор работ Бахтина, то есть Бахтин не являлся обязательной фигурой, на кого было необходимо ссылаться, чтобы работа выглядела научно репрезентативной и валидной. Oshima H. и Wang Z. сделали акцент на "русскости" мысли Бахтина, которая является уникальной, ни восточной, ни западной. Savski K. и Saxena V. отметили социологический аспект работ Бахтина и под-

черкнули, что открытия Бахтина в области лингвистики редко используются в социологии, а это в потенциале привело бы к прорывным открытиям. Lloren G. отмечает, что понятия диалогизма и хронотопа могут быть очень плодотворны для реализации идеи мета-вселенной, которая сегодня активно разрабатывается. Miyazaki K. подчеркивает важность переворота, который сделал Бахтин в аспекте взгляда на человеческую личность: он отказывается от двух господствующих подходов: индивидуализм/релятивность – и фокусируется на уникальности каждой человеческой личности, которая проявляется только в общении с другими уникальными индивидуумами.

Заключение

Таким образом, наше исследование показало сложность, многодисциплинарность и неоднородность основной топики Бахтина и высокую продуктивность введенных им концептов, каждый из которых является эволюционирующим явлением и может выходить за области социолингвистического и литературоведческого дискурсов, а также растущий объем исследований и повышенное внимание к работам Бахтина, которое, на наш взгляд, отражает и растущий интерес к российской гуманитарной мысли в целом.

Литература

1. Bakar E., Amir Ah. The use of ideological becoming in English literature as a means to stimulate students' readiness to speak // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85074440156&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022)
2. Bakar E., Yusof N. Vengadasamy R. Reclaiming voices and disputing authority: A feminist dialogics approach in reading kee Thuan Chye's plays // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84961743271&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=e1fbf74199241fa4c4c97fbf8f431d&sot=a&sdt=cl&cluster=scoafilctry%2c%22Malaysia%22%2c%2bbscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2c%2c%22ARTS%22%2c%2c%22MULT%22%2c%2c%22PSYC%22%2c&sessionSearchId=e1fbf74199241fa4c4c97fbf8f431d&relpos=9&citeCnt=3&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1 (дата обращения: 12.04.2022).
3. Barani F., Yahya W. Critical theories and polyphony: Towards a great global dialogue // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?origin=recordpage&&eid=2-s2.0-84870465341&&citeCnt=3&&noHighlight=false&&sort=plf-> (дата обращения: 12.04.2022)
4. Barwell R., Chapsam L., Nkambule T. Tensions in Teaching Mathematics in Contexts of Language Diversity // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85045869431&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Beng S., Termizi A., Talif R., Zainal Z. Negotiating existential concerns of death and meaninglessness through the grotesque in Oscar Wilde's the Canterville Ghost // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85099126085&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).
6. Chapsam L. Tensions in Teaching Mathematics in Contexts of Language Diversity // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85045869431&&origin=resultslist&&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Clontz T. Wilderness City: The post-war II American Urban novel from Algren to Wideman // Scopus. URL: [https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85077985943&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoafilctry%2c"Japan"%2c%2bbscosubjabbr%2c"SOC1"%2c%2c"ARTS"%2c%2c"MULT"%2c%2c"PSYC"%2c&sessionSearchId=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&relpos=11&citeCnt=0](https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85077985943&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoafilctry%2c) (дата обращения: 12.04.2022).
8. Doecke B., Anwar D., Illesca B. Narrative Language and Literacy Education Research Within a Postcolonial Framework // Springer Nature. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49140-0_3 (дата обращения: 12.04.2022).
9. Gabriel S. The heteroglossia of home: Re-"routing" the boundaries of national identity in amitav ghosh's the shadow lines // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-60949643110&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=cb0c469df0836936c954cec8ededfe3b&sot=a&sdt=a&cluster=scoafilctry%2c%22Malaysia%22%2c%2bbscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2c%2c%22ARTS%22%2c%2c%22MULT%22%2c%2c%22PSYC%22%2c&sessionSearchId=cb0c469df0836936c954cec8ededfe3b&relpos=23&citeCnt=6#metrics> (дата обращения: 12.04.2022).
10. Guan Y. The Orthodox Conception "Sobornost": From the Perspective of Polyphonic Novel and Structural Poetics Theory // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85063929098&origin=resultslist> (дата обращения: 12.04.2022).
11. Holquist M., Emerson C. The dialogic imagination: Four essays. Austin: University of Texas Press, 1991.

12. Hyuk-Chan K. Whose voices are heard? a new approach to pyon kangsoe-KA interpretation // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84893291912&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=> (дата обращения: 12.04.2022).

13. Kaewruean, K. Understanding the human condition through the depiction of protagonists in crime and mystery novels // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85109698880&origin=resultslist&sort=plf-> (дата обращения: 12.04.2022).

14. Kim Y., Kellogg, D. Learning "good" and "bad" from a North Korean monster movie: Bakhtin's early writing and children's early thinking // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85047231506&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).

15. Lafontaine, A. Democratic movement and the spaces of American modernity in early 1930s woman's films // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85057023918&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=> (дата обращения: 12.04.2022).

16. Le Huy Bac, Dao Thi Thu Hang & Le Nguyen Phuong. The Bakhtin Circle's dialog in Vietnam // Springer Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-021-00840-8> (дата обращения: 12.04.2022).

17. Lloren, G. Immersive technology: Towards a kineikonic dialogism in challenging the myth of the frame // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85074415969&origin=resultslist&sort=plf-> (дата обращения: 12.04.2022).

18. Man E. A museum of hybridity: The history of the display of art in the public museum of Hong Kong, and its implications for cultural identities // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84919523135&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=e5f1afa18b700070030a14048772d004&sot=a&sdt=a&sl=34&s=%28AU-ID%2826036312900%29%29+AND+%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=> (дата обращения: 12.04.2022).

19. Miyazaki K. Dialogic lessons and triadic relationship among pupils, learning topic, and teacher // Scopus. URL: [https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85085286808&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c"Japan"%2ct%2bscosubjabbr%2c"SOI"%2ct%2c"ARTS"%2ct%2c"MULT"%2ct%2c"PSYC"%2ct&sessionSearchId=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&relpos=7&citeCnt=0](https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85085286808&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c) (дата обращения: 12.04.2022).

20. Nguyen C. D., Nang D., Trent J. The Discursive Positioning of Primary School English Language Teachers: An Exploration of the Perspectives of Teachers in Vietnam // Scopus. URL: <https://doi.org/10.1007/s40299-020-00515-z> (дата обращения: 12.04.2022).

21. Ojeda D. I Shall Be Several - Cuban Socially Engaged Art Projects as "Author Pedagogies" // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85070954896&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=> (дата обращения: 12.04.2022).

22. Proskuriakov M., Lanlan L. The ethnomental components of F. M. Dostoevsky's works // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85101275587&origin=resultslist> (дата обращения: 12.04.2022).

23. Saber F. Bakhtin's carnivalesqueas voiced through gilman's carnivalized herland-ourland saga // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84871854342&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).

24. Safei, M., Hasan, T. Leaves as a mean of communication in Malay literature // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85091751542&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).

25. Samuel M., Khan M.H., Ng L.L., Cheang K.W. Articulation of medium of instruction politics in the Malaysian Chinese press // Scopus. URL: [https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84897033243&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=230e581c410d2efc607e8061cacb8&sot=a&sdt=cl&cluster=scoaffilctry%2c"Malaysia"%2ct%2bscosubjabbr%2c"SOI"%2ct%2c"ARTS"%2ct%2c"MULT"%2ct%2c"PSYC"%2ct&sessionSearchId=230e581c410d2efc607e8061cacb8&relpos=13&citeCnt=10&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1](https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84897033243&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=230e581c410d2efc607e8061cacb8&sot=a&sdt=cl&cluster=scoaffilctry%2c) (дата обращения: 12.04.2022).

26. Saxena, V. Carnavalesque Memoryscapes of Multiculturalism: History, Memory, Storytelling in Tash Aw's Harmony Silk Factory // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85089960845&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=9a57a807306ebd933ecc08b7af02111d&sot=a&sdt=cl&cluster=scoaffilctry%2c%22Malaysia%22%2ct%2bscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2ct%2c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=9a57a807306ebd933ecc08b7af02111d&relpos=3&citeCnt=0&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1 (дата обращения: 12.04.2022).

27. Serrano V. "Wedded in the association": Heteroglossic form and fragmentary historiography in nick Joaquin's Almanac for Manileños // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84859403585&origin=resultslist&sort=plf-> (дата обращения: 12.04.2022).

28. Sultana, S. Dovchin S, Pennycook A. Transglossic language practices of young adults in Bangladesh and Mongolia // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84911989376&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=273212d8f56be3682f8e87d5fae6d1a2&sot=b&sdt=cl&cluster=scoaffilctry%2c%22Mongolia%22%2ct&sl=22&s=TITLE-ABS-KEY%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=44&searchTerm=> (дата обращения: 12.04.2022).

29. Tam P. Transforming struggling reform implementers into effectual reform agents: Hong Kong preschool teachers' voices on process drama // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85106916686&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=c721883a6b21c32ad1cc930f27f1a360&ot=a&sd=a&cluster=scoafilctry%2c%22Macao%22%2ct%2bbscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2ct%2c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=c721883a6b21c32ad1cc930f27f1a360&relpos=0&citeCnt=0&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (дата обращения: 12.04.2022)
30. Trent J, Nguyen Ch. The discursive positioning of primary school english language teachers: An exploration of the perspectives of teachers in Vietnam // Scopus. URL: <https://doi.org/10.1007/s40299-020-00515-z> (дата обращения: 12.04.2022).
31. Tsang N.M. Reflection as dialogue // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-51249159618&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=f1cc11e33a79569534006100039d7642&ot=a&sd=a&sl=33&s=%28AU-ID%287004192857%29%29+AND+%28bakhtin%29&relpos=2&citeCnt=34&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (дата обращения: 12.04.2022)
32. Yu T., Wen W. Monologic and Dialogic Styles of Argumentation: A Bakhtinian Analysis of Academic Debates between Mainland China and Taiwan // Springer Nature. URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/B:ARGU.0000046730.40288.46> (дата обращения: 12.04.2022).
33. Vitorio R. Language, affect, and carnivalesque: tourism encounters and transgressive narratives on a party island // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85089678458&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=615b0b9219620d1bc5b46d08a8ec1651&ot=b&sd=cl&cluster=scoafilctry%2c%22Philippines%22%2ct&sl=22&s=TITLE-ABS-KEY%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=> (дата обращения: 12.04.2022).
34. Wang Z. Reconstructing dialogue between Chinese and Russia humanisms: thought triggered by Russian Humanistic Thoughts and China // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84898792726&origin=resultslist&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (дата обращения: 12.04.2022)
35. Yi J., Kellogg D. Beneath higher ground: Vygotsky, volosinov, and an archaeology of reported speech in primary EFL writing // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-34047242492&origin=resultslist&zone=contextBox> (дата обращения: 12.04.2022).
36. Zeng J. Reference to and transformation of Bakhtin's theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Nove" // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84898857986&origin=resultslist> (дата обращения: 12.04.2022)
37. Zhang J., Yu H. Between interpretation and the subject: Revisiting Bakhtin's theory of polyphony // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85100023370&origin=resultslist> (дата обращения: 12.04.2022).

References

1. Bakar E., Amir Ah. The use of ideological becoming in English literature as a means to stimulate students' readiness to speak // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85074440156&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022)
2. Bakar E., Yusof N. Vengadasamy R. Reclaiming voices and disputing authority: A feminist dialogics approach in reading kee Thuan Chye's plays // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84961743271&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=e1fbf74199241fa4c4c97fbfef8f431d&ot=a&sd=cl&cluster=scoafilctry%2c%22Malaysia%22%2ct%2bbscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2ct%2c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=e1fbf74199241fa4c4c97fbfef8f431d&relpos=9&citeCnt=3&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1 (accessed 12.04.2022).
3. Barani F., Yahya W. Critical theories and polyphony: Towards a great global dialogue // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?origin=recordpage&eid=2-s2.0-84870465341&citeCnt=3&&noHighlight=false&&sort=plf> (accessed 12.04.2022).
4. Barwell R., Chapsam, L., Nkambule T. Tensions in Teaching Mathematics in Contexts of Language Diversity // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85045869431&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).
5. Beng S., Termizi A., Talif R., Zainal Z. Negotiating existential concerns of death and meaninglessness through the grotesque in Oscar Wilde's the Canterville Ghost // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85099126085&origin=resultslist&zone=contextBox> (data obrasheniya 12.04.2022).
6. Chapsam L. Tensions in Teaching Mathematics in Contexts of Language Diversity // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85045869431&origin=resultslist&&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).
7. Clontz T. Wilderness City: The post-war II American Urban novel from Algren to Wideman // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85077985943&origin=resultslist&s>

ort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c"Japan"%2ct%2bscosubjabbr%2c"SOCI"%2ct%2c"ARTS"%2ct%2c"MULT"%2ct%2c"PSYC"%2ct&sessionSearchId=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&relpos=11&citeCnt=0 (accessed 12.04.2022).

8. Doecke B., Anwar D., Illesca B. Narrative Language and Literacy Education Research Within a Postcolonial Framework // Springer Nature. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49140-0_3 (accessed 12.04.2022).

9. Gabriel S. The heteroglossia of home: Re-"routing" the boundaries of national identity in amitav ghosh's the shadow lines // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-60949643110&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=cb0c469df0836936c954cec8ededfe3b&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c%22Malaysia%22%2ct%2bscosubjabbr%2c%22SOCI%22%2ct%2c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=cb0c469df0836936c954cec8ededfe3b&relpos=23&citeCnt=6#metrics> (accessed 12.04.2022).

10. Guan Y. The Orthodox Conception "Sobornost": From the Perspective of Polyphonic Novel and Structural Poetics Theory // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85063929098&origin=resultslist> (accessed 12.04.2022).

11. Holquist M., Emerson C. The dialogic imagination: Four essays. Austin: University of Texas Press, 1991.

12. Hyuk-Chan, K. Whose voices are heard? a new approach to pyŏn kangsoe-KA interpretation // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84893291912&&origin=resultslist&&sort=plf-f&src=s&sid=> (accessed 12.04.2022).

13. Kaewruean, K. Understanding the human condition through the depiction of protagonists in crime and mystery novels // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85109698880&&origin=resultslist&&sort=plf-> (accessed 12.04.2022).

14. Kim Y., Kellogg, D. Learning "good" and "bad" from a North Korean monster movie: Bakhtin's early writing and children's early thinking // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85047231506&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).

15. Lafontaine, A. Democratic movement and the spaces of American modernity in early 1930s woman's films // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85057023918&&origin=resultslist&&sort=plf-f&src=s&sid=> (accessed 12.04.2022).

16. Le Huy Bac, Dao Thi Thu Hang & Le Nguyen Phuong. The Bakhtin Circle's dialog in Vietnam // Springer Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-021-00840-8> (accessed 12.04.2022).

17. Lloren, G. Immersive technology: Towards a kineikonic dialogism in challenging the myth of the frame // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85074415969&&origin=resultslist&&sort=plf-> (accessed 12.04.2022).

18. Man E. A museum of hybridity: The history of the display of art in the public museum of Hong Kong, and its implications for cultural identities // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84919523135&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=e5f1afa18b700070030a14048772d004&sot=a&sdt=a&sid=34&s=%28AU-ID%2826036312900%29%29+AND+%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=> (accessed 12.04.2022).

19. Miyazaki K. Dialogic lessons and triadic relationship among pupils, learning topic, and teacher // Scopus. URL: [https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85085286808&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c"Japan"%2ct%2bscosubjabbr%2c"SOCI"%2ct%2c"ARTS"%2ct%2c"MULT"%2ct%2c"PSYC"%2ct&sessionSearchId=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&relpos=7&citeCnt=0](https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85085286808&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=335fcffeca2638f2ff743f78b963be3d&sot=a&sdt=a&cluster=scoaffilctry%2c) (accessed 12.04.2022).

20. Nguyen C. D., Nang D., Trent J., Trent J. The Discursive Positioning of Primary School English Language Teachers: An Exploration of the Perspectives of Teachers in Vietnam // Scopus. URL: <https://doi.org/10.1007/s40299-020-00515-z> (accessed 12.04.2022).

21. Ojeda D. I Shall Be Several – Cuban Socially Engaged Art Projects as "Author Pedagogies" // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85070954896&&origin=resultslist&&sort=plf-f&src=s&sid=> (accessed 12.04.2022).

22. Proskuriakov M., Lanlan L. The ethnomental components of F.M. Dostoevsky's works // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85101275587&origin=resultslist> (accessed 12.04.2022).

23. Saber F. Bakhtin's carnivalesqueas voiced through gilman's carnivalized herland-ourland saga // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84871854342&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).

24. Safei, M., Hasan, T. Leaves as a mean of communication in Malay literature // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85091751542&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).

25. Samuel M., Khan M.H., Ng L.L., Cheang K.W. Articulation of medium of instruction politics in the Malaysian Chinese press // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84897033243&&origin=resultslist&&sort=plf-f&src=s&sid=> (accessed 12.04.2022).

26. Saxena, V. Carnivalesque Memoryscapes of Multiculturalism: History, Memory, Storytelling in Tash Aw's Harmony Silk Factory // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85089960845&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=9a57a807306ebd933ecc08b7af02111d&sot=a&sdt=cl&cluster=scoaffilctry%2c%22Malaysia%22%2ct%2bscosubjabbr%2c%22SOCI%22%2ct%2>

c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=9a57a807306ebd933ecc08b7af02111d&relpos=3&citeCnt=0&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1 (accessed 12.04.2022).

27. Serrano V. "Wedded in the association": Heteroglossic form and fragmentary historiography in nick Joaquin's Almanac for Manileños // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84859403585&&origin=resultslist&&sort=plf-> (accessed 12.04.2022).

28. Sultana, S. Dovchin S, Pennycook A. Transglossic language practices of young adults in Bangladesh and Mongolia // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84911989376&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=273212d8f56be3682f8e87d5fae6d1a2&sot=b&sdt=cl&cluster=scoafilctry%2c%22Mongolia%22%2ct&sl=22&s=TITLE-ABS-KEY%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=44&searchTerm=> (accessed 12.04.2022).

29. Tam P. Transforming struggling reform implementers into effectual reform agents: Hong Kong preschool teachers' voices on process drama // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85106916686&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=c721883a6b21c32ad1cc930f27f1a360&sot=a&sdt=a&cluster=scoafilctry%2c%22Macao%22%2ct%2bscosubjabbr%2c%22SOC1%22%2ct%2c%22ARTS%22%2ct%2c%22MULT%22%2ct%2c%22PSYC%22%2ct&sessionSearchId=c721883a6b21c32ad1cc930f27f1a360&relpos=0&citeCnt=0&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (accessed 12.04.2022)

30. Trent J, Nguyen Ch. The discursive positioning of primary school english language teachers: An exploration of the perspectives of teachers in Vietnam // Scopus. URL: <https://doi.org/10.1007/s40299-020-00515-z> (accessed 12.04.2022).

31. Tsang N.M. Reflection as dialogue // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-51249159618&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=f1cc11e33a79569534006100039d7642&sot=a&sdt=a&sl=33&s=%28AU-ID%287004192857%29%29+AND+%28bakhtin%29&relpos=2&citeCnt=34&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (accessed 12.04.2022)

32. Yu T., Wen W. Monologic and Dialogic Styles of Argumentation: A Bakhtinian Analysis of Academic Debates between Mainland China and Taiwan // Springer Nature. URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/B:ARGU.0000046730.40288.46> (accessed 12.04.2022).

33. Vitorio, R. Language, affect, and carnivalesque: tourism encounters and transgressive narratives on a party island // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85089678458&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=615b0b9219620d1bc5b46d08a8ec1651&sot=b&sdt=cl&cluster=scoafilctry%2c%22Philippines%22%2ct&sl=22&s=TITLE-ABS-KEY%28bakhtin%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=> (accessed 12.04.2022).

34. Wang Z. Reconstructing dialogue between Chinese and Russia humanisms: thought triggered by Russian Humanistic Thoughts and China // Scopus. URL: https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84898792726&origin=resultslist&featureToggles=FEATURE_NEW_DOC_DETAILS_EXPORT:1 (accessed 12.04.2022)

35. Yi J., Kellogg D. Beneath higher ground: Vygotsky, volosinov, and an archaeology of reported speech in primary EFL writing // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-34047242492&origin=resultslist&zone=contextBox> (accessed 12.04.2022).

36. Zeng J. Reference to and transformation of Bakhtin's theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Nove" // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84898857986&origin=resultslist> (accessed 12.04.2022)

37. Zhang, J., Yu H. Between interpretation and the subject: Revisiting Bakhtin's theory of polyphony // Scopus. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85100023370&origin=resultslist> (accessed 12.04.2022).

Информация об авторах

Сергей Евгеньевич Ячин, д-р филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: yachin.se@dvfu.ru.

Павел Юрьевич Деменчук, канд. филос. наук, доцент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: demenchuk.pyu@dvfu.ru

Юлия Андреевна Чернявина, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: chernyavina.ya@dvfu.ru

Денис Владимирович Дженжера, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: dzhenzhera.dv@students.dvfu.ru

Никита Александрович Гуршалов, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: gurshalov.na@students.dvfu.ru

Анатолий Олегович Надеяев, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: nadelyaev.ao@dvfu.ru

Дмитрий Викторович Чосов, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: chosov.dv@students.dvfu.ru

Руслан Дмитриевич Свидин, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: svidin.rd@students.dvfu.ru

Кирилл Леонидович Маньковский, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: mankovskii.kl@students.dvfu.ru

Марина Александровна Иванченко, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ivanchenko.ma@students.dvfu.ru

Information about the authors

Sergey E. Yachin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yachin.se@dvfu.ru.

Pavel Y. Demenchuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: demenchuk.pyu@dvfu.ru

Yulia A. Chernyavina, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: chernyavina.ya@dvfu.ru

Denis V. Genzhera, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dzhenzhera.dv@students.dvfu.ru

Nikita A. Gurshalov, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gurshalov.na@students.dvfu.ru

Anatoly O. Nadelyaev, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nadelyaev.ao@dvfu.ru

Dmitry V. Chosov, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: chosov.dv@students.dvfu.ru

Ruslan D. Svidin, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: svidin.rd@students.dvfu.ru

Kirill L. Mankovsky, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: mankovskii.kl@students.dvfu.ru

Marina A. Ivanchenko, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivanchenko.ma@students.dvfu.ru

Рецензия
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/166-169>

Обзор монографии "Азиатский поворот" в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой)

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия;
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ssevastyanov@hse.ru

Аннотация. В обзоре монографии, изданной под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой, дана высокая оценка её значимости. Она обусловлена тем, что в этой монографии авторами впервые представлены результаты критической оценки достижений и проблем российской стратегии "поворота на Восток", реализуемой в условиях резкого повышения региональной и глобальной роли крупнейших азиатских государств. В этой связи основной фокус в главах работы был сделан на анализе развития двусторонних отношений РФ с Китаем, другими ведущими странами Восточной Азии, Индией и Турцией.

Ключевые слова: *российский "поворот на Восток", национальные интересы России, Китай, Япония, Индия, Турция*

Для цитирования: Севастьянов С. В. Обзор монографии "Азиатский поворот" в российской внешней политике: Достижения, проблемы, перспективы" (под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 166–169. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/166-169>

Review
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/166-169>

Monograph review: "Asian turn" in Russian foreign policy: Achievements, problems and prospects" (ed. by A.V. Torkunov, D.V. Streltsov, E.V. Koldunova)

Sergey V. Sevastyanov
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia;
Institute for Economic Research, FEB RAS, Khabarovsk, Russia, ssevastyanov@hse.ru

Abstract. The review of the monograph, edited by A.V. Torkunov, D.V. Streltsov, E.V. Koldunova, gives a high assessment of its significance. It is due to the fact that in this monograph the authors for the first time presented critical evaluation results of the achievements and problems of the Russian "Asian turn" strategy that is implemented in the conditions of a sharp increase in regional and global role of the largest Asian states. In this regard, the main focus in the chapters of the work was made on the analysis of bilateral relations' development of Russia with China, other leading East Asian countries, India and Turkey.

Key words: *Russian "Asian turn", national interests of Russia, China, Japan, India, Turkey*

For citation: Sevastyanov S. V. Monograph review: "Asian turn" in Russian foreign policy: Achievements, problems and prospects" (ed. by A.V. Torkunov, D.V. Streltsov, E.V. Koldunova) // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 166–169. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/166-169>

В рецензируемой работе [1] представлен системный анализ ключевых направлений активизации с начала 2000-х годов азиатского направления внешнеполитического курса РФ, за которым в российских академических кругах закрепилось название "поворота на Восток". На основе его результатов авторским коллективом впервые дана многофакторная критическая оценка достижений и проблем российской стратегии в ключевых регионах Азии в более широком мировом контексте за прошедший период, а также дальнейших перспектив этой стратегии, в чем и состоит научная значимость монографии.

Данное исследование, осуществленное под руководством авторитетных востоковедов А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова и Е.В. Колдуновой, отличается логичной и одновременно новаторской структурой. Последняя выстроена с учетом ключевого тезиса авторов о том, что важной составляющей мирсистемного контекста, в рамках которого реализуется "поворот России на Восток", является процесс резкого повышения региональной, а в отдельных случаях и глобальной роли крупнейших азиатских государств [1, с. 5]. С точки зрения основных страновых и региональных направлений поворота на Восток, бесспорным для интересов и статуса РФ является фокус на развитие двусторонних стратегически важных отношений с Китаем, а также с регионом Восточной Азии в целом, остающимся основным источником мирового экономического роста. Исследованию этой важнейшей проблематики (отношениям с Китаем, Японией, РК, КНДР и странами Юго-Восточной Азии) вполне обосновано посвящены первые шесть из девяти глав монографии. При этом в геостратегическом и экономическом контексте большое значение для российского поворота на Восток имеет выстраивание партнерских отношений и со

странами – лидерами других регионов Азии (Индии, Турции и др.) и арабского мира, чему и посвящены последующие три главы монографии.

Большую роль в работе играет первая глава, которая задает тон и ставит другие главы в исторический и региональный контекст, характеризуя историческую подоплеку, геостратегические и геоэкономические причины и факторы российского "поворота на Восток", его внутриэкономические и внешнеполитические компоненты, а также важность в этом свете его ключевого восточноазиатского вектора.

Наиболее важной и заметной частью "поворота на Восток" стало существенное и устойчивое усиление роли Китая в политике России в Азии, анализу которого в значительной степени посвящена вторая глава монографии. При этом, в отсутствии собственного мироустроительного проекта, России необходимо стать частью многосторонней региональной интеграции, в первую очередь с азиатскими государствами. В этой связи большое внимание в ней авторы уделили и исследованию начала реализации Пекином новой внешнеполитической мироустроительной доктрины, проявившейся в создании им на первом этапе многосторонних институтов глобального (БРИКС) и регионального управления: Евразии (ШОС) и Азии (АСЕАН+3, ВРЭП). Успешный опыт участия в этих многосторонних форматах сотрудничества позволил Китаю выдвинуть на периферии западного мира собственный глобальный международный проект "Пояса и пути". При этом важно, что для Пекина это не классический интеграционный проект, а зона привилегированного экономического сотрудничества при сохранении отличий между государствами, что, возможно, больше соответствует реалиям современного мира, переживающего кризис глобализации. И в этой связи весьма важно найти решение поставленной в 2017 г. лидерами РФ и Китая задачи сопряжения ЕАЭС и "Пояса и пути", что позволит сохранить евразийскую идентичность России и экономические интересы Китая [1, с. 39, 42].

Третья глава монографии сфокусирована на рассмотрении роли Японии как важной для России точки опоры в Восточной Азии и возможного партнера для выстраивания более сбалансированной дипломатии в мире и регионе. В то же время в ней констатируется, что, несмотря на некоторые успехи в развитии двусторонних экономических отношений, многочисленные личные контакты и инициативы в 2012 – 2019 годах лидеров двух государств В. Путина и С. Абэ так и не привели к осязаемому прогрессу ни по застарелой проблеме мирного договора, ни даже по вопросу совместной экономической деятельности на Южных Курилах [1, с. 50]. Пришедшие на смену С. Абэ премьер-министры Японии Е. Суга и Ф. Кусидо ожидаемо заняли более проамериканскую внешнеполитическую позицию, настаивая на том, что проблема мирного договора и "территориальный вопрос" являются главными вопросами российско-японских отношений. В целом для Японии в диалоге с Россией на первом плане находятся проблемы национальной безопасности, а для России – перспективы дальнейшего развития экономических связей. В условиях того, что эти сферы пересекаются слабо, будущее позитивное развитие российско-японских отношений не гарантировано, учитывая большое влияние на их характер позиции США.

Четвертая глава посвящена политике РФ в отношении Республики Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), а также позиции Москвы по региональной безопасности, которая во многом определяется состоянием ядерной проблемы Корейского полуострова, а также поиском перспектив её урегулирования. Что касается КНДР и РК, то обе страны заинтересованы в позитивном развитии отношений с РФ. Но при этом, добываясь от Москвы поддержки своих позиций в межкорейском вопросе и проблематике региональной безопасности, и Пхеньян, и Сеул не видят её в числе своих основных партнеров. В то же время есть и существенные позитивные достижения в отношениях с этими государствами. Например, за прошедшие 30 лет объем торговли РФ с РК достиг 25 млрд. долл. и превысил показатели её торговли с Японией. Россия не хочет и не может стать экономическим донором для КНДР и не приемлет её ядерный статус. При этом Москва с пониманием относится к обоснованным опасениям Пхеньяна в сфере безопасности и готова помогать в поиске путей для их устранения. Более того, по мнению авторов, России следует более деятельно выдвигать свои инициативы

в области безопасности, так как при сохранении существующих тенденций вялотекущая региональная конфронтация на Корейском полуострове гарантированно перерастет в открытый конфликт.

Весьма нестандартно в монографии выглядит пятая глава, где изложен экономический смысл российского "поворота на Восток", а также проанализирована практика и тенденции экономического взаимодействия РФ и стран Восточной Азии, что стало основой для выявления показателей оценки устойчивости и создания эмпирической модели экономического взаимодействия между ними. С опорой на эту модель авторами проведено масштабное исследование за прошедшие 20 лет (2000 – 2019 гг.), подробные результаты которого в отношении российских торговых и экономических связей с рядом азиатских регионов и их ведущими государствами приведены в данной главе.

Отношения РФ со странами АСЕАН и их роль в российском "повороте на Восток" рассмотрены в шестой главе работы. За прошедшие 30 лет эти отношения прошли путь от отдельных контактов до широкой институализации взаимодействия в рамках диалогового партнерства и, наконец, до стратегического партнерства, заявление о формировании которого было принято в 2018 г. по итогам третьего саммита АСЕАН – РФ. В плане экономических отношений этапным стало подписание в 2015 г. Соглашения о ЗСТ между странами ЕАЭС и Вьетнамом, что в перспективе может привести к достижению подобной договоренности ЕАЭС с АСЕАН в целом. АСЕАН-центричные институты в АТР (АРФ, СМОА+, ВАС) весьма значимы для России в качестве площадок для высказывания и продвижения собственных подходов к формированию региональной структуры безопасности. При этом именно АСЕАН рассматривается политическим руководством России как наиболее приемлемый институциональный партнер в Тихоокеанской Азии, способный обеспечить инклюзивный характер регионального диалога [1, с. 127].

Особую значимость монографии придает рассмотрение в седьмой главе российско-индийских отношений и роли Индии в качестве приоритетного партнера России в мире и в её "повороте на Восток". Индия является одной из ведущих мировых держав и закономерно претендует на статус глобального центра влияния. При этом позиции Москвы и Дели по всему комплексу мировых проблем очень близки, а возможность установления однополярного мира под эгидой США неприемлема как для России, так и для Индии. Культурно-цивилизационные факторы также играют огромную роль в том, что РФ и Индия являются естественными стратегическими партнерами.

Что касается двусторонних отношений в политике, экономике, военно-технической сфере, то многие годы их развитие носило в целом позитивный характер. Однако в последние годы во многих сферах двустороннего взаимодействия эти отношения стагнировали в силу психологического восприятия элитами обеих стран своего партнера. Так, преимущественно прозападная индийская элита достаточно скептически оценивает нынешнюю роль России в мировой системе, а российский истеблишмент, по крайней мере до недавнего времени, зачастую не относился к Индии как к великой державе [1, с. 127].

Исследования российского "поворота на Восток" чаще всего фокусируются на таких направлениях внешней политики РФ, как отношения со странами Восточной Азии (в первую очередь с Китаем) и с Индией. При этом поиск Россией внешнеполитических альтернатив в незападном мире привел к росту значимости для неё такого непростого соседа, как Турция. Совпадение интересов Москвы и Анкары по многим позициям в политике, экономике, энергетике и других сферах в ряде регионов сделали Турцию значимой переменной российского "поворота на Восток", что нашло отражение в восьмой главе монографии. По оценке авторов, с 2016 г. сотрудничество РФ и Турции стремительно эволюционировало и приобрело черты неформального геополитического альянса, в том числе в такой чувствительной сфере, как региональная безопасность. В то же время сложились и очевидные ограничители для дальнейшего углубления этого альянса. В результате, несмотря на углубление военно-политического взаимодействия и ситуативное сближение по некоторым вопросам на Ближнем Востоке, Россия и Турция разошлись во взглядах по поводу его регионального устройства [1, с. 209].

Заключительная глава работы посвящена анализу динамики и перспектив российско-арабских отношений. Активизация политики Россия за

последнее десятилетие позволила ей восстановить свои позиции как одного из ключевых политических игроков на Ближнем Востоке. Начиная с 2012 г. выросла личная дипломатия президента РФ В. Путина в регионе, а также отмечен поступательный рост двусторонней торговли РФ с арабскими странами. При этом после успешной операции российских ВКС в Сирии вырос спрос на российское вооружение и сотрудничество с Москвой в военно-технической области. Наконец, события в арабском регионе сильно влияют на мировую конъюнктуру углеводородного рынка, и поэтому одним из важнейших форматов российско-арабского сотрудничества остается энергетика, где координация деятельности РФ и Саудовской Аравией стала важнейшим фактором ценообразования в нефтяной сфере.

В целом рецензируемая монография является очень качественной работой, представившей комплексную критическую оценку достижений и проблем российской стратегии в ключевых регионах Азии в свете российского "поворота на Восток", а также перспектив реализации этой стратегии. В то же время начатая Россией в феврале 2022 г. специальная военная операция на Украине, с одной стороны, сделала тематику российского "поворота на Восток" еще более актуальной, а с другой – затруднила сотрудничество в его реализации с рядом стран Азии (Японией, РК и др.), при этом повысив значимость в этой сфере таких ключевых акторов, как Китай, Индия, Турция и др. В этой связи представляется уместным пожелать исключительно компетентному коллективу авторов данной работы начинать сбор материалов для подготовки в перспективе еще одной монографии, в которой продолжающийся российский "поворот на Восток" будет оценен с учетом новых геополитических реалий..

Литература

1. "Азиатский поворот" в российской внешней политике: Достижения проблемы, перспективы: Монография / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2022. 256 с.

References

1. "Asian turn" in Russian foreign policy: Achievements, problems and prospects: Monograph / Ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov, E. V. Koldunova. M.: Aspect Press Publishing House, 2022. 256 p.

Информация об авторе

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р. полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Information about the author

Sergey V. Sevastyanov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; Leading Researcher, Institute for Economic Research, FEB RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Сообщение
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/170-172>

"Мир Центральной Азии – V": заметки участника конференции

Анна Викторовна Винокурова,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен обзор основных мероприятий научной конференции "Мир Центральной Азии – V", посвящённой 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Главная цель конференции состояла в широком научном обсуждении вопросов, связанных с историей и современностью государств и обществ Центральной Азии. Основное внимание уделено работе секции "Социальные изменения и стратификационные процессы в Центральной Азии".

Ключевые слова: *Центральная Азия, история и современность, социальные процессы, социальные изменения, российско-монгольское трансграничье*

При финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ, проект № 20-511-44003 "Российские и монгольские мигранты в странах АТР".

Для цитирования: Винокурова А. В. "Мир Центральной Азии – V": заметки участника конференции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 170–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/170-172>

Message
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/170-172>

"The World of Central Asia – V": the notes of the conference participant

Anna V. Vinokurova,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Abstract. The report provides an overview of the main events of the scientific conference "The World of Central Asia – V", dedicated to the 100th anniversary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The main goal of the conference was a broad scientific discussion of issues related to the history and modernity of the states and societies of Central Asia. The main attention is paid to the work of the section "The Social Changes and Stratification Processes in the Central Asia".

Key words: *Central Asia, history and modernity, social processes, social changes, Russian-Mongolian transborder*

Funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 "Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region".

For citation: Vinokurova A. V. "The World of Central Asia – V": the notes of the conference participant // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 170–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/170-172>

30 июня – 03 июля 2022 года состоялась международная научная конференция "Мир Центральной Азии – V", приуроченная к 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). Мероприятие проходило в г. Улан-Удэ и с. Максимиха Баргузинского района Республики Бурятия.

Хотелось бы отметить, что за последние три года в связи с пандемийными ограничениями многие мероприятия были перенесены в онлайн-формат, а потребность в "живом" научном общении и взаимодействии куда не исчезла. И нынешняя юбилейная конференция "Мир Центральной Азии – V", проведённая в традиционном оффлайн-формате, позволила всем участникам реализовать эту потребность в полной мере. За последнее время – это самое масштабное очное научное мероприятие такого высокого уровня.

На конференции были представлены 452 доклада исследователей из различных государств: России, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, КНР, Индии, Японии, Германии. Обращает на себя внимание и широкая география российских участников: со своими докладами выступили учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Красноярска, Горно-Алтайска, Томска, Омска, Кемерово, Казани, Уфы, Перми, Оренбурга, Саратова, Карачаевска, Махачкалы, Иркутска, Кызыла, Элисты, Абакана, Барнаула, Якутска, Читы, Биробиджана, Хабаровска, Владивостока, Севастополя, Азова, Сыктывкара. Очное участие в конференции приняли 340 человек – руко-

водители и сотрудники ведущих отечественных и зарубежных научных организаций и вузов [см. подробнее: 2].

Работа мероприятия началась 30 июня с пленарного заседания, где свои доклады представили академик РАН, доктор исторических наук Б. В. Базаров, академик РАН, доктор экономических наук В. А. Крюков, доктор исторических наук А. К. Аликберов, академик Академии наук Монголии, доктор исторических наук Цэдэндамба Батбаяр, академик РАН, доктор исторических наук Н. Н. Крадин.

Далее (30 июня – 01 июля) работа конференции была продолжена в рамках 11 секций: "Археологические культуры Центральной Азии (палеолит – ранний железный век)", "Археологические культуры Центральной Азии (средневековье – новое время)", "Государства и общества Центральной Азии: источники, историография и история права", "История государств и обществ Центральной Азии", "Национально-государственное строительство в регионах Центральной Азии в XX – начале XXI в.", "Этнография народов Центральной Азии", "Литература и фольклор монголоязычных народов: ареальный и стадиальный аспекты", "Языки и письменность народов Центральной Азии", "Философия и религия в социокультурном пространстве Центральной Азии", "Социальные изменения и стратификационные процессы в Центральной Азии", "Международные отношения и геополитика в Центральной Азии".

Подробнее хочу остановиться на работе секции "Социальные изменения и стратификационные процессы в Центральной Азии", в работе которой я принимала непосредственное участие. Всего на секции было заявлено 48 докладов, из них 29 очных. Первый блок выступлений представили учёные из Москвы – сотрудники Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН). Руководитель секции, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения ИС ФНИСЦ РАН З. Т. Голенкова в своём докладе затронула вопросы, касающиеся основных тенденций и противоречий модернизации социальной структуры современных обществ в условиях глобализации. В выступлениях Ю. В. Голиусовой, Т. Г. Анисимовой, А. Д.-Б. Самба акцент был сделан на проблемах трудовой занятости и социальной мобильности населения российских регионов (на материалах Республики Тыва).

Данная тема была продолжена в докладах Е. В. Петровой, Ю. Г. Бюраевой, А. С. Бреславского, П. К. Варнавского, А. В. Бильтриковой, И. Д. Ван, И. В. Чанковой, Н. Г. Канзычаковой и др. Они осветили вопросы, связанные с развитием и динамикой качества жизни, социального неравенства, общественного здоровья, миграционных, урбанизационных и прочих социальных процессов в Бурятии, Хакасии и других восточных регионах РФ.

Второй блок выступлений, представленных Е. А. Назаровой (МГИМО), С. Н. Ивановой (Байкальский институт природопользования СО РАН), В. Г. Жалсановой (ИМБТ СО РАН), Е. Ю. Башкуевой (Бурятский научный центр СО РАН), И. В. Калининной (Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН), Э. К. Бийжановой (ИС ФНИСЦ РАН) и др., был посвящён анализу проблем, касающихся различных аспектов социального взаимодействия в регионах российско-монгольского трансграничья, Северо-Восточной Азии в целом.

Также в рамках данной секции были представлены доклады новосибирских учёных из Института философии и права СО РАН – доктора философских наук, профессора Ю. В. Попкова и доктора философских наук Е. А. Ерохиной. В своих выступлениях они затронули вопросы этнокультурного разнообразия в социокультурной динамике, рассмотрели этнические сети и институты через призму антропологического и социологического описания.

Ещё одна часть выступлений была посвящена анализу различных социальных процессов и изменений, происходящих в современном монгольском обществе. Представители Института философии Академии наук Монголии Бямбахишиг Пурэвсурэн, Ойдов Хатанболд, Цэвээн Цэцэнбилэг в своих докладах особое внимание уделили вопросам трансформации образования, политической культуры, неформальной занятости. Проблемы стратификации населения современной Монголии в своём выступлении осветил Д. Д. Бадараев, в докладе А. В. Винокуровой (в соавторстве с А. Ю. Ардальяновой и

Мунхбатом Оролмаа) были рассмотрены повседневные практики и адаптация монгольских трудовых мигрантов в принимающем сообществе стран АТР.

В целом работа конференции прошла эффективно, позволила всем её участникам широко обсудить различные научные вопросы, связанные с историей и современностью государств и обществ Центральной Азии. По итогам конференции был издан сборник материалов [см. подробнее: 1].

Помимо основной части конференции, представленной пленарным и секционными заседаниями, были проведены и другие мероприятия. Так, 1 июля состоялось Торжественное собрание общественности, посвящённое 100-летию ИМБТ СО РАН, а 2–3 июля прошло выездное заседание на оз. Байкал, на котором были подведены итоги конференции.

Ещё раз выражаю свою искреннюю благодарность коллективу ИМБТ СО РАН за безупречную организацию мероприятия, за создание потрясающей атмосферы, что позволило участникам не только реализовать плодотворную научную работу на полях конференции, но и пообщаться в неформальной обстановке, укрепить имеющиеся и наладить новые научные и деловые контакты.

Литература

1. Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. / науч. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров, ред. коллегия М. Н. Балдано [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.]. Новосибирск: СО РАН, 2022. 722 с.
2. Программа международной научной конференции "Мир центральной Азии – V" // ИМБТ СО РАН: [веб-сайт]. URL: https://imbt.ru/upload/mtsa-5/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_%D0%9C%D0%A6%D0%90-V.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

References

1. The World of Central Asia – V: collection of scholarly articles / science ed. A. P. Derevyanko, B. V. Bazarov, editorial board M. N. Baldano [et al.]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [et al.] Novosibirsk: SB RAS, 2022. 722 p. (In Russ.).
2. The Program of the International Scientific Conference "The World of Central Asia – V" // IMBT SB RAS: [website]. URL: https://imbt.ru/upload/mtsa-5/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_%D0%9C%D0%A6%D0%90-V.pdf (accessed 16.07.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Викторовна Винокурова, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the author

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
10. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
11. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
12. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
13. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2022 № 3 (62)

Подписано к печати 05. 09. 2022 г. Вышло в свет 21. 09. 2022 г, формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,25. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

ASIAE NOVA
DESCRIPTIO